СОЗДАТЕЛЬ
ТОЛЬКО ОН ЗНАЕТ ПРАВДУ
18+
ДЕНИС КАЛДАЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что будет, если ты очнешься на острове посреди океана совсем один? Выживешь ли ты там, попав в толпу фанатиков? Что будет, если в далеком будущем тебя насильно соединят с коллективным разумом? Кому и зачем это нужно? Что, если чей-то эксперимент провалился? Все ответы знает только он.

- Денис Калдаев
  -
  - Пролог
  - Часть первая. Эффект обезвоживания
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
  - Часть вторая. Фиолетовое безумие
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
  - Часть третья. Бесконечная матрешка
    - I
    - II
    - III

Денис Калдаев
Создатель

© Калдаев Д. С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

В аудиторию входят дети и рассаживаются по местам. Последней появляется наголо остриженная девочка. Она молча садится за парту, достает из кармана чип-матрешку, и перед ней возникает мерцающий экран.

Никто не обращает на нее внимания.

Дети обсуждают домашнее задание. Говорят они по очереди, будто участники дебатов. Девочка о чем-то сосредоточенно думает.

– Ты готова, Эс8? – спрашивает ее мальчик.

Она довольно кивает.

В этот момент в аудиторию заходит высокая женщина с темно-синей кожей.

– Начинается урок, – говорит она.

Повисает тишина.

– Включите чипы.

На своих экранах дети видят лаборанта, одетого в белоснежную форму.

– Знаменитый эксперимент Кэлха, – объявляет женщина. – Запись старая, но прекрасно отражает принципы тиражирования.

Все слушают, затаив дыхание.

– Итак, – продолжает она, – этап первый.

Дети наблюдают, как лаборант, натянув перчатки, демонстрирует квадратное стекло размером с ладонь.

– Питательная среда, – комментирует женщина.

Затем мужчина кладет стекло в инкубатор и шприц, встроенный в крышку устройства, выдавливает на середину пластинки мутную каплю.

– Колония бактерии Т.

Инкубатор закрывают. Вспыхивает таймер, и запись ускоряется. Капля, содержащая бактерии, разрастается по всей пластинке и на отметке «5 часов 6 минут» застывает, уродливо чернея.

– Вы видите время жизни колонии. Всем понятно?

Дети кивают.

– Теперь этап второй.

В инкубатор кладут десять пластинок. Фиксируя происходящее, над ними порхают миниатюрные пчелы-дроны.

– Колонии одинаковы, – подчеркивает женщина. – В начальный момент они находятся в равных условиях.

Включается таймер, и колонии бактерий медленно, будто кляксы, расплываются по стеклам и наконец умирают в случайном

порядке.

– Минимальное время жизни колонии – «3 часа 17 минут», максимальное – «7 часов 49 минут».

Дети переглядываются.

– А теперь, – продолжает женщина, – этап третий. В нем и состоит суть эксперимента Кэлха.

Перед детьми появляется огромное здание-инкубатор.

– Здесь ровно миллион пластинок, – говорит женщина. Ее кожа переливается синим матовым блеском. – Какая колония выйдет победителем в этой гонке?

Эс8 смотрит, не отрывая взгляда от экрана.

От напряжения она слегка потирает лоб.

В зданиии-инкубаторе рой пчел-дронов кружит над рядами пластинок.

Миллион шприцов одновременно касаются стекол, щелкает таймер, и начинается удивительное соревнование.

– Минимальное время – «23 минуты», – объявляет женщина. – Максимальное – «79 часов 8 минут».

Дети аплодируют.

– Результат потрясает.

Но никто не выглядит пораженным.

Эс8 радостно хлопает в ладоши.

– Если все ясно, – говорит женщина, – приступим к проверке домашнего задания.

Девочка широко улыбается – сверкают ее прозрачные, сделанные будто из стекла зубы.

Часть первая. Эффект обезвоживания

I

Почему я здесь?

Нейт лежал на спине и медленно приходил в себя. Глаза пронзали иголочки боли, в висках и затылке разлилась неприятная тяжесть. Тело горело, суставы ломило как после многочасовой работы.

Щурясь от света, он увидел, что вокруг зеленела трава, а посреди ослепительно-голубого неба за ним наблюдало солнце.

Где я?

Мужчина со стоном приподнялся и замер в изумлении. В паре метров от него лежала худая темноволосая девочка. Она тоже заметила мужчину, угрюмого, похожего на растерянного варвара, и от испуга взвизгнула. Вскочив, она, пятясь, отползла на край поляны. Некоторое время они молча изучали друг друга.

– Кто вы? – робко спросила девочка.

Она настороженно глядела на него из-под шапки спутанных черных волос. Он нахмурился. В голове вертелись беспокойные мысли. Кто эта девочка? И почему он здесь? Он ничего не помнил – только вспыхнули и исчезли смутные воспоминания кабинета, улыбок и рукопожатий.

– Я очнулся минуту назад, – сказал он.

Откуда-то из леса едва доносилась музыка, будто далеко в чаще прятался оркестр.

– Где Клер? – спросила девочка.

В глазах ее блестели слезы.

– Какая Клер? – не понял он. – Пожалуйста, давай пока без вопросов.

Он огляделся.

Вокруг высились исполинские сосны с темно-оранжевыми стволами и темнела непроходимая чащоба из папоротников и кустарников, в которой редкими пятнами были разбросаны бело-желтые цветы. Справа вдали голубели очертания гор.

Мужчина не отводил взгляда от зарослей, щурясь, еще не привыкнув к блеску солнечного неба. Лес вокруг гудел, стрекотал, попискивал.

– Я ни в чем не виновата, – бормотала девочка. – Я шла домой… открыла какие-то двери, а дальше – темнота.

– У тебя есть что-нибудь в карманах? Может быть, телефон? Или…

– Нет, – заплакала она. – Я хочу домой.

И стала судорожно тереть руки.

– Какие же они грязные! – всхлипывала она. – Мыло… Мне

нужно мыло!

Вырвав зеленый ползучий стебель, она пыталась втереть его в ладони.

– Успокойся, прошу тебя, – сказал мужчина. – Какое мыло… а эта дрянь может быть ядовитой.

Он держался за голову и покачивался вперед-назад, как маятник.

– Мне надо срочно помыться… – стенала девочка. – Я так не могу.

– Где твоя мать?

– Меня воспитывает тетка.

– Где же она?

– Я не знаю! – раздраженно ответила девочка.

Он на мгновение задумался.

– Нужно выйти из леса и найти людей.

Над ним бесшумно порхала крупная серая бабочка. Вдруг из зарослей, заглушая музыку, раздался рев, который вполне мог принадлежать крупному зверю.

Девочка испуганно завертела головой.

– Надо идти, – повторил мужчина.

Он подошел к ней и, помогая подняться, сказал:

– Нейт.

– Я не понимаю вас, – она высвободила руку. – Как же здесь грязно… Мне нужно воды. И мыла.

– Нейт, меня зовут Нейт, – нетерпеливо повторил он. – Что тут непонятного.

– Сифинь, – прошептала она. – Я – Сифинь.

Они оба были одеты в черные хлопковые штаны и белые майки. Нейт сорвал с куста несколько огромных мясистых листьев, оставил себе один, а остальные протянул девочке.

– Оберни голову, – он указал на небо. – Солнце печет.

Она завернулась в них, как в полотенца. Листья упали. Тогда он помог закрепить их, связав в узелки волокна, выступающие из мякоти.

– Иди за мной.

– Откуда эта музыка? – спросила девочка.

– Там люди, – сказал он уверенно.

Нейт ориентировался на звуки мелодии, которая с каждым шагом звучала все громче и отчетливей.

Впереди стеной стояли деревья, оплетенные плющом, покрытые грибами и бурыми лишайниками. Под ними разрослись густые папоротники. Но вскоре сквозь заросли им открылся просвет – синие проблески океана.

– Почти пришли, – выдохнул Нейт.

Берег был усыпан галькой и серым песком, местами грудились черные валуны базальта, облепленные высохшими коралловыми гроздьями.

Нейт вытер лицо.

Порыв ветра охладил его разгоряченное, потное тело. В горле нестерпимо жгло, а на зубах скрипел песок.

– Музыка идет от воды, – сказал Нейт, с тревогой оглядывая берег. – Но здесь… здесь никого нет.

– Ага, – еле слышно ответила Сифинь.

– Это означает, что где-то неподалеку плывет судно. – Он не нашел иного объяснения. – Звук хорошо движется над водой.

Он упал на колени, умыл лицо, прополоскал рот, но проглатывать воду не стал. Она приятно холодила нёбо, и потому пить захотелось еще сильнее.

Сифинь, не двигаясь, стояла позади него.

– Можно я попью? – спросила она.

– Нет, – ответил он.

– Почему?

– Вода соленая. Ее нельзя пить. Я лишь прополоскал рот.

Девочка нахмурилась.

– Думаю, нам лучше пойти вдоль берега, – предложил он. – Так мы выберемся к людям.

На него вдруг навалилась усталость.

Сифинь подошла к кромке воды.

– Отвернись, – попросила она.

– Пообещай, что не будешь пить.

– Обещаю.

Она терла себя вспененным мокрым песком – руки и ноги.

И тут он услышал, как она заплакала. Внутри него все сжалось. В отчаянии она упала на колени и принялась бить кулаками по воде.

– Я все понимаю, – сказал он негромко.

В голове крутились десятки вопросов. Прежде всего нужно было вспомнить главное: как он попал сюда? Кто эта девочка? И что произошло накануне?

Какой-то бред.

На куске гранита, омываемом волнами, он нашел синеватые мидии, которые крепко присосались к камню. «В Нидерландах сырыми едят, кажется», – подумал он. Поднял гальку, сбил два моллюска и расколол их раковины.

– Я не буду. – Девочка с отвращением помотала головой.

Закрыв глаза, не жуя, он проглотил обе мидии и поморщился.

Запить их было нечем. В голове затуманилось от жажды.

Мрачно вглядываясь в океан, покрытый дымящимися, зеленоватыми валами, он искал глазами судно, с которого доносилась эта странная музыка. Но горизонт казался пустым. Было что-то таинственное в этих мелодиях – не возникали же они из ничего!

Что это за глушь?

Он нахмурился и тихо выругался.

Снова войдя в заросли леса, они нашли желто-оранжевые плоды, похожие на манго.

Лес был полон звуков – за деревьями гомонили его невидимые обитатели, что-то стрекотало, пищало, цокало.

Нейт гнал от себя все посторонние мысли, сосредоточившись на двух самых важных. Во-первых, нужно каким-то образом найти воду. Во-вторых, выяснить, как он здесь очутился.

Не меньше двух часов они кружили по лесу, и их легкая одежда оказалась изодрана в клочья, ноги исцарапаны, а свежие раны, алеющие кровью, привлекали мух.

– Здесь никого нет, – сказала девочка.

– Пойдем вдоль берега, – снова предложил он.

Под ногами хрустели галька, пустые крабьи панцири, сухие обрывки водорослей. В небе, налившемся яркой синевой, кружили чайки. Но их не было слышно – чаячьи крики перекрывала надоедливая музыка.

– Что я здесь делаю? – Девочка с тревогой взглянула на мужчину.

Он покосился на нее. Казалось, еще немного, и она снова заплачет.

«Я растерян не меньше тебя», – подумал он.

– Не знаю.

От океана потянулась волнующая мелодия, которая напомнила Нейту дом. Он подумал о матери, к которой обещал приехать утром, и с трудом подавил спазм, возникший в горле.

Жажда заставляла открывать рот и дышать, чуть высунув язык.

Девочка вдруг подбежала к кромке океана, опустилась на колени и стала черпать воду двумя руками.

– Не пей! – закричал он.

– Я очень хочу пить!

– Нельзя.

Она злобно на него взглянула, но послушалась и поднялась на ноги.

– Мы найдем воду, – пообещал он. – Потерпи. От соленой воды будет только хуже.

– Меня… меня тошнит.

– Потерпи.

Ее начало трясти.

– Откуда эта музыка?! – закричала она, рыдая. – Господи, я хочу домой!

Часто дыша, девочка билась в истерике.

Он ждал, когда она успокоится.

Наконец она посмотрела на него глазами, полными боли, и с горечью сказала:

– Вас зовут Нейт, верно, да? Так вот, господин Нейт. Здесь нет людей! Мы умрем здесь же, на этом песке.

Он подождал, пока ее эмоции стихнут, и ответил:

– Хорошо. Но сначала найдем воду.

Затем предложил:

– Можно достать фрукты. Точно. В них же достаточно воды. А по дороге, может, отыщем и какое-нибудь озеро.

Они углубились в лес, в прохладу папоротников и, отбиваясь от мух, съели по два желто-оранжевых плода.

Когда девочку вырвало, он отвернулся.

– Кажется, здесь был ручей, – сказал Нейт, указывая на высохшее, поросшее зеленью русло, тянувшееся в противоположную от океана сторону. – Нужно подняться вдоль него. Так мы можем найти воду.

Девочка вертела в руках подобранный на берегу зеленый пучок водорослей.

– Делай что хочешь.

Он наклонился и поднял с земли два полупрозрачных камня.

– Кварц, – объявил он.

Сифинь не ответила.

В просвете между деревьями солнце уже клонилось к горизонту.

– Нужно идти, – сказал Нейт.

Отмахиваясь от паутин, они поднимались все выше, но русло оставалось сухим.

В воздухе разливалась синева.

«Так быстро стемнело», – пронеслась у него мысль.

Что же чувствует девочка, если он сам на грани срыва? Он оглянулся. Она не сдавалась и, плотно сжав губы, продолжала идти за ним.

Мимо промчался бурый зверек и скрылся в кустах.

– Еще немного, – сказал Нейт.

Склоны, по которым они шли, становились все круче и сужались в лощину, которая казалась особенно темной и мрачной после яркого света на побережье.

– Я не могу, – всхлипнула девочка и опустилась на колени.

Не голос, а мышиный писк.

– Даже не думай, поняла? – Он поднял ее и легонько встряхнул. – Ты поняла меня?

Девочка ответила ему тусклым взглядом.

– Нужно идти.

Каменную стену озарил луч закатного солнца.

– Смотри, – прошептал Нейт. – Там что-то блестит… Это же пещера!

Под черным углублением в скале сверкала тонкая полоса.

– Здесь воздух очень влажный… ты чувствуешь? – Сделав шумный вдох, он заметил, что тело девочки обмякло, а глаза наполовину закрылись.

Он успел ее поймать, прежде чем она рухнула на землю, и, положив на плечо, двинулся наверх. Им овладело предчувствие, что они спасены – он не сводил глаз с блестящей полосы на скале.

Пещера оказалась узким ущельем между высокими стенами базальта – внутренней трещиной, укрытой густыми зарослями папоротника. Ветви и кусты создали хорошо спрятанное логово.

Нейт нырнул внутрь, и тут же что-то холодное упало ему на шею. Взглянув наверх, он понял, что на своде пещеры собирается конденсат. Сорвалась еще одна капля и разбилась о его щеку. По стенам тянулись мерцающие в полутьме ручейки.

– Вода! – прохрипел он. – Здесь вода!

Он опустил девочку, прислонив к стене, и пальцами смочил ей губы.

– Очнись, дитя.

И лишь когда она пришла в себя и удивленно на него взглянула, он припал к одному из ручейков и начал жадно слизывать с камня влагу. Это была скудная, грязная струйка, но ему было все равно. Он пил с мучительным наслаждением, позабыв обо всем.

Сифинь прижалась к противоположной стене и пила долго, причмокивая.

Становилось холодно. Прозрачное небо быстро темнело, одна за другой загорались звезды. Просветы между деревьями, прогалины в чаще, голубоватые при свете дня, теперь пугали своей чернотой. Лес слился в темную, бесформенную массу.

Нейт упорно высекал искры над горсткой сухих листьев. Он весь взмок и почти искрошил один из камней, когда листья наконец стали тлеть. Несколько раз он случайно ударил куском кварца по суставу большого пальца, и теперь в этом месте пульсировала боль.

Пламя робко вспыхнуло, поползло по веточкам и осветило

тьму. Пещера оказалась небольшой – не более семи метров в длину и двух в ширину. Со свода грязно-серыми клыками свешивались сталактиты.

Нейт подложил в огонь заранее подготовленные крупные сучья. Он молчал, напряженно следя за пляшущим пламенем.

– Надеюсь, это не жилище какого-нибудь страшного зверя, – услышал он голос девочки.

– Не думаю, – пробормотал он.

– Простите меня, пожалуйста. Просто мне страшно, и я хочу домой.

Она вдруг прижалась к Нейту, и он почувствовал, как сильно она дрожит.

Он кивнул.

– Все будет хорошо, – добавила она.

В ней произошла неуловимая перемена. Вода придала ей сил.

– Да, я знаю… – ответил он. – Кто такая Клер?

Раздался глубокий вздох.

– Моя тетя. Она заботится обо мне.

– А твои родители?

– У меня их нет.

Они вдыхали аромат горевших веток. Можно было наконец расслабиться и все обдумать. Но музыка океана, приглушенная лесом, все так же его тревожила.

Девочка заснула.

Костер давно погас, от стен шел холод. Нейта колотила дрожь. Он выглянул из пещеры и разглядел в темноте колеблющиеся верхушки папоротников.

Что они здесь делают? И почему он ничего не помнит?

«Похоже на сон, – сказал он себе. – Яркий и правдоподобный, будто реальность».

Так он довольно долго утешал себя. Изредка в голове проносились пугающие мысли, оставляя жаркий след страха.

«А если нет? Тогда что? Похищение? Авиакатастрофа? Или что-то другое? Кто эта девочка?.. Все это явный бред, нагромождение нелепостей».

Он нарвал папоротников и, словно одеялом, укрыл ими Сифинь. Лег рядом, но долго не мог заснуть, с тревогой вглядываясь в темноту. И лишь когда заголосили птицы, его сковала дрема. Перед глазами повис тяжелый бархатный занавес, тело поплыло по волнам, и Нейт провалился в сон.

II

– Я замерзла, – сказала девочка.

Протирая глаза, он увидел, что небо затянуто облаками. Вдали виднелась полоска пляжа. Над океаном грудились темные тучи, а над водой висел туман, сотканный из дождевых капель. Оттуда все так же доносились глухие звуки музыки.

– Мне нужно мыло… – вновь начала Сифинь. – Если я не помоюсь, то сойду с ума.

Сжимая кулаки, Нейт шагал по пещере. Его раздражали капризы девочки и ее патологическая боязнь замараться.

– Здесь повсюду грязно, – резко сказал он.

Но тут же пожалел. Все-таки тяга к чистоте – это нормально, и он сам был не против принять прохладную ванну с пеной.

Вдруг девочка закричала. Она в отчаянии выкрикивала какие-то бессмысленные слова. Голос Сифинь был тонким и слабым. От этих стенаний в его груди словно прорастали шипы. Но как ей помочь? Он попытался ее обнять, но она вырвалась.

– Обещаю, я найду людей, – повторил он дважды.

Зарядил ливень, и Нейт вполголоса выругался: у них не было никакой посуды, чтобы набрать воды. Как же глупо.

Скользнув взглядом по Нейту, девочка спустилась по отрогу и села на мшистый камень. Запрокинув голову, она открыла рот и ловила теплые дождевые капли, а руками растирала шею, подставив ее под небесный душ.

Повсюду громыхало – лес освещали фиолетовые вспышки молний. Нейт ушел за выступ скалы, поднимающийся к небу вертикально поставленным лезвием, – снял майку и последовал примеру Сифинь, смывая с себя загустевший пот, который напоминал жирную рыбью слизь.

Тело больше не зудело, он наконец ощутил приятную чистоту.

Вернувшись в укрытие, он долго раздувал угли, пока пламя не объяло сложенные веточки.

«Надо бы сходить за мидиями, – мелькнула мысль. – Жареные, наверное, даже вкусные».

Вскоре дождь перестал, выглянуло солнце, и ветер стих. Океан вдали блестел, как чистое зеркало. Издалека тянулись надоедливые мелодии.

– Я всего лишь пытаюсь понять, – бормотал Нейт, – каким образом мы попали сюда. Плюс у меня не выходит из головы эта музыка.

Если заткнуть ватой уши, залить сверху воском, как делал

Одиссей, то и тогда она наверняка найдет способ проникнуть в мозг. Что за бред? В океане не видно ни кораблей, ни катеров, ни лодок.

– Кажется, это Моцарт, – безучастно ответила девочка.

– Я… – помедлил он, – особо-то и не разбираюсь.

Она сидела в углу пещеры, неестественно изогнувшись, и даже не обернулась на его слова. Она лишь шептала имя «Клер», покачиваясь из стороны в сторону.

– Я поищу людей, – предложил он. – Можешь пока отдохнуть.

Сифинь слегка шевелила губами, но ничего не говорила. В руках она теребила высохший пучок водорослей, который подобрала вчера. Теперь он был мертвого, бурого цвета.

Нейт бродил по лесу долгие часы, пытаясь найти следы людей.

Голова гудела от жары. Солнце жгло непокрытую макушку. Тогда он обернул голову листьями, как и в первый день. Это помогло.

Птицы пронзительно вскрикивали, когда он раздвигал заросли, пробираясь сквозь лес в надежде наткнуться хотя бы на кострови́ще.

– Зачем я здесь? – бормотал он.

Но все было зря. Его окружал девственный, никем не тронутый лес. Ни тропинок, ни мусора, ни окурка.

Есть ли здесь города да любые поселения? Каким образом он попал в это дикое место?

«Кажется, я заболел», – подумал он.

По тому, как зудела кожа на плечах, он понял, что сильно обгорел. Будто смеясь над ним, солнце сияло в небе, поливая его огненными лучами. Он весь взмок, покрылся клочками паутины и сломанными стебельками. О чувстве свежести после утреннего душа он уже забыл.

Нейт постоянно смахивал с себя упавших с деревьев пауков, жуков, многоножек, распугивал чирикающих в зарослях желтых и синих птиц. В подоле его майки лежали моллюски и помятые фрукты. Штаны разодрались на коленях, в районе паха и клочьями висели на нем.

«Первое, – размышлял он, – нужно вспомнить, что привело меня сюда. А пока нужно поддерживать в теле жизнь. Давать ему пищу и воду. И не забывать о девочке. Нам повезло, что мы наткнулись на укрытие».

«Второе: надо быть готовым к болезни, – решил он. Его уже лихорадило и мутило. Едкая кислота подбиралась к горлу, выжигая пищевод. – Похоже, температура. Возможно, отравление

мидиями. Я же их ел сырыми. Или это обезвоживание?»

«Третье: важно как можно больше разговаривать с девочкой. Нельзя, чтобы она окончательно замкнулась», – он и сам переживал за свою психику, но понимал, что речь позволяет сохранить рассудок. Даже если говорить с самим собой.

«Наконец, четвертое: необходимо найти людей. Тогда все станет понятно. Пожалуй, это самое важное», – заключил он.

Когда он вернулся, Сифинь уже спала.

Он с облегчением вздохнул, убедившись, что она в безопасности. Напившись, он устроил из папоротника нечто вроде подстилки. Затем положил фрукты в дальний угол на кучу веток.

Теперь спать, спать и ни о чем не думать!

«Все это не может продолжаться вечно», – решил он и рухнул в сон.

Много позже, вспоминая эти дни, он возвращался в памяти к тому, как выдалбливал камнем углубление у стены, чтобы туда стекал самый крупный ручеек. Там за сутки стало скапливаться достаточно воды.

– Прошло три дня, как мы попали сюда, – сказал он.

Он вновь застучал зубами – дрожь накатывала приступами. Ночами у него поднимался жар, и он бредил. Сил почти не осталось, и постоянно хотелось пить.

– Да, – просто ответила девочка.

Он ясно почувствовал, что она еще больше замкнулась, и будто невзначай добавил:

– Утром я видел людей, дитя.

Это сработало как триггер.

Сифинь с мольбой взглянула ему в глаза:

– Почему? Почему ты ничего не сказал?

– Если это был не сон, и они…

Она отвернулась.

– Я сегодня ходил к океану, но никого не встретил. Музыка по-прежнему звучит, я даже…

– Где ты их видел? – спросила она.

– Утром я встал по нужде и заметил на пляже трех человек.

Он почувствовал, что оправдывается. Ему стало стыдно.

– Ты не сказал мне! – всхлипнула она.

– Я боялся дать тебе ложную надежду… Сначала я хотел сходить и проверить. Но, как я уже сказал, там никого не было…

– Нужно идти дальше вдоль берега, – перебила она. – Ты же сам говорил!

– Это может быть опасно.

– Не опаснее, чем сидеть в этой вонючей пещере.

III

Брахур умирал от жажды.

«Холодная вода, прозрачная, как лед, очищающая, кристальная, сверкающая», – он думал о ней, добавляя всевозможные эпитеты, и представлял, как он пьет ее, втягивает ртом, смакует, и тысячи целебных серебристых нитей устремляются в него, неся в себе жизнь.

«Три дня, уже три дня здесь», – врезалась в сознание мысль.

Парень лежал в тени развесистого дуба. Неподалеку, под соседним деревом, хрипели двое мужчин. Брахур видел, как утром, перекидываясь шутками, они пили из океана. Не это ли самое опасное? Теперь же они лежали, придавленные к земле зноем.

Раскаленный воздух дрожал: мерно, студенисто колыхалась гладь океана, а позади вставал лабиринт из зарослей.

Брахур боролся с рвотой, спазмами подступающей к горлу. Перед глазами плыли круги. Он где-то читал, что обезвоживание приходит незаметно, проявляясь лишь несколькими симптомами.

От океана тянулась музыка. Брахур узнал величественный аккорд, исполненный виолончелью, – фа мажор, продлившийся четыре такта.

«Это же Стравинский, – ошарашила его догадка. – Русский балет».

Перед глазами пронеслось старое, забытое воспоминание: он ребенком играет на ненавистной скрипке.

Да, он немного разбирался в классической музыке, но от этого было не легче. Через пару мгновений он перестал думать об этом.

Иссушающий, палящий жар проникал в самую глубину тела.

Парень вдруг закашлял, попытался сплюнуть, но не получилось. Во рту пересохло так, что густые комки слюней пришлось вытягивать изо рта пальцами. Казалось, что с каждым выдохом организм теряет последнюю воду.

В тени деревьев стонали люди. Некоторые в прострации ошеломленно ощупывали свои лица и руки.

Прошлым днем шел дождь, но мало кто успел напиться. Земля жадно впитала лужицы, и вскоре на небе снова полыхало солнце.

– Пить… пить… пить, – бормотал мужчина, скорчившись под соседним деревом.

Рыжая девушка опустилась на колени, запрокинула голову и испустила вопль, похожий на волчий вой. Люди стенали,

царапали себя ногтями, хотя еще утром препирались, дрались и ходили искать источник воды, повязав на головы белые майки.

Утром пляж полнился криками, воплями, проклятиями и стонами. К полудню, когда раскалилось солнце, а человеческие тела потеряли еще по пол-литра воды, на берегу слышались лишь стоны.

Измученные люди лежали в тени деревьев, жевали листья и найденные в лесу фрукты, надеясь получить хотя бы несколько капель живительной влаги. Позднее они хватались за животы, страдая коликами, и про себя ругались. Кто-то вел себя тихо и равнодушно, будто уже принял неизбежное.

Те, кто напился соленой океанской воды, замерли без движения. Возможно, умерли. Брахур не знал. Взгляд его, мутный и полный недоумения, скользил по обессиленным телам. Уже третий день он не понимал, где находится.

Он положил голову на дубовый корень, который напоминал сухую руку, протянутую из земли. Другие корни, будто анаконды, расползались от ствола дерева. Уже более часа Брахур обдумывал свой план.

Наконец парень решился. Он вынырнул из тени под огненно-белые лучи солнца и схватил острый, похожий на головку топора, камень. Мужчины неподалеку лежали тихо. Может быть, умерли? Но нет – они смотрели на него сквозь щелки глаз. Их тела были багрово-красными, опаленными поцелуями солнца. На плечах белыми лохмотьями слазила кожа.

С океана потянулась другая мелодия – Брахур различил импровизацию на Лунную сонату. Но тут же вяло шевельнулась мысль, что он ошибся и это было «Рондо Каприччио» Бетховена. Вскоре музыка сменилась на незнакомую ему.

Камень, горячий и шершавый, лежал в ладони.

Вернувшись в спасительную тень, парень с силой ударил по бурому корню, и на нем, поблескивая влагой, вспыхнула свежая царапина. Тяжко вздохнув, Брахур вновь с силой опустил камень. Через пять ударов он примкнул ртом к сочившейся соком древесной ране.

Во рту растеклась прохлада. Он с силой втягивал эту горьковатую жидкость, но разве возможно напиться несколькими каплями? Некоторое время он мучительно высасывал из корня дубовый сок, и ощущение нереальности, преследовавшее его уже три дня, постепенно ослабло.

– Пейте, – прохрипел он, указывая мужчинам на корень.

Один из них мотнул головой и пополз к источнику влаги.

Второй же начал искать камень.

Жажда мучила всех со второго дня. Фрукты не помогали –

клейкие, слишком сладкие, они вызывали понос и, как следствие, еще большее обезвоживание. К середине третьего дня жажда стала нестерпимой и сводила людей с ума.

Вокруг творилось безумие. Некоторые становились на колени, воздевая руки к небу, или бросались навзничь, уползая в тень зарослей от безжалостного солнца, катались по песку, скуля, как собаки.

Нужно найти кого-нибудь, кто сможет объяснить, как он очутился в этой глуши. Почему эти люди одеты в точности как и он, – белые майки и черные штаны? Как они все попали сюда? Зачем он здесь?

Слышался редкий стук.

Худой мужчина, с трудом поднимая над головой камень, бил им по корню соседнего дерева.

Лицо вдруг освежил приятный ветерок, прилетевший с океана. Брахур закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

«Кажется, ноктюрн Шопена, опус № 9, – обожгла его мысль. – Да, эта непрерывная последовательность восьмых… это знакомое арпеджио… Но откуда оно звучит? И почему?»

Он поискал в океане судно и ничего не заметил. Но его взгляд остановился на пугающей сцене. У кромки берега рвало согнувшуюся вдвое женщину.

– Не нужно пить эту воду, – еле слышно прошептал парень.

Его чувства были будто заморожены.

Шатаясь, он подошел к женщине.

– Это опасно, – повторил Брахур.

Она повернула к нему голову.

В ее широко раскрытых глазах застыло недоумение младенца. Губы дрожали мелкой дрожью.

– Я дам вам воды, – сказал он.

Она приоткрыла искаженный спазмом рот, но ничего не ответила.

Он помог ей подняться и довел до дуба.

– Отойдите! – выдохнул он. – Дайте ей тоже попить.

Мужчина даже не оглянулся. Он жадно присосался к корню и стонал, как загнанный зверь. Брахур рванул его на себя и с яростью закричал:

– Она еще не пила!

Мужчина злобно на него взглянул, но отступил. Брахур с отвращением заметил на его подбородке засохшую струйку рвоты.

Женщина тяжело осела на землю и заплакала.

– Подождите, – сказал он, схватил камень и начал долбить им другой корень.

Вскоре стала сочиться влага.

– Пейте. – Брахур запыхался и сел рядом.

Пока женщина пила, он рассеянно обводил взглядом океан, пляж, страдающих людей.

«Что это за проклятое место? – продолжал думать он. – И откуда берется музыка?»

Он посмотрел на пустой океан, откинув со лба прядь волос. Постепенно его дыхание успокоилось. Брахур вслушивался в божественные мелодии, приносимые волнами, и напряженно думал.

«Что чувствует человек, когда умирает? Что видит он? Неужели сосны, буки и эти деревья? О, теперь отзвуки «Кольца Нибелунгов»… Нет, стоп. Что за чушь? Я живой. Вне всяких сомнений».

– Благодарю вас, – сказала женщина.

Он очнулся от размышлений и улыбнулся ей.

– Надо сказать другим, что тут… в корне то есть… вода есть, – бормотала она обессиленно.

Брахур кивнул.

– Меня зовут Мирия, – добавила женщина.

Присев на корточки, она странно, механически качала головой. У нее были густые черные волосы, которые свешивались ей на лицо.

– Брахур, – представился он и вновь погрузился в мысли.

Вдруг худой мужчина под соседним деревом захрипел и, схватившись за горло, начал биться в агонии.

Брахур мучительно наблюдал за судорогами.

Через минуту мужчина затих.

Парень скользнул взглядом вверх и понял, что тот лежал под тисовым деревом. Этот бедолага напился сока из корня смертельно ядовитого древа.

Брахур прикрыл глаза.

В груди заскреблась совесть, настаивая, что это он виноват в смерти мужчины – ведь он подал ему пример, как напиться древесного сока.

– Перестань, это не твоя вина. – Женщина будто прочитала его мысли.

Брахур ответил не сразу.

– Надо бы помочь другим, – буркнул он.

Нарастал дикий, непрерывный стон – будто стонало слепящее синевой небо, стонал раскаленный песок или океан. Стон напоминал трескотню кузнечиков на лугу или стрекот цикад в ночном лесу.

Стоны становились громче, резче, повсюду виделись

перекошенные рты, из которых лились эти жуткие звуки.

Вдруг по пляжу разнесся громкий, сухой голос.

– Я дам вам воду! – заскрипел он. – Разве я позволю вам умереть?

Среди лежавших людей – будто по живому кладбищу – шел человек.

– Следуйте за мной! – звал он.

Люди следили за ним недоверчивыми взглядами.

Брахур присмотрелся к нему. Это был худой, хилый старик с впалыми щеками и растрепанными волосами.

– Я дам вам воду! – снова и снова повторял старик.

– Ты знал! – заорал кто-то.

К старику плелся юноша с перекошенным от гнева лицом.

– Ты знал, сволочь! – правой рукой он схватил старика за грудки. – Я сломаю тебе челюсть, ублюдок!

Он оглядел остальных, будто ожидая поддержки.

Но до этого не было никому дела. Люди лежали, измученные смертоносной жарой. Им была нужна только вода, пресная вода.

– Не тронь его! – зарычал крупный, коренастый мужчина. Он выступил вперед – красный, обожженный солнцем. – Пусть ведет.

Старик указал на заросли и улыбнулся, сверкнув желтоватыми зубами. Держался он горделиво и снисходительно, разговаривая с остальными будто с неразумными детьми.

– Идемте за мной.

К нему, стеная от изнеможения, подползла рыжая девушка.

– Пиии-ить, – прохрипела она высушенным голосом.

Люди с трудом вставали на ноги и, шатаясь как от сильного опьянения, направились за стариком.

– Нужно пойти за ним, – сказала Мирия.

Брахур помог ей подняться.

Звучали незнакомые, теперь уже электронные мелодии – странные пассажи, музыкальная акробатика. Подчиняясь их ритму, люди еле передвигали одеревеневшие ноги. Колючие ветки рвали им одежду и царапали кожу. Несчастные падали, но вставали и брели за стариком, устремив вперед невидящий взгляд, продираясь сквозь ядовито-зеленые заросли.

Брахур оглянулся. На пляже осталось лежать несколько десятков человек. Не исключено, что солнце уже убило их.

Стон не утихал. Он тянулся вслед за ними, – монотонный, безнадежный, похожий на визг брошенных, умирающих щенят.

Что, если старик обманул их? Что, если он заведет их в непроходимую чащобу, откуда им уже никогда не выбраться? Но они верили ему и упрямо брели вперед.

Брахур слышал, как двигался их караван – тяжелый и

неровный топот ног, давящих сухие ветки и сосновые шишки, надорванное дыхание и сухое бормотание запекшихся губ. И если кто-то падал – другие, будто слепые, натыкаясь на тело, тоже падали, с хрипом поднимались и шли дальше за стариком. Точно не живые люди, а армия зомби с программным кодом.

Брахур остановился у колючего кустарника, вытирая кровь с колена, как вдруг сзади кто-то налетел на него, выругавшись сиплым голосом. Из зарослей с криком выпорхнула желтая птица и, громко хлопая крыльями, умчалась прочь.

– Я укажу вам ручей! – слышался впереди голос. – Всем хватит!

«А ведь они… – думал Брахур, – они даже не знают, куда идут, и зачем они здесь, и почему умирают. Им пообещали воду – поэтому они плетутся за стариком, которого видят впервые в жизни».

Рядом шла женщина, которую он спас, а впереди виднелись лиловые, опаленные жарой затылки. Люди плелись в солнечном блеске, омертвевшие от усталости и зноя, не понимая, что происходит… Вот уже три дня они здесь. Как же бессмысленно это! И никакого, черт возьми, объяснения.

Тонкая струйка ручья широко разливалась по песчаному бережку и ныряла под землю. Рядом лежала груда покрытых мхом глыб, поставленных одна на другую чьей-то исполинской рукой.

Едва заслышав журчание воды, обезумевшие люди рванули к ручью. Они падали на колени, толкали друг друга локтями и жадно пили. Некоторые стояли прямо в воде.

– Пейте, друзья мои! – улыбался довольно старик.

Утолив жажду, Брахур умыл лицо. В желудке, натянувшемся барабаном, плескалась вода. Парень облегченно вздохнул и покосился на старика. Кто этот странный спаситель? Откуда он узнал расположение ручья?

Люди медленно приходили в себя. Их взгляды еще оставались туманными, как после глубокого сна, но в них постепенно проглядывала осмысленность.

– Где мы? – раздался несмелый голос.

Старик улыбнулся.

Видимо, он ждал, когда все закончат пить.

Несколько женщин поклонились ему в знак благодарности. Остальные обратили к нему просветлевшие лица и смотрели с радостью, долей страха и неуловимого безумия.

– Это сад неиссякаемых щедрот, – сказал громко старик. – Мой благословенный край.

Его слова навевали жуть.

– О господи, – прошептала Мирия и перекрестилась.

Брахур вздрогнул.

Каждый нерв звенел в нем от напряжения, однако в его глазах блестело лишь спокойствие, смешанное с усталостью.

Он огляделся.

Люди восхищенно смотрели на старика.

В зарослях переговаривались птицы.

Со стороны океана глухо звучала симфония Шостаковича.

IV

Прошло почти две недели. Дни, точно близнецы, походили один на другой: пробуждение в пещере, поход за фруктами, поиски людей, солнечные удары, музыка, замкнутость девочки. Правда, дождь больше не шел.

Нейт копался в памяти, пытаясь отыскать в ней воспоминания последнего дня перед тянущимся кошмаром. Все, что ему удалось вспомнить, – поездка к матери. Но он не доехал к ней. Купил апельсинов и цветов, белых хризантем, оставил все в машине, затем вошел в какое-то здание, поднялся по лестнице и повернул ручку двери. Стоп-кадр. Ручка круглая, металлическая, холодная, с плавным ходом. Кто-то крепко пожал ему руку. Чувство удовлетворения. Дальше темнота, а затем душная поляна посреди зарослей.

Девочка тоже мало что помнила. Когда он спрашивал ее, она неизменно рассказывала ему про уроки в школе, домашнее задание по рисованию и мультфильм о Дональде Даке.

– Клер уложила меня спать, – сказала она. – Поцеловала и закрыла дверь. А потом я проснулась в лесу.

Больше она ничего не говорила.

Его разбудил крик животного. Беспокойное, неприятное пробуждение. Погладив обросший подбородок, он выглянул наружу и вновь увидел, что далеко, у горизонта, движется темное пятно. Оттянув в сторону веко, Нейт пригляделся. Это был человек! Он в одиночестве брел вдоль кромки воды.

– Господи! – прошептал Нейт.

Лицо осветила улыбка, он быстро вернулся в пещеру. Ему хотелось поскорее разбудить девочку, но он не стал. Свернувшись калачиком, она тихонько подрагивала. На него навалилось чувство вины, будто именно он виноват в ее злоключениях.

Он вышел и встал у края ущелья, смотря на пляж – человек был по-прежнему там.

Вернувшись, Нейт поцеловал девочку в лоб.

– Нужно идти, дитя, – сказал он.

Они пошли к берегу, но не привычной дорогой, а в направлении, где он видел незнакомца.

У зарослей он заметил темную лужицу. Однако то, что сначала показалось ему краской или разлитым машинным маслом, было чем-то иным.

– Это кровь, – едва слышно сказала Сифинь.

С сонным гудением вокруг лужицы сновали золотистые мухи. Рядом рубиновой россыпью застыли свернувшиеся брызги. Земля

была примята, стебли переломаны.

Нейт остановился. Внутри него все похолодело.

– Это ничего не значит, – сказал он. – Может, это даже и не кровь.

Они сделали еще несколько шагов, когда из глубины леса раздался крик. Так мог кричать только человек, превозмогающий сильную боль. У Нейта перехватило горло от недобрых предчувствий. В нос ударило зловоние. Он почувствовал тошноту и затормозил, удерживая Сифинь.

Но снова стало тихо – лишь в зарослях гудела живность, а вдали звучала проклятая музыка.

Мертвец лежал, привалившись спиной к стволу сосны, и на траве, между его ног, валялся камень с запекшейся кровью. Глаза его были выедены птицами, на их месте зияли провалами черные глазницы. В одной из них сидел крупный овод.

Нейт почувствовал, как напряглась девочка. Сифинь железной хваткой вцепилась ему в локоть, когда он потащил ее за собой.

– Пойдем, дитя. – Другой рукой он старался закрыть ей глаза, но, очевидно, было поздно. – Не нужно смотреть.

– Он мертвый, Нейт.

– Да, – сказал он.

– Его убили?

– Скорее всего.

Они долго шли и успели покрыться паутиной и лесной трухой, когда в деревьях забрезжил просвет. С берега вновь раздались крики.

– Мне страшно, – не переставала шептать девочка. – Страшно… страшно…

Они заметили на пляже человека.

А потом увидели и остальных – более сотни людей. Многие из них стояли на коленях. Все они были в закатанных черных штанах. Грязные, обгоревшие спины. На головах белели тряпки-банданы, защищающие от солнца.

Толпа что-то громко скандировала.

– Аргус! Ларкс! – кричали они, смеялись и радостно вопили. – Маркус!

В центре, на бревне, стоял тощий старик, тянущий руки к небу.

– Боже мой, что они кричат? – прошептал Нейт.

– Умоляю тебя, – заплакала Сифинь. – Давай не пойдем к ним.

– Нет, конечно же нет.

– Мне страшно, Нейт… Я сильная… просто слишком

напугана.

Эти робкие слова раскрыли в нем что-то мучительно болезненное. Господи, она казалась такой беззащитной!

Ему захотелось обнять эту девочку и утешить, увезти куда-нибудь далеко-далеко и нянчить, заботиться как о собственном ребенке. Но это было невозможно.

– Я понимаю, дитя.

Нейт внимательно наблюдал за происходящим.

Толпа умолкла.

Старик выпрямился и, чуть закатив глаза, громко сказал:

– Вы, мои дорогие ученики, – лишь осколок моей фантазии.

А потом добавил мягко, будто напевая шепотом:

– Я буду вашим царем, и имя мне Маркус.

Его маленькие черные глазки блестели из-под седых бровей. Из приоткрытого рта тянулась тонкая струйка слюны.

– Где мы? – спросил белокурый парень, обросший щетиной.

– На моем острове, – ответил старик и соединил кончики длинных, сухих пальцев.

Его голос то извивался, то взмывал ввысь, то переходил на вкрадчивый шепот, как и подобает хорошему оратору.

Толпа завороженно следила за ним.

Девочка не выдержала, и у нее началась истерика. С рыданиями и смехом, с нечленораздельными словами. Она вновь просила мыло и воду, звала Клер и умоляла увезти ее домой.

Несколько человек обернулись в их сторону.

Нейт подхватил ее на руки и побежал обратно. Не оглядываясь, он рванул в гущу зарослей. Он не помнил, как долго мчался по лесу, но бежал он так, будто за ним гнались звери.

Судорожно глотая воздух, Нейт рухнул на колени. Никто их не преследовал. Он опустил Сифинь на землю. На ее бледное лицо упал луч солнца.

– Успокойся, дитя… – Он с трудом перевел дыхание. Глаза разъедал пот, и чувство жажды вновь охватило его. – Пожалуйста, успокойся.

Она стонала.

Пылающий диск солнца висел над ними, окрашивая деревья в алый цвет, но в глубине леса, в зарослях, царил зловещий полумрак.

– Мы найдем твою тетю, – говорил Нейт, вытирая свое лицо грязной майкой. – Я обещаю, все будет хорошо, вот увидишь. Мы вернемся домой.

Он сидел, обливаясь по́том, и усиленно думал.

«Кто этот старик? – давил его вопрос. – Не терять чувства реальности… Не терять… Возвращаться на берег опасно. Значит,

нужно идти обратно, к пещере…»

Вдруг послышался треск сучьев, и зашуршали ветки.

Справа шевельнулся куст, покрытый блестящими черно-зелеными листьями, и на поляну выскочил юноша. Увидев их, он остановился как вкопанный, и повисло молчание.

– Кто вы? – спросил он. – Я вас не встречал.

Нейт мгновенно вскочил на ноги и, облизнув пересохшие губы, встал, закрывая девочку. Сифинь всхлипывала и цеплялась за него.

– Я убью тебя, если тронешь дитя, – зашипел он. – Я убью всех, если только посмеете.

– Сколько вас? – снова спросил юноша.

Складки у рта придавали его лицу выражение дерзкой решимости. Руки, необычайно худые, напряглись, очертив пульсирующие вены. Он стоял, вытянув шею; глаза, ясные и правдивые, сверкали в ожидании ответа.

– Что происходит на берегу? – выдохнул Нейт.

Он почувствовал, как дрожит за ним Сифинь.

– Не советую туда идти, – ответил юноша.

– Что это значит?

– Вас могут убить. Вот и все, что я могу сказать.

Только сейчас Нейт заметил, что у парня кровоточат раны на щеке и левом плече.

Сифинь молчала и немигающим взглядом смотрела на незнакомца.

– Как тебя зовут? – спросил Нейт, щурясь от пота.

– Брахур.

Юноша рассматривал мужчину, изредка поглядывая на оцепеневшую девочку.

– Ступайте за мной, – сказал он резко, словно отдавал команду.

Мужчина не двинулся с места.

– Вас здесь убьют, – повторил юноша. – Второй раз звать не буду.

Он быстро нырнул в кусты. Ветки за его спиной со свистом закрыли проход.

– Ты веришь ему? – спросила девочка.

Она с яростью расчесывала себе шею.

– Да, – немного подумав, ответил Нейт. – Скорее верю, чем нет… Прекрати, ты занесешь инфекцию!

Он вдруг поймал себя на мысли, что уже давно поступает так, будто эта девочка – его дочь.

– Мы пойдем за ним? – Она спрятала руки за спину.

– Да.

Раздвинув кусты, они последовали туда, где скрылся парень.

Примерно через километр им встретился ручей, скользящий по дну каменистого оврага.

– Питьевая вода, – сказал Брахур.

Девочка забежала в ручей и стала плескаться.

– Скажи ей, чтобы прекратила, – сказал юноша. – Она может привлечь их внимание.

– Чье? – Нейт вплотную подошел к нему и заглянул в лицо. – Мне уже осточертели твои загадки.

– Что именно ты хочешь узнать? – Брахур не шелохнулся. Он спокойно смотрел ему в глаза. – Как они поклоняются старику?

– Какому старику?

– Значит, ты не в курсе?

– Послушай, парень, я очнулся двенадцать дней назад. Рядом со мной лежала эта девочка…

– Где вы жили? – перебил его Брахур.

Нейт глянул на Сифинь. Она впервые чему-то улыбалась и, поливая себя водой, плескалась в ручье.

Он испытующе посмотрел на юношу.

– В пещере, километрах в десяти отсюда, – мрачно сказал он. – Где мы? Что это за проклятое место?

– Судя по всему, это остров. И он огромен.

Нейт некоторое время молчал.

– Значит, ты знаешь, как мы сюда попали?

– Все люди, которых я здесь встречал, – ответил Брахур, – очнулись двенадцать дней назад. В точности как ты и говорил.

– А ты?

– И я в том числе.

Нейт отрицательно покачал головой:

– Я тебе не верю.

– Твое право, – равнодушно сказал юноша. – Но ты ведь пошел за мной. Еще и девчонку прихватил.

– Тебе известно, откуда играет музыка?

– Это океан.

– Океан? Может, это какое-нибудь судно…

– Здесь нет судов.

– Музыка не может взяться просто так, – возразил Нейт. – Это же… нелепо, что ли.

Он спустился к ручью, сделал пару глотков и ополоснул лицо.

– Сифинь, нам пора.

Брахур шел неторопливым шагом, тщательно обдумывая и взвешивая, стоит ли вести незнакомцев в свое убежище. Хоть с

первого взгляда было понятно, что мужчина не лжет ему. До смерти перепуганная девочка, ее расширенные от ужаса глаза, дрожащие губы, и отец (как казалось Брахуру), который агрессивно защищает дочь.

Разве возможно столь естественно сыграть панику? Сомнительно. Наверняка Нейт сказал ему правду о том, что они жили в пещере. Но особенно поразило парня, что они тоже очнулись на острове двенадцать дней назад. И они даже не подозревают, насколько им повезло, что они не обезумели от жажды и не оказались в секте.

Тропка петляла в густом жестком кустарнике, доходящем до пояса. Им попадались привычные дубы и сосны, буки и тисовые деревья, покрытые уродливыми наростами. Они забрались уже глубоко в сердце острова, но и сюда еще долетали мелодии океана.

За дни, проведенные на острове, Брахур научился спокойно относиться к музыке, которая, по его мнению, не имела определенного источника. Сейчас со стороны океана тянулись отзвуки «Трех слепых мышек» в забавной манере Прокофьева. «А ведь это мы – те самые мышки», – подумал он и мысленно усмехнулся.

V

Убежище было скрыто в зарослях. Оно располагалось под сосной, корни которой поднимались метра на два над землей и, ветвясь тонкими побегами, расходились во все стороны. Ствол дерева походил на заржавевшую трубу, облепленную плющом и черными, липкими грибами. У входа в убежище желтела полоска песка, по краям – стелился кустарник с острыми листьями.

– Здесь безопасно, – заметил юноша. – Сюда почти не проникает свет.

Сорвав с куста маленький белый цветок, он протянул его Сифинь.

– Мы видели на берегу толпу, – сказал Нейт. – Они что-то кричали, и мы побоялись к ним выходить. Я взял девочку на руки и побежал обратно в лес.

– Разумно, – ответил Брахур.

– В центре стоял какой-то старик. Ты говорил о нем?

– Да, они ему поклоняются.

Сифинь уткнулась Нейту в плечо и молчала.

Похоже, так ей становилось спокойней.

– И давно? – спросил Нейт.

– Он появился здесь вместе со всеми и заявил, что это его остров. Всем было поначалу плевать… Никто не понимал, что происходит, был жуткий хаос. Через два дня все уже страдали от жажды. Некоторые пили морскую воду. Я видел их трупы.

– Вы не нашли пресную воду?

– Никто тогда не нашел, – ответил Брахур. – А что пили вы?

– Конденсат. Он стекал по стенам пещеры… – Нейт хмуро отвел глаза. – Что случилось потом?

Брахур на мгновение задумался и продолжил:

– Старик всех собрал и пообещал, что даст воду. «Разве позволю я вам умереть от жажды? Я укажу вам источник». Кажется, так и сказал.

Нейт больше его не перебивал.

– Помню, на старика накинулся какой-то парень. Закричал, что тот все знал. Но его остановили. Есть там один коренастый – он теперь правая рука старика. «Пусть ведет», – сказал он. Я помню его глаза и еще, как на его шее вздулись жилы. Да я и сам был измучен, честно скажу… Ну, побрели мы за стариком. Одни смотрели на него с осуждением, другие – с надеждой. Старик привел нас к оврагу. Я не видел, но многие говорили, что там, где он ударил палкой, возник ручей. И началась потасовка. Все рванули к воде и стали пить.

Нейт напряженно думал. Он чувствовал, что мир для него открывается с новой, неприятной стороны. Выходит, старик устроил, чтобы эти люди медленно сошли с ума.

– Значит, это секта?

– Да, здесь образовалась секта.

– А музыка?

– Я уже говорил тебе.

Он вновь хотел возразить, что океан не может играть музыку, но вдруг ощутил тупое, давящее изнеможение. Спорить ему не хотелось.

Где-то неподалеку зашуршала листва.

– Мне нужно идти, – обернулся на звук Брахур. – Можете здесь отдохнуть. В глиняном горшке есть немного воды.

Под навесом сгустилась тьма, но можно было различить кучу мягких папоротниковых веток, служащих постелью. В углу стояли горшки с водой, лежали несколько гнилых яблок и длинные желтые полоски, похожие на кору.

– Нам нужно ему доверять, – сказал Нейт.

– Я поняла, – ответила Сифинь. – Мне он показался хорошим.

Она села на кучу веток и смотрела на него исподлобья.

– Если что, я всегда начеку.

– Что это значит – «начеку»? – не поняла она.

– Это означает, что я всегда осторожен, – сказал он, смахивая с подбородка маслянистые капли пота.

Брахур шел по густой буковой рощице и думал.

Сквозь заросли пробивался разорванный, соединенный с незнакомой музыкой мотив из «Грозы» Вивальди.

«Ага. Его здесь не часто услышишь, – пронеслась мысль. – Нужно отметить».

Наконец Брахур добрался до шалаша.

Его встретила крупная, хмурого вида женщина с густыми черными волосами. Это была Мирия.

Она выглядела отекшей. Брахур подозревал, что это почечная недостаточность, вызванная обезвоживанием тех дней.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Тошнота не проходит, – ответила Мирия. – И мышцы очень странно подергиваются.

– Пей больше воды. Я тебе говорил. Завтра принесу еще.

Повисла пауза.

– Почти ночь. Поздно же ты пришел. – Она готовилась ко сну и взбивала постель – слежавшиеся ветки папоротника.

– Тебя никто не беспокоил? – спросил он.

– Днем проходил мимо один. Даже не обратил внимания. Так

что все хорошо.

Брахур кивнул.

– Есть немного фруктов, – сказала Мирия.

– С удовольствием поем.

Однажды он спас ее – дал напиться из дубового корня. И теперь она была единственным человеком, кому он доверял в этом гиблом месте.

– У холма я наткнулся на двоих, – сказал Брахур. – Отец с дочкой. Я говорил с ними.

– Что тебя удивило?

– Их разум не затемнен.

Он с жадностью поглощал желтые продолговатые плоды.

– Где они жили? – Мирия замерла и с тревогой смотрела на него.

– Отец говорит, что в пещере.

Брахур вытер липкий сок с подбородка, нырнул в шалаш и вытащил из угла связку коры. Внутри пахло прелым папоротником и гнилыми фруктами.

– Выходит, они даже не слышали о старике? – Глаза Мирии блестели из-под болезненно опухших век.

– Вроде бы нет. Я поверил им. Невозможно так естественно лгать.

– Где они сейчас?

– В моем укрытии.

– Господи боже мой… Ты с ума сошел? Вести их туда в первый же день!

– Все в порядке.

– А если они…

– Они измучены и напуганы, – сказал Брахур. – Все равно я ночую у тебя.

Он вышел на свет, развязал связку коры и вытянул одну длинную полоску молочного цвета. Затем сел на землю, в руках у него появилась заостренная палочка.

Он что-то выцарапывал на коре.

– Ты обещал рассказать, что ты там пишешь, – сказала Мирия.

– Это дневник, – не сразу ответил Брахур. – Я описываю жизнь на острове. Виды растений и животных. Например, какие птицы здесь водятся. Много чего… – Он почесал лоб. – Повадки сектантов, конечно. Воспоминания из прошлой жизни.

– Зачем тебе это? – спросила с любопытством она.

– Это исследование. Мне нужно во всем разобраться. Не просто же так мы сюда попали.

– Возможно, мы умерли, – прошептала женщина. В ее голосе чувствовался страх. – И Бог отправил нас сюда, чтобы мы

искупили свои ошибки.

Брахур фыркнул.

– Я люблю наблюдать за небом, – продолжала Мирия. – Это меня успокаивает. С детства люблю. Вот только за эти дни я не видела ни одного самолета, ни одной белой полосы в небе.

– Я давно это заметил, – сухо сказал Брахур. – Смотри. Здесь я записываю музыкальные произведения, которые мне удалось распознать.

Он показал женщине полуметровую полоску, густо покрытую закорючками.

– Ты разбираешься в музыке? – спросила Мирия.

– Немного.

– Внушительный список, – заметила она.

– Почти двадцать композиторов, – гордо сказал он. – Хотя многое, конечно, я не знаю.

Мирия улыбнулась и вернула полоску.

Она коснулась его руки, и он сразу понял, что у нее жар.

– Пообещай мне, – сказал Брахур, – что прямо сейчас допьешь эту воду в горшке. Нужно пить еще больше.

– Обещаю.

Брахур опять думал: сплю я или бодрствую? И в который раз не смог ответить на этот простой вопрос.

Отлежавшись, Нейт решил сходить на разведку и посмотреть, что происходит на пляже.

Продираясь сквозь жесткие стебли папоротников, он наткнулся на подобие зеленого туннеля, который вел к берегу. На пляже все сверкало и захлебывалось солнцем. С бешеным, иронически веселым вызовом звучала музыка. Вдали около десятка человек стояли на коленях и, глядя на гладкую поверхность океана, молились. Еще несколько в каком-то отупении бродили вдоль кромки воды.

На обратном пути он заметил в кустах тело, облепленное мухами. Лицо тучного мужчины, на котором застыла гримаса ужаса, было вымазано черной засохшей кровью и песком. Нейт подошел к трупу, присел на корточки и внимательно рассмотрел его.

От таких потрясений могли пострадать последние остатки его разума, исчезнуть здравый смысл, уступив место паранойе.

Нейт размышлял над самым простым объяснением происходящего: возможно, он тоже сошел с ума. С другой стороны, он был твердо уверен, что, несмотря на сюрреализм ситуации, это не так. Его окружала яркая действительность – реальность, не вызывающая сомнений. Влажные запахи острова,

терпкий вкус фруктов, пляшущие по воде блики солнца, наконец, люди. Живые люди.

Он вдруг подумал: «А что, если против него составлен заговор, чтобы подтолкнуть его к сумасшествию или, того хуже, к самоубийству. Нет, это точно выглядит нелепо».

Сифинь спала.

Он с ужасом понял, что, раздираемый любопытством, оставил ее совсем одну. Она свернулась в позе эмбриона и тихо сопела. Чумазое личико. Волосы свалялись в колтуны. Его затопила жалость к девочке. Она больше не жаловалась на отсутствие мыла и, казалось, начала привыкать к этому проклятому месту.

Он поцеловал ее плечо, лег рядом на мягкие, душистые ветви папоротника и погрузился в тревожный сон.

Брахур выглядел обеспокоенным, когда вернулся в логово под сосной. Он пришел под вечер, когда спряталось за океан солнце и остров окутала тьма. Они с Нейтом сидели неподалеку от входа и разговаривали, глядя на тлеющие угли.

– Чтобы здесь выжить, – сказал Брахур, – нужно уметь притворяться.

– Ясно.

– Где девочка?

– Спит.

Нейт, встав, заглянул внутрь логова, вздохнул и вернулся к костру. Девочка спала, как сурок, – настолько она устала и измучилась.

– Если послушать старика, – продолжал Брахур, – так это «благословенное божество» избрало нас и перенесло сюда.

– Откуда вообще он взялся?

– Порой мне кажется, это сон, – хмыкнул Брахур. – Кошмар с добавкой религиозности.

– А ты верил в Бога? – неожиданно спросил Нейт. – До острова.

Не вполне понимая причину, он проникся особым доверием к Брахуру.

– Нет, не верил.

– Совсем? Или допускал возможность?

Парень немного подумал и ответил:

– Когда мне было лет семь, отец водил меня в церковь. Мы зажигали свечи и молились. Повзрослев, я стал агностиком.

Они помолчали.

– Сегодня я видел на пляже старика, – сказал Нейт. – И знаешь… кажется, они боятся его и даже любят.

– Обезвоживание часто приводит к помрачению сознания.

– Ты о случае с водой? – уточнил Нейт.

– Да, это был умный ход, – рассуждал Брахур. – Все были подавлены и мало понимали, что происходит.

– Как он нашел ручей?

– Похоже, он знал, где выходят подземные воды. Или бродил рядом и случайно наткнулся.

– А что говорит сам старик?

– Мол, его породил океан, – продолжал парень. – Что он и есть – плоть океана. А я говорю, что его породили наши ложные надежды… Когда он открыл ручей, многие смотрели на него как на спасителя. С трепетом, понимаешь? Я даже видел, как некоторые поклонились ему. А потом из толпы вышел коренастый и спросил, как отсюда выбраться. Все тогда умолкли. И старик сказал: «Преклоните колено»… Я подумал, что его разорвут на части. Но никто даже не посмел к нему приблизиться. Будто невидимая стена окружала его.

– Дикари, – покачал головой Нейт.

Он не нашел ответа лучше.

– Старику удалось убедить их только потому, что они были смятены и легко внушаемы. Остальное – выдумки. Психология толпы. Объяснения чудес – лишь попытка встроить логический каркас в картину мира. Либо все рушится, либо ты, стараясь все сохранить, хватаешься за любые объяснения, какими бы они ни были слабыми.

– Пожалуй, так оно и есть, – согласился Нейт.

Ночью ему снилось, как где-то кричала женщина:

– Нет! Не трогайте меня! Нет…

Раздались звуки борьбы.

– Помо…

Он проснулся.

Это началось несколько дней назад, когда Сифинь рывком села на постели и долго вглядывалась в темноту.

– Кто это, Нейт?

– Тише, дитя, тебя никто не тронет.

Она задрожала и начала скулить, как маленькое животное.

– Я не дам тебя в обиду, – сказал он.

Нейт долго ее успокаивал. Пока наконец не наступила тишина, а в ней – едва различимые голоса мужчин, которые обсуждали, кто же будет первый в очереди.

С тех пор кошмары ему снились каждую ночь. «Возможно, я все-таки потерял рассудок, – пришел он к неутешительному выводу. – Ведь это объясняет и остров, и секту, и эту невыносимую музыку из океана».

Он напряженно слушал. Мышь тащила что-то в нору. Трещали цикады. Вспорхнула птица. Горький запах прибоя. Тьма. Ему казалось, что рядом за деревьями прячутся люди – много людей, – которые выгадывают момент, чтобы схватить их, утащить в заросли и убить.

Когда Брахур заглянул в шалаш, он увидел, что Мирия лежит на боку и тихонько стонет.

– У тебя опять жар, – он потрогал ее лоб и покачал головой. – Я… я не знаю, чем его сбить… я не знаю… прости.

– Пройдет.

Ее тело было округлившимся, распухшим, будто накачанным водой. Руки и ноги подергивались.

– Нужно плыть, – решительно сказал Брахур. – Я что-нибудь придумаю. У сектантов есть лодка – они ловят на ней рыбу.

Он прокашлялся и добавил:

– Я не могу тебя оставить.

– Я тяжелая, как корова, – печально улыбнулась женщина. – Потоплю лодку.

Брахур молчал.

Наконец спросил:

– Опять болят почки?

– Да, – ответила Мирия.

Брахур коснулся поясницы женщины – она мучительно застонала.

Он быстро отпрянул и замер.

Женщина тяжело дышала, и по ее лицу катились бусины пота.

Он вздохнул и сел рядом.

«Проклятый старик! – мелькнула злобная мысль. – Это все из-за него».

– Если я поплыву, то привезу тебе лекарства, – сказал он. – Обещаю. Я привезу их. Антибиотики, спазмолитики… Я приведу за собой помощь. Тебя вылечат. Обещаю.

VI

Сектанты. Отвратительное чувство, когда ты живешь в их окружении. Чувство, что ты чужак. Живой среди мертвых.

Проходили однообразные дни, сплетенные из жары, дождей и музыки, которую Нейт успел возненавидеть.

Ему казалось, что он плавает в густом тумане, но вместе с тем он никогда не терял бдительности. С сектантами стычек почти не случалось. Как выяснилось, было не так сложно затеряться среди них. Если не считать редких вопросов, на которые его научил отвечать Брахур, они не обращали на него особого внимания.

– Просто говори, что идешь молиться.

Это работало и подозрений обычно не вызывало. Сектанты рассеянно кивали и брели по своим делам.

– Мимикрия, – говорил Брахур. – Искусство обманывать, чтобы выжить.

– Что такое «мимикрия»? – спросила Сифинь.

– Когда ты умеешь притворяться, – улыбнулся парень. – Например, зеленые кузнечики умеют прятаться в траве, а заяц зимой меняет шерстку на белую, как снег.

– Здорово, – сказала девочка.

– Мы тоже будем чуточку притворяться, – добавил Нейт.

– А как?

За дни, проведенные на острове, она загорела, ее кожа стала золотистой. Большие голубые глаза с любовью смотрели на Нейта.

– Я покажу тебе, – сказал он.

Сифинь ходила за ним по пятам, и Нейт был уверен, что сектанты считают ее его дочерью. Кажется, она научилась ему доверять. Это льстило ему, хоть он и понимал: если его раскусят, они оба окажутся в смертельной опасности.

Чтобы не выделяться, иногда они спускались к океану и притворялись, что молятся волнам. Они садились на пятки, делали серьезные лица и кланялись, беззвучно шевеля губами. Вместо молитвы Нейт частенько напевал какую-нибудь песню. Сифинь – что-то бормотала о Клер. Бывало, Нейт и приходил один.

Поначалу ей было страшно сидеть на пляже в окружении сектантов, но Нейт предложил девочке относиться к этому как к игре, и вскоре «молитвы» вошли у них в привычку. Возвращаясь в укрытие, они часто смеялись над собой.

«Просто невероятно! – иногда думал он. – Я живу в секте, и у

меня есть дочь!»

Случалось, он видел на берегу собравшуюся вокруг старика толпу. Они с Сифинь благоразумно обходили стороной эти сборища. Однако ему всегда было любопытно наблюдать, как сектанты преклоняются перед своим пророком.

Нейт с ужасом смотрел на его повелительно простертые руки, сверкающие глаза и высохшее тело, покрытое белой накидкой. Видимо, они сшили ее из своей одежды. Старик вызывал у Нейта то неприятное чувство, которое ощущаешь, когда тебе выбивают почву из-под ног. Нейт подавленно отводил глаза и говорил Сифинь, что нужно поторопиться.

Терзавший его вопрос о том, как он попал сюда, оставаясь без ответа, постепенно трансформировался в другой – как отсюда выбраться. Мучительное копание в воспоминаниях надоело ему, он понял, что устал рыться в памяти. Это всегда оканчивалось ничем.

Однажды они с Сифинь пришли на берег и сели в отдалении от кромки воды, за спиной у большинства молящихся. Вскоре появились и другие. Куда ни глянь, по пляжу маячили фигуры сектантов. Они стягивались к берегу, точно муравьи к куску сладкой дыни.

Их лица напоминали гротескные маски, движения выглядели плавными и неторопливыми. Нейт насчитал в поселении полторы сотни мужчин, почти столько же женщин и девять детей. Он привык смотреть на них, определяя степень фанатичности – достаточно было заглянуть человеку в глаза или послушать его речь, чтобы оценить, насколько тот любит и предан Маркусу.

Почти у всех горел во взгляде странный огонек, а на губах замирала неприятная полуулыбка. Такая, как ему казалось, бывает у убийцы, сбежавшего из тюрьмы.

Их голоса тоже звучали странно – отрывисто, толчками.

– Не все из них слепо верят, – говорил Нейт Брахуру. – Думаю, наберется как минимум человек двадцать, которые только делают вид, что молятся океану.

– Вполне вероятно, – рассеянно отвечал тот.

Нейт ждал появления рыжей девушки лет восемнадцати. Высокая, тоненькая, гибкая. Он всегда с интересом наблюдал за ней. Она напоминала ему солнце среди этого беспросветного мрака. Ежедневно, утром и вечером, она сидела на одном и том же месте, рядом с небольшой заводью, и молилась волнам.

Она казалась ему красивой, и эта красота никак не вязалась с ее верой в Маркуса. Возникал странный диссонанс. Почему она верит в него? Все дело в обезвоживании? Она тоже потеряла

рассудок?

Ее руки с тонкими, сложенными чашечками пальцами касались бедер, глаза смотрели на волны, губы шептали молитву.

Поначалу Нейт был уверен, что сможет вывести ее из этого транса. «Мне удастся ее разбудить, – думал он. – Уж меня-то она должна послушать. Я разумен, в отличие от них. Я объясню ей». Однажды он осмелился, обратился к девушке, но она промолчала.

– Почему вы верите в него? – спросил он осторожно.

Она ответила ему едким, обжигающим взглядом, от которого ему стало не по себе. Больше он не предпринимал попыток, лишь молча наблюдал за ней во время их с Сифинь псевдоритуалов.

Но в тот день девушка подошла сама, и это было в высшей мере странно.

– Знаете, почему он велик? – спросила она.

Нейт никак не ожидал вопроса.

Изумленно покачав головой, он приготовился слушать.

– Во-первых, он спас всех. У нас не было воды. И он дал ее нам. – Девушка будто говорила заученную речь. Ее губы шевелились медленно и механически. – Во-вторых, его породил океан, а значит, он велик. И еще: его музыка прекрасна.

– Он… он ведь мог случайно найти ручей, – возразил Нейт. Он обескураженно смотрел на нее, не зная, что сказать от волнения. – Как и любой из нас.

Сифинь молча слушала.

– Нет, – ответила девушка. В ее глазах горел яркий огонек веры. – Маркус создал его.

Нейт хмурился и улыбался одновременно.

– Нельзя всему верить на слово, – сказал он, чувствуя, как барабанит в груди сердце.

– Маркус всегда говорит правду.

Нейт вздохнул и спросил:

– Откуда вы знаете, что его «породил океан»?

Она отвернулась, плечи ее задрожали.

– Так сказал Маркус.

Доказывать что-то было бессмысленно.

– Да, – согласился Нейт. – Он очень велик.

Но он все же решил, что в ее взглядах произошел какой-то сдвиг. И нужно вновь поговорить с этой девушкой. Ему казалось, что, общаясь с ним, она постепенно восстановится. И странно, что она сама к нему обратилась.

– Эта женщина меня пугает, – шепнула ему на ухо Сифинь.

На обратном пути они сделали крюк и прошли мимо лодки сектантов. По утрам два рыбака, прихватив остроги, выходили на ней в океан. По сути, это был двухметровый сучковатый кусок

бревна с выдолбленной полостью.

У лодки, развалившись на песке, дремал крупный краснолицый мужчина. «Похоже, он охраняет ее круглые сутки», – подумал Нейт. Но, если бы его получилось отвлечь – например, ночью, – появился бы отличный шанс отсюда уплыть.

– Хорошая лодка, – тихо сказал Нейт.

– Какая-то кривая, – ответила Сифинь.

– Зато плывет, наверное, здорово.

Девочка рассмеялась, и он не смог сдержать улыбку.

На пригорке, в значительном удалении от шалашей, работало несколько десятков мужчин. Каменными топорами они рубили древесный молодняк, разбрызгивая млечную, липкую смолу. Они уже сложили громадный сруб и теперь строили крышу.

Нейт поднял глаза и хмуро уставился на строение.

– Напоминает Вавилонскую башню.

– Старик мечтает о церкви, – ответил, не глядя, Брахур. – Вот только, к сожалению, он имеет мало общего с богом.

– Как Мирия?

– Лучше.

Она шла на поправку, и для Брахура это было огромной радостью.

Наступила полиурическая стадия, которая сопровождается облегчением состояния больного. Руки и ноги Мирии больше не выглядели опухшими, взгляд прояснился.

– Я очень за нее рад, – сказал Нейт.

Брахур коротко кивнул.

Он сидел на земле и острой палочкой выцарапывал что-то на куске коры.

Сифинь слонялась рядом и выкладывала листьями на песке солнце. Иногда она подбирала камешки или прутики, изучала их и равнодушно бросала.

– Что ты все время пишешь? – спросил Нейт.

– Это заметки. Дневник.

Обычно он отмечал на коре все, что казалось ему важным или просто интересным: обезвоживание, обгоревшие спины, всеобщая потеря памяти, секта, отец и его напуганная дочь.

Он любил, когда все было представлено наглядно и разложено по полочкам.

На отдельных полосках он описывал природу острова: чаек, голубых и желтых птиц (он не знал, как они зовутся), куропаток, рыб, оленей (однажды он видел в зарослях их стройные пятнистые фигуры), цветы, похожие на комнатные орхидеи, дубы и буки, сосны и тисовые деревья.

И, конечно, он фиксировал все воспоминания, какие смог отыскать в своей памяти: поездка в Америку, конференция во Франции, учеба в институте, последние дни до того, как попасть на остров.

Брахур чувствовал, что ведение дневника поможет ему не потерять рассудок – забыть, кто он такой, и через месяц-другой раствориться в толпе сектантов. С другой стороны, сопоставив все записи, можно провести интересующие его параллели и наконец-то выяснить, какого черта он тут делает. Это гораздо легче, чем отчаянно, глядя в одну точку, копаться в своих мыслях и воспоминаниях.

– Наверное, уже на книгу набралось, – улыбнулся Нейт. – Где будешь печататься?

– Зря смеешься, – не отреагировал он на шутку.

Раньше он обсуждал дневник только с Мирией, которой доверял больше, чем Нейту.

– Я понимаю.

Повисла пауза.

Нейт нагнулся к кусту, усыпанному красными ягодами, и потрогал землю. «Глина, – подумал он. – Нужно сделать еще посуду».

Весь прошлый день он лепил горшки и ставил их на просушку под горячие солнечные лучи.

– Я придерживаюсь версии, что меня похитили. – Брахур отложил кору и посмотрел на небо. – И теперь проводят какой-то эксперимент. Возможно, меня пичкают наркотиками, и это все – иллюзия.

У него был пронзительный взгляд, без капли страха. Худое тело – кожа да кости. Осанка – прямая, голова тянется вверх, подбородок приподнят.

– По-твоему, острова не существует?

– Похоже на правду.

– А меня? – рассмеялся Нейт. – Меня тоже не существует?

Вокруг него кружились, метались повсюду пестрые бабочки.

– Версия с похищением такого количества человек выглядит гораздо абсурднее, – сказал Брахур. – Неужели кто-то смог бы провести столь масштабную операцию? Похитить людей и доставить их на остров – это невозможно, просто невообразимо. Да и кому это нужно?

– Значит, остров – твоя галлюцинация?

Нейт смотрел на него с недоверием. Он тоже давно отбросил фантастическое предположение, что их похитили. Даже несмотря на их одинаковую одежду, стандартное комбо – белая майка и черные штаны.

– Я лишь строю дерево вариантов, – пожал плечами Брахур. – Ты разве не заметил, что женщин здесь столько же, сколько мужчин? Подозрительное равенство.

«Он также теряет рассудок. Это место делает нас безумными», – подумал Нейт, но промолчал.

– Я часто вспоминаю свою прошлую жизнь, – продолжал Брахур, – Лизу, институт, учебу на психолога. Последний день до острова. Но я не вижу точки перехода.

Наконец-то они затронули эту тему!

– Какое твое последнее воспоминание? – оживился Нейт.

Брахур немного подумал и неуверенно сказал:

– Рукопожатие. Но я могу ошибаться.

– С кем? – выпалил Нейт.

Он тоже вспоминал чью-то сухую ладонь и ощущение крепко сжатых пальцев. Когда он мысленно перебирал подробности того дня, какая-то муть, густой туман заволакивали все, – и день уплывал, ускользая в небытие.

– Не знаю.

– Я тоже жал кому-то руку.

– Я не помню, Нейт, – признался Брахур и перевел взгляд на церковь.

Мужчины, обгоревшие на солнце, усталые, но восторженные, покидали стройку. Берег словно облысел. Сосны вырубили на десятки метров в глубь острова. Церковь, пугающая своими размерами, поднималась тремя ярусами в небо.

С презрением поглядывая на сектантов, Нейт сказал:

– Мы вынуждены притворяться, носить маски. А знаешь, что это мне напоминает? Притчу, которую я читал еще подростком.

– Рассказывай. – Брахур продолжал писать.

– Дело было в Средние века, – начал Нейт. – Одного преступника бросили в загон к голодным свиньям. Но они не сожрали его, как бывало до этого с другими приговоренными к смерти.

– Он выжил?

– Да, – кивнул Нейт. – Ему удалось выжить, он сразу обмазался свиными экскрементами и стал подражать животным – ползать на четвереньках, хрюкать, реветь и даже есть из общего корыта, не помогая себе руками.

– Свиньи принимали его за своего.

– Именно. Ну и слух о выжившем просочился далеко за пределы города. Многие приезжали в тюрьму, чтобы посмотреть на чудо. А вот соль всей истории в том, что этот человек, поначалу лишь притворявшийся свиньей, полный страха и ненависти к ним, через месяц потерял рассудок, а вместе с ним и

речь. Он утратил личность и, судя по всему, комфортно чувствовал себя в этом загоне.

– Ты настолько за себя боишься? – Брахур поднял глаза, испытующе глядя на собеседника.

Кажется, Нейт попал в точку.

– Честно сказать, да. Но больше переживаю за Сифинь. Здешняя атмосфера плохо на нее влияет.

Ему на миг представилась череда дней и ночей на этом проклятом острове – если, конечно, это остров, – дней, заполненных лицами сектантов, страхом за себя и девочку, нескончаемыми «молитвами» и паршивой актерской игрой, которую ему приходилось изображать.

– Старик хочет провести перепись, – прервал паузу Брахур. – Сейчас в поселке почти две сотни человек. И говорят, в лесах живут столько же.

– Они еще не исследовали весь остров? – спросил с иронией Нейт.

Он бросил взгляд на церковь и вдруг увидел рыжую девушку. Она стояла не двигаясь. Ее огненные волосы колыхал ветерок, глаза отрешенно смотрели на церковь.

Он так залюбовался ею, что прослушал сказанное Брахуром.

– Прости, я отвлекся, – признался он.

– Готовятся на следующей неделе, – повторил парень. – Но остров огромен.

– А если туда бежать?

– Сомневаюсь, что удастся, – заключил Брахур. – К тому же это наверняка опасно.

Он посмотрел на голубеющие верхушки гор. Они вздымались крутой, почти вертикальной стеной и казались нереально высокими.

Нейт сделал глубокий вдох и с жаром выпалил:

– Тогда нужно уплыть с острова.

Брахур покачал головой, но ничего не ответил.

Океан шептал плавные, нежные напевы, похожие на шубертовские пастиччо.

«Нужно сделать отметку», – подумал парень.

Он вытащил из связки полоску со списком композиторов и торопливо нацарапал: «Шуберт? Пастиччо, аллегро спиритосо?»

Нейт украдкой наблюдал за девушкой. «Она явно не заслуживает этой участи – быть частью безумной секты. Ее можно вылечить, – решил он, – надо только подобрать ключик».

Но как? Она едва ли станет слушать его аргументы. Это как спорить с человеком, который верит в то, что Земля – плоская.

Или убеждать рабовладельца XIX века, что рабство – безнравственно и ненормально.

– Скоро вернусь, – сказал Нейт. – Присмотри за девочкой.

Брахур продолжал сосредоточенно выводить слова на коре.

– Ты куда? – забеспокоилась Сифинь.

– Всего на пять минут, дитя, – бросил Нейт.

Поднявшись, он шатающейся походкой направился в сторону церкви. С океана тянулись ласковые переливы. Девушка коснулась бревен строения и низко поклонилась.

Нейт боялся, что она уйдет, и ускорил шаг. Но нет – она стояла на прежнем месте и, видимо, молилась.

Он сделал глубокий вдох и тронул ее за плечо.

– Извините.

Она обернулась.

– Прекрасная церковь, – сказал он, кашлянув в руку.

От волнения в горле застрял комок.

Девушка с восхищением оглядела здание и кивнула:

– Она мне очень нравится.

По дороге он придумал несколько вопросов, которые, по его мнению, могли разбудить ее сознание.

– Чем вы занимались до острова? – спросил он, улыбнувшись. – У вас была семья?

Он на мгновение обернулся, увидел Брахура, который продолжал выцарапывать что-то на коре, и сидящую рядом Сифинь.

Девушка не ответила. Она недоуменно смотрела на него и молчала.

– У вас был молодой человек, которого вы любили? – не сдавался Нейт. – Может быть, вы помните своих родителей?

– Я родилась здесь, – заявила она. – И не понимаю, о чем вы говорите.

Он опешил, не зная, что на это ответить. Молчание затянулось. Рядом остановились двое сектантов и с любопытством смотрели на него.

– Видимо, я ошибся, – сказал несмело Нейт. На него опять нахлынули черные мысли. – Извините.

Она смерила его ледяным взглядом и направилась в сторону шалашей.

Отложив кору, Брахур сверлил его глазами. Его лицо походило на хищную орлиную маску, он терпеливо ждал, когда подойдет Нейт.

– О чем ты с ней говорил? – спросил парень.

– Да так.

Брахур хмурился и выглядел крайне обеспокоенным.

– Ты понимаешь, что рискуешь нас выдать?

– Все в порядке, – заверил Нейт. – Ничего особенного.

– О чем ты ее спрашивал?

– О семье. Я же говорю, ничего такого, – разозлился Нейт.

– И что она тебе ответила? – Парень поднялся и в упор смотрел на него.

– Что родилась на этом острове.

Брахур фыркнул и отвернулся.

Нейт сел рядом. Он вдруг почувствовал угрызения совести.

– Ты ее знаешь? – спросил он.

– Она очнулась позже меня, – тихо вздохнув, сказал Брахур. – Мы лежали на берегу, примерно девять человек. Я помню, как она кричала на второй день. У нее не прекращалась истерика. И как она пила воду из океана. И как чуть не умерла. Когда старик повел всех к ручью, она ползла за ним, как собака.

Стиснув зубы, Нейт тер глаза. Сгустилось тяжелое молчание. Сифинь перестала играть и с испугом смотрела на них.

– Нужно бежать, – нарушил тишину Нейт.

Брахур собирал в стопку полоски исписанной коры.

– Их можно отвлечь, – сказал он, не поднимая глаз.

– И как это сделать? – спросил Нейт.

Он еще никогда не видел в Брахуре столько решимости. Тот резким жестом указал в сторону церкви, взял под мышку кору и ушел.

VII

Пахло свежим деревом и смолой. Они смотрели на церковь и долго молчали. На вершине стоял трезубец – символ океана. По нему стекала капля птичьего помета.

– Я хочу есть, – сказала Сифинь.

Наклонившись, Нейт поднял с земли кроваво-красный плод.

– Яблоко, прошу, – протянул он девочке. – Спелое.

– Они здесь все спелые, – скуксилась она. – Меня уже тошнит от них. И болит живот.

Они углубились в лес.

– Скоро мы поплывем домой, – сказал Нейт.

Она с изумлением уставилась на него.

– У них есть лодка, – добавил он.

– Но ее охраняют.

Девочка казалась такой растерянной и шокированной, что он на миг усомнился в своем плане.

– С этим мы справимся.

Она кивнула и опустила взгляд.

Они поднялись и, срезая путь, пробирались сквозь заросли папоротника.

– Почему я ничего не помню? – тихо спросила Сифинь. – Я не помню лица Клер.

– Мы очень устали за это время, – ответил Нейт.

– Я видела, как женщины обнимают старика, они так полюбили его…

Девочка прикрыла глаза и наморщила лоб.

– Да… там, на черной поляне, – вспомнил Нейт, – они обжигают для него фигурки из глины, а те, что моложе, украшают ими церковь.

– Они говорят, это ангелы.

– Он добр и велик, – раздался за спиной низкий, гнусавый голос.

Нейт вздрогнул.

– Сифинь, стой, – сказал он.

Из-за деревьев вышел нескладный, коренастый мужчина, про которого однажды говорил Брахур. Размерами он походил на медведя. Его сутуловатую спину и голову, глубоко ушедшую в плечи, Нейт запомнил навсегда.

– Он создал остров, – уверенно заявил мужчина. – Маркус всемогущ.

Нейта сковал страх.

Он обвил его, точно стальными обручами, и кулаки сжались

сами собой. Взмокшие, дрожащие кулаки. Уже после Нейт понял: это был страх за девочку.

– Что вам нужно?

– Признайте, что он – велик, – сказал мужчина и вытер нос рукой.

– Мы даже не сомневаемся, – ответил Нейт, оглядываясь.

Поблизости никого не было. Вероятно, сектант подслушал их разговор. Или же та девушка разболтала о «странных» вопросах Нейта? Оба варианта не предвещали ничего доброго.

– Так в чем же его величие? – с очевидным ехидством спросил коренастый.

– Уверена, вы знаете это лучше нас, – сказала вдруг девочка.

Нейт взял ее за руку.

– Хорошего дня, – добавил он.

Коренастый издал странный звук, похожий на смешок, развернулся и, бросив злобный взгляд, ушел.

Из кустов выпорхнула голубая птичка. Опустившись на ветвь, она пропела несколько нот.

– Не следовало так говорить, – сказал Нейт девочке. – Ты могла его спровоцировать.

– Ему тоже не следовало.

Нейт горько усмехнулся.

– Меня уже тошнит от этой галиматьи, – пробормотал он.

Как же ему надоело это место. Хватит с них приключений. Он вновь взглянул на Сифинь, и сердце его болезненно сжалось.

– Где же настоящий Бог? – пропищала она. – Почему он не с нами?

«Он забыл о нас», – хотел ответить Нейт, но вместо этого сказал:

– Пойдем в укрытие, дитя.

Надо обязательно забрать ее. Пора с этим кончать, да поскорей. Слишком много событий и потрясений за последние дни. И неопределенность. Он так и не получил ответа на мучившие его вопросы.

Мысль уплыть с острова с каждым часом становилась все соблазнительнее.

Солнце клонилось к горизонту, а Брахура все не было. «Видимо, опять ушел к той женщине», – подумал Нейт.

Нырнув внутрь логова, он улыбнулся девочке.

– Будем играть, – сказал он.

– Во что?

– В африканскую игру. Называется «калах». Только нам нужны камешки. У тебя, случайно, нет?

– Есть, – улыбнулась Сифинь.

Она достала из угла глиняный стаканчик и высыпала на ладонь горсть разноцветной гальки.

– Какие красивые! – восхитился он.

Девочка засмущалась.

– Давай их сюда, – сказал он. – Ближе к свету.

– Только не потеряй.

Присев на корточки, он сделал на песке несколько ямок и начал объяснять правила.

– Можно вопрос? – спросила она вдруг.

– Да.

– А что ты делал на работе?

Он на мгновение задумался и сказал:

– Помнишь, я пообещал тебе кукольный домик, когда мы выберемся отсюда?

– Ага, – кивнула она.

– Так вот. Мы делаем эти домики, а потом играем. И все наиграться не можем.

– Мне нравится такая работа.

– Тут главное, чтобы куклы не болели.

Она мечтательно закатила глаза.

– А ты сделаешь мне куклу?

– Конечно.

– Тогда давай играть?

Она чмокнула его в щеку и потянулась к камням. Он улыбнулся. Может быть, этими мгновениями и определяется смысл жизни?

После игры он предложил сходить на пляж, но она отказалась.

– Я устала.

– Тогда я схожу один.

– Хорошо.

– Засыпай, дитя.

Нейт ласково погладил ее по волосам.

Девочка ответила умиротворенной улыбкой и закрыла глаза.

Вынырнув наружу, он поспешил к берегу. Заросли пробивали осколки вечернего солнца. Главное, не опоздать.

Он понимал, что стычка с коренастым могла посеять лишние сомнения. И, чтобы их развеять, было необходимо на глазах у других сектантов поклониться океану.

От воды тянулась знакомая музыка – он поймал себя на мысли, что где-то ее слышал. Прикрыв глаза, он вслушивался, как причудливо скользят жемчужинки нот. «Точно! – вдруг понял

он. – Она же стояла у меня на будильнике!»

Он мысленно усмехнулся и направился к свободному месту.

Устроившись недалеко от заводи, Нейт разыгрывал молитву. Руки лежали на коленях, губы хаотично шевелились, шепча. Его окружала почти сотня сектантов, но это его не смущало.

С закатом обычно приходила рыжая девушка. И действительно – едва солнце коснулось ободком горизонта, она появилась и села у кромки воды.

Он уже пожалел, что связался с ней. Едва взглянув на девушку, он понял, что по-настоящему боится ее. Эта невинная на первый взгляд беседа породила в нем первобытный страх. Хуже всего, что он подвергал опасности не только себя, но и Сифинь с Брахуром.

«Возможно, я зря сюда пришел», – пронеслась тревожная мысль.

Ему захотелось уйти. Но прошло всего пять или шесть минут, как он начал «молитву». Его уход мог вызвать нежелательные подозрения. Он сделал глубокий вдох, так сильно наполнив легкие, что почувствовал боль в диафрагме. Губы бормотали слова старой песни «Help!»

Тем временем к сектантке подошли двое мужчин. Один из них, наклонившись, коснулся ее шеи и что-то быстро сказал. Девушка кивнула. Перебросившись парой фраз, они направились дальше.

Нейт проследил за ними взглядом и хмыкнул. Он вспоминал недавний разговор с девушкой, пытаясь понять, мог ли он себя чем-то выдать, как вдруг она встала и побрела в сторону океана. Закатное солнце окрасило ее золотом. Рыжие волосы вспыхнули огнем.

Сначала Нейт подумал, что она решила искупаться. Но она и не думала плыть. Она плавно заходила в воду – сначала по колени, затем по талию, по грудь.

Он оглянулся и увидел, что сектанты безотрывно смотрят на девушку. Некоторые из них улыбались, иные – о чем-то шептались.

В этот момент он почувствовал что-то неладное и хотел остановить ее, крикнув, но понял, что сразу бы себя выдал. Нужно было понаблюдать, что же будет дальше. Девушка медленно двигалась вперед, погружаясь по шею, уши, макушку и наконец скрылась в волнах.

Нейт остолбенел, потрясенный до глубины души, и, раскрыв рот, не отрываясь, следил за поднимающимися на поверхность пузырями воздуха. И только спустя минуту в воде заколыхались густые, потемневшие рыжие волосы, а затем появилось и тело

девушки, мягко качаясь на волнах.

Он слышал, как сектанты обсуждали случившееся. По их мнению, девушка совершила акт высшей, жертвенной любви к океану, а значит, и к Маркусу. Кто-то произнес: «Искупление», и это слово разнеслось по пляжу.

Нейт почувствовал, как все сжалось в животе и скрутило внутренности.

Этот кошмар совершался у него на глазах и, без сомнения, продолжится дальше. А он может лишь беспомощно наблюдать, смиряясь. Что, если они сейчас разоблачат его? Он на миг представил себе толпу сектантов, которые подбираются к нему, ближе и ближе, и с трудом сдержал приступ рвоты.

Нужно как можно скорее покинуть это место! Во что бы то ни стало! Твердая решимость разобраться во всем рухнула. Осталось лишь острое желание сбежать с острова.

Наконец он встал и, чувствуя, как подкашиваются ноги, побрел обратно. Никто за ним не последовал. Единственное, что его утешало, – сегодня он не взял на пляж девочку.

Ночью ему снился очередной кошмар.

– Она мне нравится, – донеслось из зарослей. – Отдайте ее мне, а иноверцу перережьте горло.

Он напряженно слушал. Где-то совсем рядом хрустнули ветки.

– Мне она тоже нравится, Ферх.

Схватив Сифинь, Нейт бежал.

Сзади раздавалось веселое улюлюканье и тяжелые, ухающие шаги преследователей. С таким же уханьем билось в его груди сердце. Он боялся, что оно не выдержит.

– Клер, – рыдала Сифинь. – Клер… Клер…

Очевидно, те ублюдки бежали на плач девочки. Ему снилось, что они загнали их на скалу. Путь был отрезан. У подножия, выбрасывая пенистые брызги, вздымались и падали на камни волны.

– Что вам нужно? – выдохнул Нейт, затравленно оглядывая мужчин.

Он видел ухмылку коренастого и безумный блеск в глазах остальных. Их лица блестели от пота.

– Отдай девчонку, – ощерился один из них.

Нейт чувствовал ее частое дыхание. В спину дул прохладный бриз, мелодия океана была до боли знакомой. Легкая музыка и шорох валов.

Скала – словно гигантский зуб, а они – на его острие. Под ногами – камень и слои белого птичьего помета.

Когда между ним и коренастым оставалось меньше двух метров, он обернулся и, прижав девочку к себе, прыгнул вниз. В ушах завыли холодные потоки воздуха. Последнее, что он помнил, – как во время падения коснулся губами ее виска.

Брахур глядел на небо.

Обычно он крепко спал ночами.

Но сегодня уснуть не мог и лежал на песке рядом с шалашом, держа в руках объемную связку коры и рассматривая ночное небо.

Оно было звездное и чужое, и чем больше Брахур его изучал, тем больше ему становилось не по себе. С небом было что-то не так. Наконец он понял: не было Полярной звезды. И лишь когда он обнаружил на небосводе Южный крест, немного успокоился. Очевидно, это было южное полушарие, а здесь, даже с телескопом, Полярной звезды не найдешь.

От океана тянулось нечто знакомое. Брахур долго пытался понять, что же это. Возможно, соната фа минор Скарлатти – он не был уверен.

Он бережно прижимал к груди рукописи. Будто собственного ребенка. И тут его потрясла мысль: в этих высохших, искореженных полосках коры заключен он сам. Исчезнет этот ворох – исчезнет и он.

В шалаше, тяжело сопя, спала Мирия.

«Плыть или нет?» – все еще мучил его вопрос.

Бросить ее здесь?

Он уже договорился с Нейтом, что на закате отвлечет сектантов от лодки.

С утра важно набрать воды и фруктов. И снова попытаться убедить Мирию. Пусть она и была непреклонна.

VIII

– Мы уплываем, – сказал Нейт.

Сифинь раскрыла рот, ошарашенно смотря на него.

– Сегодня?

– Да, дитя.

– Так быстро!

Сифинь радостно хихикнула.

– Справишься?

– Я уже взрослая, – гордо заявила она.

– Отлично, – широко улыбнулся Нейт. – Через полчаса пойдем за фруктами и водой. Ты со мной?

– Конечно!

Держа себя за ступню, она запрыгала на одной ножке и рассмеялась. В ее голосе и движениях чувствовалась радость, и это воодушевило Нейта.

Они набрали целую гору яблок и желтых плодов и подготовили горшки с водой. Брахур собрал и завялил сердцевинки мидий. Посуду они промазали глиной – получились запаянные, герметичные сосуды. Фрукты связали в вязанки, а потом вместе с Брахуром спрятали на берегу в кустарнике.

– Жди меня в укрытии, – сказал Нейт.

– Когда ты придешь? – спросила девочка.

Он обожал ее такой – нахмуренное лицо, в глазах – огонек ответственности.

– Вечером, когда солнце начнет садиться, – уточнил он. – Постарайся выспаться.

– Хорошо.

Она прижалась к нему, он поцеловал ее в макушку и пошел на пляж.

Лодка уже десять минут сиротливо лежала на берегу. Изнутри она была бледно-желтая, цвета нечищеных сектантских зубов, снаружи – бурая, потемневшая от воды. Вскоре пришел охранник, повернул посудину набок и лег в ее длинную узкую тень.

Нейт сидел под деревьями и глядел на волны. Припекало солнце, океан весело искрился, а густо-синее небо казалось нарисованным. Из воды тянулась навязчивыми повторениями мелодия фуги – лавина гулких басов и всплески диссонансов. Нейту музыка не нравилась.

В памяти всплыли слова Брахура.

– Пойманную рыбу они называют святыми дарами океана, –

рассказывал парень. – Они разрезают ее на кусочки и поедают сырой. Потом молятся волнам.

Нейт никогда не ел их рыбу. И в этом не было ничего удивительного. Почти весь улов доставался старику и его приближенным.

Брахур пообещал отвлечь сектантов к церкви. Начало заката – условный знак. Нужно будет забрать Сифинь и ждать на берегу, пока не уйдет охранник.

По пляжу ползало множество бесцветных крабов и мелких многоножек. Заслышав шаги Нейта, они разбегались по сторонам.

Мимо прошла полноватая женщина. Она улыбнулась ему, он тоже невольно улыбнулся в ответ.

Затем поднял с песка небольшой треугольный камешек и крепко сжал его. В голове клубились давно забытые мечты, надежды и опасения. Он думал о матери. Наверное, от горя она сошла с ума. Он представлял, как она внезапно замолкает, бледнеет и кусает от ужаса губы. Это невыносимо.

Он пытался вспомнить какую-то девушку, очень знакомую ему девушку, с которой пил сухое вино. Кажется, была зима, и они танцевали весь вечер. Ее имя осталось в прошлом.

Его жизнь взорвал и изуродовал непонятно откуда возникший кошмар с сектантами. Кошмар, который не поддавался трезвому анализу.

Оставалось одно – бегство.

Нейт чувствовал тепло и твердость зажатого в ладони камешка. Он повертел его в руке, хотел швырнуть в воду, но не стал.

На берегу появилась ликующая толпа – человек сто, не меньше. Старик шел впереди, его окружали несколько мужчин. Видимо, они выполняли роль охраны. Остальные тянулись позади, на безопасном отдалении.

Нейт пристально следил за ними. Дрожащее марево искажало движения фигур и меняло их очертания.

Маркус плавно обвел всех ладонью.

– Веселой толпой, – воскликнул он, – с музыкой и песнями мы пройдем по всему острову! Там нас ждут озера и леса с дичью. Не этого ли вы хотели?

– Откуда вы знаете? – спросил его поджарый, мускулистый юноша.

– Я знаю, – просто ответил он. – Разве этого мало?

Толпа встретила его слова воплями и слезами радости. Женщины плакали и кричали о любви к нему. Мужчины что-то хором распевали.

Удивительно, как он выделялся на их фоне: остальные были намного его младше. «Судя по всему, – решил Нейт, – он был самым пожилым на острове. Не это ли сыграло ключевую роль, когда его сделали пророком? Нет, этого явно мало.

Как приятно, наверное, это нездоровое опьянение властью над другими, эта возможность вертеть людьми, как вздумается».

Старик прошел несколько шагов, и они побежали за ним. Несколько женщин бросились ему наперерез, расталкивая локтями мужчин. Кто-то грубо схватил его за руку.

– Ты видела, сестра моя? – зазвенел голос. – Я дотронулась до него!

Он вскинул ладонь, показывая, что хочет уединения, и направился в сторону церкви. Видимо, она казалась ему надежным убежищем.

Нейт ждал, когда на пляж опустится вечер, и думал над словами старика. Он сидел на пятках и, имитируя молитву, беззвучно напевал песню любимой группы.

Вдруг он почувствовал чье-то прикосновение и дернулся, как от удара током.

Позади, глядя на него в упор, стоял коренастый.

– Что-то случилось? – спросил Нейт.

– Ты плохо говорил о Маркусе. – Сектант глуповато ухмыльнулся.

От него резко пахло по́том.

Нейт проглотил слюну. Эта встреча не предвещала ничего хорошего.

– Он добр и велик, – ответил он.

– Не прикидывайся дураком.

К ним подошел высокий щербатый парень.

– Что он тогда сказал? – спросил он, остекленевшими глазами разглядывая Нейта.

– Смеялся над Маркусом, – ответил коренастый.

– Я один из вас, – улыбнулся дружелюбно Нейт. – Я сидел здесь, молился океану, никого не трогал.

Не хватало еще, чтобы эти двое испортили все планы. Он усиленно думал, как бы уйти от этого неприятного разговора.

– Ты делаешь наш остров грязным, – с презрением сказал коренастый. – Ты лжешь. А здесь лгать нельзя.

Нейт стал понимать, что просто так они его не отпустят. К ним шли еще трое сектантов. Нужно было бежать прямо сейчас.

Он рванулся в сторону, но тут же получил по затылку чем-то тяжелым и потерял сознание. Левая рука, за которую его схватил щербатый, неестественно вывернулась в плече.

Очнулся он, сидя спиной к сосне. Мучительно ломило виски. Впереди простирался океан, синий и безликий, над ним нестерпимо светило солнце.

– Чего вы хотите? – спросил Нейт, еще надеясь уладить все миром.

Он двинул руками и чуть не вскрикнул от боли, вспыхнувшей в плече. Кисти были связаны за деревом. Его окатила волна беспомощности.

– Скажи, что любишь его.

– И это все? – переспросил Нейт.

Коренастый кивнул.

– Я люблю его, – сказал Нейт, подумав о девочке.

«Надеюсь, ее не схватили… Да, она сейчас в укрытии. Брахур должен за ней присмотреть… Сопротивляться было глупо. Так я сразу себя выдал».

– Да ты даже не веришь тому, что говоришь!

Коренастый с силой пнул его в живот. Нейт застонал и начал кашлять, щурясь от боли. Он не мог дышать.

– Я… люблю Маркуса, – едва слышно пролепетал он.

– Брехня!

Нейт снова подавился приступом кашля.

– Кажется, я знаю, что делать, – сказал щербатый и зловеще улыбнулся.

– Что ты задумал, Годт? – спросил коренастый.

– Увидишь.

– Сначала спроси у Маркуса, – обеспокоенно сказал тот.

– Хорошо.

Когда щербатый ушел, Нейт обратился к коренастому:

– Зачем вы это делаете, господа? Я ни в чем не виноват.

Но тот не ответил.

Мысли путались. Нейт снова подумал о Сифинь. Его беспокоило, что скоро закат, а это знак, что он должен за ней прийти.

В шуме океана зазвучали спокойные, нежные полутона. Рядом с сосной уселась чайка и, задрав голову, широко раскрыла клюв.

Неужели та девушка выдала его? А после… после они заставили ее убить себя. Он не видел иного объяснения.

На берегу появился щербатый. В одной руке он нес желтый фрукт, в другой – горшок, закрытый крышкой. За ним, в вечерней дымке, шли люди, среди которых Нейт заметил Маркуса. Все, кроме старика, остановились в отдалении, метрах в тридцати.

– Это поможет тебе поверить, – медленно произнес щербатый, затем поставил горшок на землю и раздавил в руке плод.

– Я верю, господа, – ответил Нейт, в ужасе разглядывая старика.

Он впервые видел его так близко. Во внешности Маркуса не было ничего сверхъестественного. Обычный старик, который любит играть в шахматы в парке. Угрюмое седобородое лицо. Хрупкое телосложение.

Старик коротко взглянул на Нейта, отвернулся и сказал:

– Ты прав, он жалок. – Голос его был усталым. – В нем нет ни веры, ни любви. Он сам за себя.

Коренастый стоял в стороне и, опустив глаза, с почтением ждал. Щербатый растирал в ладонях плод, на землю перед ним капал сок.

– Я ни в чем не виноват, – взмолился Нейт. – Я верю в вас! Верю!

– Он опасен, – добавил старик безучастно и, даже не обернувшись, направился обратно. – Меня можно было и не звать.

Повисла пауза. С сердитым криком улетела чайка. Волны продолжали шуметь и ласково петь.

Когда старик ушел, щербатый наклонился к Нейту и начал обмазывать фруктовой кашей его ноги. В нос ударила терпкая сладость плода.

– Что ты делаешь, сволочь? – задрыгал ногами Нейт и угодил в колено сектанту.

Коренастый, размахнувшись, ударил его в лицо.

Отчаяние, рвущееся изнутри, взорвалось оглушительной яростью. Тряхнув головой, Нейт сплюнул кровь и с ненавистью прошептал:

– Изверги, – и добавил с еще большей ненавистью: – Насрать мне и на вашего Маркуса, и на всех вас!

Он снова плюнул в щербатого, но порыв ветра отнес в сторону кровавый сгусток.

– Это тебе поможет, – кивнул щербатый и открыл горшок.

Коренастый заглянул внутрь, удивленно охнув.

– Можешь сыпать, Годт, – сказал он.

Щербатый перевернул сосуд, и Нейт увидел, как на его колени рухнула и растеклась по коже рыжая масса. В ту же секунду в ногах вспыхнула обжигающая боль – на голенях и на правом бедре.

Нейт закричал. Муравьи облепили его ноги, пожирая раздавленную мякоть фрукта, а заодно отщипывая кусочки кожи.

– Веришь ли ты в Маркуса? – воскликнул коренастый. – Веришь теперь?!

Щербатый завороженно следил за происходящим.

Нейт громко, не контролируя себя, кричал. Ноги поглотил

жар, их будто сунули в огонь, в раскаленные угли. Тело корчилось, ноги судорожно дергались в разные стороны.

– Заткни ему рот! – сказал щербатый.

Сознание взорвалось, заполняя каждую клеточку тела. Взгляд затуманился. Откуда-то издалека зазвучали музыка, крики и смех, когда Нейт провалился в огненную тьму.

IX

Брахур опустился на колени и посмотрел на девочку.

– Ты слышала, как он кричал?

– Да, – испуганно ответила Сифинь.

На ее лице застыло потрясенное выражение, какое бывает у ребенка, которого резко пробудили ото сна.

– Маркус плохой, – сказал он. – Понимаешь? Жестокий и злой.

Девочка дважды кивнула.

– Я понимаю.

С пляжа доносились пронзительные возгласы и хохот.

– Они обезумели, – с презрением продолжал Брахур. – Они пытали его.

– Что это значит – «пытали»? – спросила она, вся сжавшись.

– Делали ему больно. Очень больно.

– Ты видел?

– Нет, только слышал. Этого достаточно.

Она заплакала.

– Но ты спасешь его? Ты же спасешь его?

– Нет, – честно ответил Брахур. – Это невозможно.

Девочка взглянула на него как на предателя и отвернулась.

– Он бы хотел, чтобы я забрал тебя, – сказал парень.

– Хорошо, – отозвалась она после долгого молчания.

– Жди меня здесь. Я вернусь минут через двадцать.

– Хорошо.

Она глядела в сторону, сдерживая слезы.

– Пообещай мне, что никуда не пойдешь, – сказал он строго.

– Обещаю.

– Я скоро буду.

Он бросил на нее мягкий, потеплевший взгляд, взял полоски коры и вышел из логова.

Стояла тишина. Лишь переговаривались на деревьях птицы. Похоже, сектанты собрались на пляже, привлеченные пыткой.

Закат уже догорел, в лесу сгущалась тьма. Брахур остановился у соснового пня, который остался после строительства церкви. Тронул его – пальцы стали липкими. Он снял с себя изношенную майку и начал тереть ею о спил. Вскоре ткань просмолилась. Он взял палку и намотал на ее конец майку. Поднял связку коры и зашагал по тропе к шалашу.

Издалека он увидел Мирию. Она сидела у шалаша и чистила мидий, которых он принес ей днем.

– Ты знаешь, что случилось? – спросил он.

– Они пытают его, – сказала она вполголоса.

– Я ничего не могу поделать. – Его ноздри в гневе раздулись. – Их слишком много.

– Ты видел его? – Мирия отложила скребок и с грустью смотрела на парня.

– Нет. Но я слышал крики.

Она тяжело вздохнула.

На ее лицо упал рыжий закатный луч.

– Мы с девоч… – Брахур начал говорить, но тут же осекся. Что-то его смутило. Сколько прошло времени с той минуты, когда он оставил Сифинь одну?

– Мы с девочкой поплывем ночью.

– Будьте осторожны, – сказала она. – Ты принес записи?

– Я спрячу их у тебя. – Он оглянулся на подозрительный шорох. – Сохрани их.

– Ты решил их оставить мне?

– На лодке они ни к чему.

– Хорошо.

Вдалеке загремел чей-то голос.

Лес погружался в голубоватый сумрак.

– Значит, ты не поплывешь, – произнес он скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Мы же уже решили, – мягко сказала она.

Брахур помолчал.

– Я приведу помощь. Я обещал тебе.

– Обними меня, – попросила Мирия. – У меня руки грязные.

Приобняв женщину, он поцеловал ее в щеку.

– И еще, – сказал он. – Я возьму угли.

Она удивленно приподняла брови, но спрашивать не стала.

– Посмотри в печи, – услышал он.

Нагнувшись, он покопался прутиком в золе и достал несколько светящихся угольков. Затем завернул их в длинные зеленые листья.

– Береги тебя Господь, – добавила она.

Он кивнул.

– Я вернусь, Мирия.

– Ты очень хороший человек, Брахур.

Она улыбнулась, но он уже отвернулся, чтобы вытереть слезы, и не видел ее улыбки. Взяв палку и угли, он направился к берегу.

У церкви никого не было.

Он подобрался к строению почти вплотную, когда увидел в окне третьего яруса старика. Тот смотрел на небо и что-то глухо

бормотал.

Брахур замер и с ядовитым презрением глядел на него.

«Что за черт».

Он подкрался ближе и увидел, как по щекам Маркуса текут слезы. Морщины не позволяли им скатиться. Капли застревали в складках кожи и в полумраке блестели.

«Интересно, что он там шепчет? Что-то об Элеоноре». Прошло почти десять минут. «Только бы не остыли угли». Сумрак густел, превращаясь во тьму. Брахур неотрывно следил за стариком, пока тот не отошел от окна.

«Теперь можно».

Дрожа от напряжения, он положил листья на землю. Долго прислушивался. С пляжа доносились голоса сектантов. Они что-то ожесточенно кричали. Их голоса тонули в музыке и шуме набегавших волн.

«Еще немного».

Наконец он развернул сверток и легонько подул на угли. Взметнулась струйка пепла, они покраснели. Он положил на них головку факела и стал дуть снова, пока не вспыхнул огонь.

X

В лицо плеснули водой.

Нейт застонал – ноги вновь охватило пламя.

– Очнись, – сказал чей-то властный голос.

Он приоткрыл глаза и увидел перед собой незнакомого бородатого мужчину. Вокруг толпились островитяне. Их фигуры теряли свои очертания – он смотрел на них, будто сквозь стакан с мутной водой.

– Что ты говорил о Маркусе? – спокойно спросил бородатый сектант.

Его огромное багровое лицо почти вплотную приблизилось к Нейту.

– Отпусти… – прохрипел Нейт и с глубоким ужасом уставился на свои ноги. Кости голеней оголились, обнажилась левая коленная чашечка. По бедрам расползались язвы. В одной из них копошился огромный, отбившийся от стаи муравей.

– Ты против него, верно? – повторил бородатый. – Скажи, кто еще говорил о нем дурно!

Толпа зашумела.

– У него есть дочь! – раздался крик. – Найдите его дочь!

– Пусть его целиком сожрут муравьи! – заорал кто-то.

Нейт шевельнул ногами, но это лишь усилило нестерпимый жар и жжение. Он застонал, по щекам потекли слезы.

– Тебе больно, – сказал бородатый, – но ты не веришь.

Его губы искривились в мрачной ухмылке. Он отошел на несколько шагов и что-то сказал собравшимся.

Издалека доносилась судорожная мелодия, сверкающее арпеджио волн.

– Он лгал нам! – объявил бородатый.

«Музыка звучит другая, – кружилась в голове мысль. – Уже почти темно, значит, прошло много времени… Но сколько суток? Сифинь ждет… она ждет… Я должен идти… Нужно сначала встать».

Эти фразы ворочались в мозгу, ожесточенно гремя каждым слогом.

«Она ждет. Нужно только подняться и пойти к ней».

Он дернулся вверх, но тут же рухнул, разрезая толпу острым, безумным взглядом.

– Лжец! Лжец! – начали скандировать сектанты. – Он оскверняет нашу землю! Оскверняет!

– Дочь… – звенел голос. – Дочь… приведите… дочь.

Ему показалось, что среди них стоит Брахур. «Он позаботится

о ней… Он позаботится…» – пронеслась новая, успокаивающая мысль.

– Спаси ее! – собрав последние силы, закричал он. – Ты! Ты!..

«Парень, ну же, иди за ней… беги за ней… Но нет! Нет, это не он… Это один из них…»

В грудь с хрустом ударился камень, но новой боли это не добавило.

– Убейте его! – раздался женский крик.

Океан яростно пел, островитяне вторили ему и в забвении танцевали.

– Ублюдки. – Его губы тряслись, выдавливая хриплый шепот: – Пресмыкайтесь и дальше перед стариком.

И вдруг все замерли, зашептались и одновременно, как в кино, повернули головы и уставились на что-то.

– Церковь! – прогремел голос. – О Создатель!

Поднялся шум.

– Создатель! Создатель! – Плачущие стоны сливались в гул. – О Создатель!

Нейт взглянул налево, на лицо медленно выползла улыбка, и он стал посмеиваться тихим, сиплым смехом.

Огромные клубы дыма, расцвеченные снопами искр, поднимались к сумрачному небу. Внизу метались кровавые языки пламени, из окон церкви вырывался огонь.

– Сдохните вы все со своим Маркусом! – радостно прошептал Нейт. – Сдохните!

Тело его сотрясалось в агонии.

В висок ему ударил булыжник, и голова упала на грудь. Во тьме, где таилось сознание, замелькали бессвязные образы. Белая дверь кабинета. Рукопожатие. Голубые глаза Сифинь… «Мама. Бедная мама, она плачет. По ее лицу бегут слезы. Она еще верит, что я вернусь».

XI

В логове никого не было.

– Сифинь, – тихо позвал Брахур, затем закричал: – Сифинь! Нам пора!

«Забрать девчонку и уплыть из этого ада».

Пот катил с него градом и капал на землю.

Он снова крикнул, но не дождался ответа. Где она могла быть? С Сифинь его связывали равнодушные и, пожалуй, неясные отношения. Возможно, она ему не доверяла.

«Нужно найти оружие», – возникла мысль. Недолго думая он поднял с земли увесистый грибовидный булыжник и бросился к пляжу, где был привязан Нейт.

«Может, все это не по-настоящему, а только галлюцинации?» Но реализм происходящего пугал его, все чувства обострились, мысли в бешеном вращении заполнили голову.

В темных зарослях кто-то налетел на него.

– Это ты поджег! – заорал незнакомец.

Не дожидаясь продолжения, Брахур врезал ему камнем по голове. Удар опрокинул незнакомца навзничь – тот с треском повалился в кусты. Парень обогнул тело и побежал дальше.

«Нет времени… Найти девчонку… Найти ее».

Берег пустовал.

Сектанты, которые еще недавно были здесь, теперь окружили церковь. Судя по всему, они пытались потушить пожар.

Хотя что там тушить? Церковь рухнула как карточный домик. У места пыток осталось не больше десяти человек.

– Сифинь, – позвал Брахур негромко.

Крепко сжимая в руке булыжник, он с опаской косился по сторонам.

Послышались всхлипы.

Кто-то плакал.

Океан изрыгал зловещую «Пляску смерти». Под аккомпанемент виолончелей мрачно тенькал ксилофон, передавая стук костей пляшущих скелетов.

«Кто это? – мелькнула мысль. – Ференц Лист? Или Сен-Санс?»

Он сделал еще несколько шагов, скользнул взглядом по сосне, и его обдало ледяным холодом. Камень выпал из рук. Колени стали мягкие, и их повело в разные стороны.

Девочка обнимала Нейта. По-видимому, мужчина был мертв. Его голова упала на грудь. От ног почти ничего не осталось: в темноте были ясно видны тонкие, пугающе белые линии.

– Сифинь, – снова позвал Брахур.

Его голос дрожал. Он подошел к ней, взял за руку и попробовал поднять на ноги, но она крепко вцепилась в плечо Нейта.

«Вжик, вжик, Смерть каблуком отбивает такт на камне могильном», – вспомнились строки стихотворения Казалиса, которое въелось в память еще со времен музыкальной школы.

Брахур стучал зубами и никак не мог успокоиться. До чего же страшная, бессмысленная и неправдоподобная смерть!

Сотни человек, которые оказались здесь неведомым образом, стараются придать обоснованность своим действиям, сделать осмысленными свои жизни и в итоге в безумии убивают друг друга. Если это ад, то какой из его кругов? Все это казалось ему дикой фантазией.

Интенсивность мыслей и чувств, страданий и ужаса убеждала его, что он видит наркотический сон, сюрреальный трип, вызванный тяжелым наркотиком или даже несколькими. И теперь он, как щепка на волне, как песчинка, подхваченная вихрем, не может ничего с этим поделать.

– Тебе не следовало приходить, – вырвалось у него.

Сифинь не ответила. Ее глаза смотрели в пустоту, мышцы были скручены, как стальные канатики.

– Я просил тебя ждать в укрытии.

Девочка молчала.

Злорадно тенькал ксилофон – перестукивались кости танцующих мертвецов.

Брахур обернулся, и взгляд его остановился на пожаре. На месте церкви под клубами дыма пылали бревна рухнувшего сруба. По полуобнаженным телам, лоснящимся от пота, плясали блики пламени. Он пригляделся: толпа медленно шла обратно.

– Нужно плыть, – сказал он нетерпеливо. – Пойдем же.

Девочка не двигалась. Со стороны пожара доносились крики, острыми иглами вонзаясь в уши. Сектанты почти здесь, они видят их.

– Сифинь! – Парень взял ее за плечи и начал трясти. – Они идут сюда!

Но она будто окаменела.

И тогда что-то взорвалось в нем, по телу разлились волны паники.

– Пойдем! – закричал он и грубо, точно куклу, развернул девочку к себе.

Она с ужасом уставилась на Брахура – прошла долгая, невыносимо долгая секунда – и вдруг взвыла во весь голос как раненый зверек. Его руки разжались сами собой, он попятился. Девочка вскочила и, оскалившись, скрылась во тьме.

Он бросился за ней, но опоздал.

XII

«Если охранника привлек пожар, то сейчас лучший момент».

Брахур сосчитал до десяти, сделал глубокий вдох и взял в охапку горшки. Выбравшись из зарослей, он подкрался к лодке. Опустил в нее сосуды и вязанку фруктов.

– Это он навлек огонь! – загремел вдалеке голос.

Брахур посмотрел налево и вновь похолодел от ужаса. Десятки рук, будто щупальца, оплели труп Нейта. Тело волокли по песку. Его длинные черные волосы свисали на лицо, колени были вывернуты.

– Наказание неминуемо, – послышался хор.

Парень вернулся в заросли, схватил остальные горшки и, забыв о безопасности, побежал обратно.

Повсюду раздавались дикие крики, завывания и плач.

– О Создатель! – пели люди в религиозном экстазе.

Начиналось настоящее безумие. В воздухе вопила смерть. Грубый голос затянул какую-то жуткую литанию, и остальные вторили ему.

Брахур потащил лодку к воде. Накануне был отлив, и до кромки океана было не меньше десяти метров.

И опять «Пляска смерти». Солирующие литавры. Дьявольский ритм вальса.

Из тьмы вынырнула фигура мужчины и с воплями бросилась ему наперерез.

– Ты поджег! – раскатился по пляжу голос. – Ты убил его!

Брахур схватил расщепленную жердь, служившую веслом. С громким криком, в котором смешались страх, злость и вызов, он бросился на человека.

Удар пришелся в верхнюю часть спины, меж лопаток. Мужчина сделал несколько шагов и, застонав, упал.

Брахур увидел его красное, воспаленное от солнца лицо и вытаращенные глаза.

– Я смотрел за тобой! – прохрипел мужчина. – Ты…

Из-за шалашей вышли еще трое.

Брахур обвел их свирепым взглядом и продолжил тянуть лодку к воде. В его глазах остановилось время – там было только действие, продуманное действие.

– Это ты, Тод? – крикнул один из них.

Господи, вот и вода, спасительный океан. Брахур сделал последний рывок. Кожа на ладонях лопнула, и они стали мокрыми от крови.

– Он поджег церковь! – хрипел упавший мужчина, отчаянно

размахивая руками. – Я видел! Я все видел…

Вода схватила лодку и потащила в океан.

– Волны вынесут его к Черной скале, там и разберемся, – раздался голос.

Троица отступила и неспешно двинулась в сторону скалы.

– Это он! – продолжал кричать мужчина. – Держите его, он на лодке…

И контрапунктом раздавалось:

– Волны, пойте… священные волны! – Вдали раскачивались силуэты и пели сектанты.

Ими овладел музыкальный экстаз, они завывали все громче, точно дикие животные.

– Маркус, прости нас!

К пляжу двигались десятки огненных точек смоляных факелов.

– О Создатель! О Создатель!

Багровые вспышки освещали песок, а на нем – груду сучьев, увенчанную истерзанным телом Нейта.

Брахур плохо помнил, как ему удалось вырваться из реверсивного течения. Он греб с такой яростью, что в пояснице что-то лопнуло, и теперь ее пронзала мучительная боль.

Тяжело дыша, он греб, направляя лодку все дальше от берега. Когда он оказался на безопасном расстоянии, то вдруг судорожно рассмеялся. К сердцу горькой, отравленной волной хлынула радость. Укрывая ноги ветками папоротника, он продолжал плакать и смеяться одновременно.

Лодка медленно скользила по глади океана. Впереди раскрывалась необъятная бездна, мрачно рокочущая свои мелодии.

Ему казалось, что с минуты, как он увидел тело Нейта, минула целая вечность. Или как минимум час. Но из океана по-прежнему лилась «Пляска смерти». Значит, прошло не больше десяти минут. Из лекций по психологии он знал, что для человека, который находится в состоянии стресса, время идет с удвоенной, а порой с утроенной скоростью.

Вода переливалась ночным изумрудом и кобальтом, местами – бездонно-синим цветом. Остров становился все меньше, тонкая струйка подсвеченного огнем дыма походила теперь на золотой волосок, протянутый к небу. Кроме пожара, на острове Брахур не заметил ни света маяков, ни портов, ни населенных пунктов. Ничего в этой глуши. Ничего.

У него путались мысли. Что он помнил хорошо – так это последние часы, проведенные на острове. Потерявшая рассудок

девочка обнимала труп Нейта. Та сцена стояла у него перед глазами, точно живая картинка, от которой он никак не мог избавиться.

Зачем она пришла туда? Почему не дождалась его в укрытии? Да, это его вина. Он мысленно снова и снова опускался на одно колено и глядел в ее детское, искаженное судорогой личико. Внутри он сжимался от стыда, но он не считал стыд чем-то плохим.

Мирия, которой он обещал вернуться. Она знала, что это почти невозможно. Она понимала, что смерть уже ждет ее.

– Я бросил тебя, – прошептал он. – Прости меня… Прости… прости…

Он устало потер пальцами веки и, сощурившись, вновь впился взглядом в горизонт. Океан тянул свою бесконечную песню, окутывая его липким, сырым холодом.

Ночной штиль сменился ветром. С утра поверхность океана зарябила, вскоре появились волны, а на них – пена. Завывал ветер, ревела музыка – стенания скрипки, грохот тимпанов, зыбкие переливы. Композицию он распознать не мог. На плот рушились волны, и папоротник, распавшийся на веточки, не спасал от холода.

Брахур уже давно не чувствовал боли в пояснице – ее поглотила обжигающая боль, которая разлилась по всему телу. В глазах скопились усталость и пустота, как у доведенного до крайней степени изнеможения человека, бежавшего марафон. Дрожащий, обросший, с грязными всклокоченными волосами, он разговаривал сам с собой.

– Я скоро проснусь.

С какой безумной надеждой, а скорее, безумной тревогой он вглядывался в даль, думая увидеть землю или корабль.

Солнечный свет окрашивал океан в лазурные цвета, которые превратились в мертвенную синеву, едва стало пасмурно. Наползал густой туман. Ветер больше не дул, волны перестали биться о лодку, и было бы совсем тихо, подозрительно тихо, если бы из недр вод не звучали симфонии.

Брахур пытался вспомнить лицо Лизы, очаровательной девушки, с которой познакомился на кафедре психологии, но не мог.

Прошлая жизнь казалась ему сном. Реальностью был лишь голод, вгрызавшийся в желудок, и жажда, от которой гудело в голове.

– Разбудите меня! – закричал он плача. – Я хочу проснуться.

Утром он увидел перед собой Нейта. Тот смотрел на него, поглаживая кости ног, ослепительно-белеющие на солнце.

– Они убили меня, – сказал он.

– Я знаю, – прошептал Брахур.

– Ты спас девочку? – спросил Нейт, уронив что-то в воду.

– Нет, я не смог.

Брахур пригляделся. Кажется, это была коленная чашечка. Круглая и белая, как собачья миска.

– Ты уплыл один? – продолжал Нейт.

Брахур отвернулся, и его вырвало. Густая кислая жидкость из полупереваренных фруктов наполнила рот и, вырвавшись, хлынула с плеском в океан. «Я говорю сам с собой», – подумал он и ужаснулся. Он долго умывал лицо водой, стараясь не глядеть в сторону Нейта.

– Они убьют ее, ты же знаешь, – сказал призрак.

Брахур налег на весла, на его лбу вздулись вены. Из океана тянулась струнная фаза, ми-бемоль, великолепная, трансцендентная мелодия, в которой он угадал Генделя. Нет, не «чистый» Гендель, а импровизации на одну из его тем. Но это было не менее прекрасно.

– Почему ты уплыл один? – раздался в голове голос.

Брахур промолчал.

И только спустя несколько минут наружу прорвались слова.

– Прости, я не сказал тебе тогда, – бормотал Брахур, уставившись вдаль. – Последний день до острова… Я вспомнил одну вещь.

– Говори, – отозвался Нейт.

Он помедлил и продолжил:

– Я помню, будто бы жал руку Маркуса… Я тряс его ладонь. Помню, он был в клетчатой рубашке… Да, тот старик. Кажется, мы улыбались друг другу… – Брахур сглотнул слюну и добавил: – Разве я мог тебе сказать?

– Похоже на сон.

– Это и есть сон, – ответил Брахур после долгого молчания.

Измученный парень пожирал глазами горизонт, но там ничего не было – ни огней, ни кораблей, ни земли.

Океан – темная, чарующая бездна – оказался бесконечной водной пустыней.

Часть вторая. Фиолетовое безумие

Вы слушаете нас, профессор Ферд?

Секта разрослась по всему Острову – через пять лет здесь образовалось первое государство. Тогда же нашли дневник Брахура. После были сотни стычек и долговременное разделение территории на два враждующих лагеря. Что потом? Грянула эпидемия тризги, скосив половину населения. Затем произошло главное событие: великое воссоединение острова и начало строительства второго. Жаль только, оно ни к чему не привело. Однако надо признать, наши предки были удачливы.

Теперь, спустя многие годы, океан укутан густым туманом, но из него по-прежнему доносится музыка. Вода холодная, она обжигает – если опустите с лодки обнаженные ноги, почувствуете, как тысячи невидимых иголок впиваются в кожу, а через пару мгновений ноги начнет ломить, и вы поспешите вернуть их в тепло. Ландшафт под поверхностью образован высокими горами, низинами, карьерами, лесами водорослей, глубокими пещерами. Вода спокойная, ее не штормит, лишь слегка рябит, мерно колышет. Океан будто уснул. Небо над ним пепельно-серое, угрюмое. Мало кто из нас помнит голубой зенит, густую синеву небосвода. А вот и Остров, окруженный серостью, туманами и музыкой, вечной музыкой, льющейся из океана.

Вы спрашиваете, как появился Массив?

На этот счет у нас есть интересные воспоминания доктора Торнуэлла. Поглотив его, мы по умолчанию обрели и его память.

Вы готовы слушать?

В тот день главный врач второй психиатрической лечебницы Торнуэлл сидел в тяжелом раздумье. Он смотрел в окно на океан и напряженно думал. В палатах № 5, 23 и 78 лежали три странных пациента. Диагнозы были одинаковы: расщепление личности. Болезнь, досконально изученная. В этом-то как раз не было ничего удивительного.

Нечто другое вызывало у доктора недоумение. Наборы личностей у этих пациентов совпадали. Каждый из них показывал число в одиннадцать индивидов. Причем эти списки были одинаковы у всех троих. Удивительно, правда? Разумное объяснение – сговор, умышленное одурачивание персонала больницы – не выдерживало никакой критики. «В таком случае, – полагал Торнуэлл, – все трое были бы первоклассными актерами, способными гениально отыграть все одиннадцать ролей».

Он сидел над списками, изумленно сверяя личности. «А может, это какая-то новая, неизвестная науке болезнь, – думал он. Еще

большей странности добавлял тот факт, что в списках значились имена всех троих пациентов. С точки зрения доктора, это было абсурдно и просто невозможно. Неужели кто-то водит его за нос? Или же нагрянула вневедомственная проверка? В лечебнице творилось нечто невообразимое, и это ему не нравилось.

Поздним вечером, когда доктор допивал остывший чай, в кабинет ворвался его заместитель и, оживленно жестикулируя, заявил:

– Прошу прощения, доктор Торнуэлл, мы нашли еще одного. Его имя – Кордсон… Он тоже значится в том проклятом списке.

– Продолжайте, – кивнул доктор.

– Боюсь, в нем сидят те же одиннадцать личностей. А возможно, и больше.

– Как вы его обнаружили?

– Он сам к нам пришел.

– Сам пришел? – удивился доктор.

– Да-да. И еще… у него глаза, кхм, – заместитель потупился, – тоже, как у тех пациентов, блестят очень странно. Будто бы фиолетовым… я не знаю…

И тогда в голове доктора родилась абсолютно невероятная мысль. Она озарила его и на мгновение парализовала. А что, если это вовсе не расщепление личности? Что, если это…

Он резко вскочил на ноги и закричал:

– Ведите их всех сюда! – Из его рта летели брызги слюны. – Нужно устроить очную ставку.

«Возможно, – решил он, – это как смешать в кастрюле несколько стаканов разного сока и полученную смесь разлить обратно по стаканам».

Надо отдать ему должное. Главный врач психиатрической больницы был прав. На тот момент в Массиве было только одиннадцать человек. Ничтожно мало для переворота.

Вы согласны, профессор Ферд?

Торнуэлл сделал предположение – блестящее предположение! – что это не психическое отклонение, отнюдь не расщепление, а Слияние пациентов в коллективный разум.

Браво, доктор!

В ту ночь нам удалось склонить еще семерых. А с рассветом заместитель привел ему нового пациента.

На утреннем заседании Торнуэлл предложил называть нас «слэпами» и объявил, что личностей стало намного больше. За день в лечебницу привезли двадцать шесть человек. Все мы только молчали да смеялись. Доктор узнал среди наших оболочек чиновников и парочку инспекторов и страшно ругался.

Процесс был уже необратим.

Началась цепная реакция, профессор Ферд.

Мы торжественно объявили, что мы – единое, нерушимое сознание – называем себя «Массивом».

Доктор был уверен, что на Острове будет введено военное положение. Разумеется, это ничего бы не изменило. Возможность сбежать от реальности появилась на Острове, когда стала распространяться депрессия, и многие оказались на грани психоза. Мы поглотили уже половину тех, кто составлял верхушку власти, и на тот момент нас было почти тысяча человек.

Ни один индивид, никакая армия не в силах одолеть согласованное сознание с нейровычислительной силой в тысячу разумов. Вы будете смеяться, но через день мы поглотили и Торнуэлла.

Тотальная экспансия – вот что нас интересовало. Мы хотели поглотить весь Остров, каждого его жителя. Глаза наших оболочек становились ярче, в них было все больше фиолетового огня.

Нам приписывали мистические качества. Говорили, трудно устоять, чтобы не стать слэпом. Многие сопротивлялись и делали все возможное, чтобы не стать частью Массива. Было смешно наблюдать за их попытками. Мы смотрели на них как на муравьев, бегущих от ботинка. Несколько психологических трюков – и они были у нас на крючке.

Океан разума. Двадцать две тысячи личности, тесно связанных в единое сознание. При этом, профессор, вы можете побеседовать с любым из нас – мы пустим на поверхность ту личность, которую вы выберете. Разумеется, эта честь дана только вам.

Нашей беседе мы обязаны нескольким фанатикам. В частности, Декарту – типичному маркусовцу, который за свою жизнь не пропустил ни одной молитвы. Забавная, но при этом великая личность. Его ненавидела жена, а он был настолько слеп, что не замечал этого. Его вера в Создателя была абсолютна. Он молился Маркусу в надежде, что однажды тот спустится к нему на землю.

Такие, как Декарт, ощутимо повысили градус нашей веры. Без них мы бы не выбрались из тупика, профессор Ферд. Расслабьтесь, мы не причиним вам вреда. Не будьте мнительны. Смотрите нам в глаза, ибо мы любим вас.

I

Ледяным холодом обожгло тело.

Над головой дробилось голубое сияние, напротив – чернела тьма. Из его горла вырвался воздух, и внутрь хлынула вода.

Судорожно махая руками, Декарт поплыл в направлении света, вслед за танцующими пузырями воздуха. Панически хотелось сделать вдох. Голову обхватило огненное кольцо – вспыхнула дикая, невыносимая боль, в ушах загрохотало.

Наконец ему удалось вынырнуть.

Он начал изо всех сил грести к берегу, беспорядочно дергая ногами. Каждые несколько секунд он с головой уходил под воду. Он не был пловцом – а хилым, немощным мужчиной. Руки онемели уже в первую минуту. Его бледные ладони лихорадочно молотили по воде, прокладывая путь вперед. Выныривая, он кашлял и сплевывал воду. Он делал много лишних движений, понимая, что переохлаждение может отключить его сознание. Океан, будто живой организм, не выпускал его из своих объятий. Декарт ощущал его власть.

Но вот ноги уперлись в твердое. Подгоняемый дрожью, обессиленный, он выполз на песок. Его взгляд скользнул по обескровленным, посиневшим рукам, и глаза закрылись. Уткнувшись в землю, он изрыгал воду. Нормально дышать не получалось – желудок продолжал сжиматься в тугой узел, несмотря на то, что воды в нем уже не было. Декарт пролежал на песке не меньше получаса, пытаясь согреться.

– Джулия, – бормотал он, дрожа. – Ты где, принцесса?

В голове еще гудело, но боль в мышцах уже прошла.

Привстав, он заметил, что вдали, на береговой линии, стоит мальчик. С трудом поднявшись, Декарт обогнул кучу водорослей и ополоснул лицо водой.

Обруч, сжимающий голову, постепенно ослабевал. Разбитое на куски сознание складывалось в целое. Гул в ушах затих, и вдруг послышалась музыка. Безжалостная музыка. К мелодии примешивался перестук камешков, омываемых волнами.

Тревожно оглядываясь, Декарт двинулся к мальчишке. На поверхности океана обозначались темные бугры и впадины, окаймленные пеной.

Чем ближе он подходил к ребенку, тем больше ему становилось не по себе. Мальчишка был толстым и невысоким. Нагой, белый, похожий на личинку, найденную под трухлявым бревном. Всего на миг ребенок повернулся в его сторону, но он успел заметить, что взгляд, скользнувший по нему, светился

мерзким фиолетовым огнем.

Проснувшись, Декарт долго и тяжело дышал. Это был только сон, не более. В руках разливалась знакомая боль – ломило пальцы. Он поцеловал в висок спящую жену и поплелся в ванную. Опустил руки под струю горячей, почти кипящей воды, с облегчением вздохнул. Через минуту закрыл кран и долго наблюдал, как стекают с кистей капли.

Когда руки окончательно обсохли (кажется, прошла целая вечность), он быстро глянул на свое отражение – хмурое лицо в сети морщин, – и вдруг услышал короткий крик. Швырнув в сторону полотенце, он бросился в спальню и увидел испуганную жену, сидящую на кровати.

– Джулия, я здесь. – Он попытался ее успокоить. – Кошмар? Тебе тоже приснился кошмар?

– Это ложная память! – шептала она в ужасе. – Декарт, я не могу с этим жить… Пусть твой Создатель хоть что-нибудь сделает, – и добавила злорадно: – если, конечно, он существует.

– Что тебе снилось? – Он сел рядом, их плечи соприкоснулись.

– Это… Это было странное… животное. Будто кот, большой желтый кот… И много волос на голове…

– Что он делал?

– Нет, не нужно. Не обнимай меня.

Она высвободилась из-под его руки и отсела к изголовью кровати.

– Он напал на тебя? – продолжал спрашивать Декарт.

В последнее время поведение жены становилось все более непредсказуемым. Обычно он старался ей подыграть, реже – обращался к шуткам.

– Он… греб лапами землю – когтистыми лапами – и откидывал от себя. А потом… – Она всхлипнула. – Дети закидали его камнями.

– У него была зубастая пасть? – спросил Декарт.

– Да…

Она коснулась своей шеи и взглянула на ладонь, словно на ней должен был остаться след крови.

– Думаю, тебе приснился лев, – предположил Декарт.

– Кто?

Джулия медленно приходила в себя. Дышала глубоко, но еще дрожала.

– Мифическое животное, о котором писали Брахур и первые люди.

– Я никогда не слышала о таком.

– Всем снятся подобные вещи, – объяснил Декарт.

На ее лице было написано отвращение.

Сон был действительно странный.

Будто бы Джулия пошла в магазин за одеждой. От океана тянулась приятная музыка, и женщине она на удивление нравилась.

Проходя через двор, она резко остановилась. Дети, лет двенадцати, избивали какое-то животное. Огромного кота соломенного цвета с длинной рыжей гривой. Дети загнали его в угол и кидали в него камни. Кот скулил и, огрызаясь, рычал. Его морда была окровавлена.

Джулия закричала.

Впереди всех, с камнем в руке, стоял белобрысый парень. Она узнала его – это был Фирс, сын соседа Баларда. Дети разбежались. Кот, прихрамывая на переднюю лапу, тоже засеменил прочь. На земле, где он стоял, осталась темно-красная лужица. И цепочка из мелких капель крови, ведущая за угол.

Потрясенная женщина направилась к Баларду.

– Вы перепутали, – ответил тот.

– Я видела все своими глазами. – Она дрожала и едва подбирала слова. – Вам нужно поговорить с сыном.

– Да быть такого не может, – побагровел сосед. – Он порядочный и хороший мальчик. Верит в Маркуса и молится океану.

– И только поэтому он не мог этого сделать? – с изумлением спросила она.

Повисло молчание.

– У вас что-то со зрением, – ухмыльнулся тогда Балард.

– Я пойду, – сказала Джулия.

Она повернулась и пошла прямиком в полицию.

– О чем вы говорите? – спросил ее офицер. – Это же религиозная семья.

– Я все видела.

Офицер хмыкнул и почесал лоб.

– Опишите все на бумаге, – сказал он и протянул ей лист.

Она долго и подробно записывала, что случилось. Описала подростков, кота и двор. Наконец вернула лист с показаниями.

Офицер внимательно все прочел и сказал:

– Покажите мне его.

– Кого?

– Ну, кота.

Джулия удивленно вскинула брови:

– Но он убежал.

– Значит, вы не можете?

– Нет.

– Так и запишем.

– Я видела собственными глазами, как они кидали в него булыжники!

– Послушайте, но это ведь невозможно, – попытался успокоить ее офицер. – Я знаю Фирса. Я видел его у океана. Он…

– И вы ничего не предпримете?

В кабинет вошел второй офицер. В руках у него была папка с какими-то бумагами. Он сел напротив Джулии и спросил:

– Когда вы последний раз молились?

– Какое отношение это имеет к делу? – не поняла она.

– Отвечайте.

– Вы меня в чем-то обвиняете?

– Отвечайте! – рявкнул офицер.

– Много лет назад.

«Я совсем не ожидала ничего подобного», – призналась она потом Декарту.

– Что это значит?

– Теперь я не верю в Бога, – ответила она.

Первый присвистнул.

– Объясните нам, – нахмурился офицер.

– Что тут объяснять? – не выдержала Джулия. – Мы говорим о Фирсе. Я видела, как он и другие подростки кидали камни в кота. Я прошу, чтобы вы разобрались.

– Это позже. Как вы относитесь к Маркусу?

Сон развивался по самому неприятному сценарию.

Джулия тяжело вздохнула.

– Нейтрально.

– Вы верите в него?

– Нет.

– Вы атеистка?

– Нет.

– А кто же вы тогда?! – вскричал офицер.

Она немного подумала и сказала:

– Женщина.

– Но вы должны либо верить, либо не верить! – заявил первый.

– А если и ни то, и ни другое – это что… преступление? – Она с вызовом смотрела на офицеров.

Они переглянулись, но ничего не сказали.

– Тогда в чем дело? – привстала она. – Вы разберетесь с тем случаем или нет? Парню не следовало калечить кота…

– Присядьте, – указал на стул второй.

– Мне нужно идти.

– Но вы неверующая, а потому можете и лгать, – сказал первый.

– О чем вы говорите? Парень…

– Вы могли оклеветать его.

Он потряс листом с показаниями Джулии.

– Вы сами все написали.

– Я могу показать лужу крови у нас во дворе! – Она задыхалась от возмущения.

– Чьей крови?

– Кошачьей.

– Не нужно, – сказал второй офицер и повернулся к коллеге: – Позови Липта.

Тот вышел за дверь.

– Вы меня задерживаете? – спросила Джулия.

– Нужно разобраться с этим вопросом, – сухо ответил офицер.

– С каким? – сказала она раздраженно. – Религиозным?

Он промолчал.

Через пару минут в кабинет вошел мужчина с бородкой, одетый в темный костюм, с шапочкой на голове. Он был значительно младше Джулии.

– Это священник Липт, – представил его офицер.

Липт коротко глянул на женщину и спросил:

– Знаете ли вы Маркуса?

– Знаю, – сказала она.

– Есть ли у вас вера?

– Вы напрасно упорствуете, – вздохнула она. – Это касается только меня, так ведь?

– Не так! – рассердился Липт. – Отвечайте.

Джулия поднялась.

– Мне нужно идти.

Офицер преградил ей дорогу.

– С этим подождем, – властно произнес священник. – Слышали ли вы его музыку?

– Сказать вам честно?

– Разумеется.

– Она мне нравится, – ответила Джулия. – Часто она приятная. Но я не думаю, что это музыка вашего пророка.

– Откуда же, по-вашему, она звучит?

– Не знаю, – с отсутствующим видом сказала она. – Могу лишь добавить, что она красива.

– Вот! А я знаю! – с жаром произнес священник. – Это музыка Маркуса.

– Будь по-вашему, – пожала она плечами.

Липт долго молчал, кусая концы своих усов. Казалось, его совсем не заботил случай с котом. Он злобно взглянул на Джулию и сказал:

– Выходит, это правда. И вы не верите в него?

– Нет. Вы знаете, что сделали дети?

– Вы не верите! – закричал Липт как одержимый. – Но почему же тогда мы должны верить вашим словам?

После этого она проснулась.

Джулия взяла с полки книгу Брахура и легла на кровать.

Старое, обшарпанное издание: «Мифология древности». Полистала желтые, слипшиеся от времени страницы, открыла главу «Животные» и стала искать то странное слово.

«Львы, ягуары, леопарды и другие крупные кошки, какие обитают, к примеру, в Африке, мною замечены не были…»

– Что такое Африка? – пробормотала она.

Декарт сел рядом и улыбнулся.

– Я люблю тебя, принцесса, – сказал он нежно.

– Ты идиот, Декарт, – выпалила она с искренней злобой. – Ты никогда меня не понимал.

Она отложила книгу и в упор на него посмотрела.

– Напротив, – возразил Декарт. – Нас связывает наш сын, мы с тобой одно целое, два берега одной реки.

– Ты всегда был с ним груб, – прошептала она.

Послышался всхлип.

– Я любил его больше всех на свете, о чем ты говоришь, Джулия?

– Я пойду на Слияние, Декарт, – твердо сказала она.

Он молчал, пронзенный ее отчаянием.

С его руками происходило что-то неладное: пальцы нервно ощупывали то воротник, то манжеты серебристого одеяния.

– Я устала от тебя.

В таких случаях он обычно отшучивался. Но сегодня ему было не до смеха – его начинало трясти.

– Не слушай рекламу, – тихо сказал он.

«Она хочет стать слэпом – вот в чем беда».

– Устала от твоих домыслов! – продолжала она. – Это безумие. Только и занимаешься Маркусом, а его… его попросту нет и никогда не было!

Внутри него все заклокотало и вырвалось еле слышным, обиженным шипением:

– Это не так. – Он весь затрясся. – Маркус существует, ты же знаешь.

Джулия засмеялась, и этот смех оказался для него столь

болезненным, будто ему в грудь вонзили и провернули нож.

Нет, если рассудить, Джулия не глумилась над ним – в ней просто не осталось веры.

– Сегодня я пройду процедуру, – сказала она. – По крайней мере, это может оказаться тем, чего я желаю, – смертью.

У Декарта возникла утешающая мысль: да, надо спросить ее, может, она и согласится.

– Пойдем к океану. Если тебе тяжело, нет ничего лучше, чем послушать музыку.

Невинная прогулка.

Он и не просит о чем-то большем. Можно обойтись и без молитв, даже без слов – лишь постоять на берегу, послушать волны да поглядеть на туманный горизонт.

Раньше, много лет назад, они ходили на пляж каждые выходные – за дальние Смуглые скалы, где поменьше народа. Они кланялись Океану, танцевали под его мелодии, а после сидели на ковриках, ритуально взявшись за руки. В особенности Декарт любил минуты заката – молчание, музыка, духовная близость.

– Это физика волн, Декарт, – ответила Джулия. – Обычная интерференция. Хоть и приятная на слух. Глупо ей поклоняться.

Ее голос был холодным, как лезвие бритвы.

Декарт тяжело вздохнул. Со стороны берега слышались нежные, щемящие переливы, смешанные с плеском волн.

– Маркус коснулся вод, и океан запел, – так говорил Декарту отец, – чтобы Остров процветал. Это святые воды.

Правда, гнетущая правда состояла в том, что Джулия окончательно отреклась от Создателя. Она, будто птица – несчастная, раненая птица, – падала из веры в полное, земное неверие.

Она закрыла лицо ладонями, начала тереть глаза, а затем вновь глухо произнесла:

– Как же я устала.

Счастье Декарт представлял геометрической фигурой. Секрет, на его взгляд, состоял в прочности равностороннего треугольника Декарт – Джулия – Создатель. Теперь же, когда сломалось ребро между Джулией и Маркусом, все стремительно рушилось.

– Меня съедает одиночество, – говорила Джулия, – я только рада раствориться в Массиве. Я хочу умереть.

– Не поддавайся эмоциям, – сказал он.

– Это взвешенное решение, Декарт. – Она смотрела на него с мольбой, глазами, полными слез. – Я устала… устала жить… повсюду ложь и однообразие. Я не знаю, каково это – стать слэпом. Да, возможно, это как смерть… Но так даже лучше – внутри меня пустота. Знаешь, мне показалось, что Слияние –

это…

Она несколько секунд подбирала точное слово, наконец добавила:

– …это прекрасно. Может быть, это шаг в сторону истины.

Если бы Декарта спросили, кого он любит больше – Джулию или Создателя, он бы так и не смог ответить, он бы что-то бубнил про разные виды любви и дрожал от страха потерять обоих. Он продолжал безумно любить жену, будто она – единственная женщина на Острове, нет! – единственная женщина, когда-либо существовавшая, включая древние, «доостровные» времена, упомянутые Брахуром и первыми людьми.

– Ты фанатик, Декарт, – сказала она. – Фанатик своей первобытной религии. Прощай.

Убитый ее словами, он смотрел, как колышется от сквозняка входная треугольная дверь – влево-вправо, влево-вправо, наконец замирает, – и медленно закрыл глаза.

Руки опустились. Он долго стоял так, зажмурившись, с дрожью в коленях. Смысл, наполнявший его жизнь, исчез, как воздух из воздушного шарика.

Джулия шла в ближайший филиал Массива и плакала.

Сбежать из этого ада? Слияние казалось ей единственным выходом. Вытирая слезы, она вспоминала сына. Процесс запущен. «Еще немного, и я стану частью Массива», – мелькнула приятная мысль. Внутри нее все возликовало, на лице пробилась несмелая улыбка. Немного потерпеть, и все.

Одно она знала точно: после смерти Арти она разлюбила мужа. Он стал ей противен, как и его ублюдочная религия. Но за что она ненавидит его? Почему она так его боится? Она не помнила. Какой-то туман, тяжелая дымка скрывали те годы.

Конечно, когда Арти заболел, Декарт заботился о нем. Но что-то тут было не так. Джулия не понимала, в чем дело. Поведение мужа раздражало и пугало ее, более того, вызывало необъяснимую панику, преследовавшую ее многие годы.

«Скоро я буду спасена из плена, избавлена от этого кошмара».

Она подписала бланк, предложенный улыбчивой фиолетовоглазой медсестрой, и легла в капсулу. Внутри пахло дезинфектором. Джулия нетерпеливо закрыла глаза. К вискам прикрепили присоски, на лоб положили монету-датчик.

– Готовы? – донесся до нее мягкий баритон Массива.

– Да. – Она постаралась расслабиться и сделала медленный, глубокий вдох.

Вскоре она ощутила первые изменения. В голову стали проникать голоса. Это ее испугало и обрадовало одновременно.

Джулия медленно растворялась в Массиве. Поначалу она слышала хор и видела перед собой калейдоскоп экранов. Будто смотрела сквозь фасеточные глаза стрекозы.

В сознание стремительно ворвались старые, забытые воспоминания. Мышцы напряглись и задрожали, как туго натянутые канаты, дыхание стало прерывистым. Туман, обволакивающий память, начал рассеиваться. Ложная, искусственная память о болезни Арти сменялась настоящей.

Мир вспыхнул, сгорел и рассыпался на части.

Ее охватило чувство, будто ее внутренние часы остановились и время замерло. Слезы навернулись на глаза, губы дрогнули. За мгновение до полного растворения она закричала. Страшно, надрывно, в полную силу, как зверь, угодивший в капкан.

Но очень быстро экраны слились в один, произошла полная интеграция, и Джулия стала пластом Массива – одним из тончайших колец на спиле многовекового древа.

II

Декарт прошел в гостиную, опустился в кресло и несколько минут просидел неподвижно. Он часто дышал, как после бега, но дыхание восстановить не удалось.

Джулия застигла его врасплох, и у него сложилось впечатление, что слишком тщательно она выбирала слова, словно заранее заготовила речь. Чего только сто́ит ее последняя реплика: «Фанатик первобытной религии».

Ювелирно точно.

Он давно научился разбираться в интонациях ее голоса – обычно живого и утонченного, – так хорошо, что малейший тремор казался ему криком боли. Он думал, что Джулия даже не обратила бы внимания на Слияние, если бы не личная заинтересованность Массива.

Почему же она сказала, что он был груб с Арти?

Он вспоминал сына.

– Арти в своей комнате, – говорит Джулия. – Позови его, я приготовила ему тыкву.

Сцена разворачивается и начинает пульсировать в мозгу.

Он заходит в комнату и видит, что Арти играет в подаренный набор. Хотя нет, вовсе не играет. Сын сидит на полу, ощупывая шею. Перед ним лежат цветные деревянные скорлупки – разобранная матрешка. Мальчик замечает отца, но не улыбается.

– Что случилось, Арти? – спрашивает Декарт. – Отчего ты хмуришься?

Мальчик дрожит, на его лбу блестит испарина.

– Пап, вот здесь болит.

Он указывает на шею, справа и слева, под ушами.

Декарт садится на корточки и нежно касается шеи сына. Арти отдергивается, морщится.

– Пап, больно.

Его взгляд тусклый, и он смотрит в сторону, не на отца.

– Я аккуратно, малыш.

Едва коснувшись шеи Арти, он нащупывает тугие, набухшие, как виноградины, шишки, по две с каждой стороны.

«Это же лимфоузлы», – в ужасе думает он.

– Пап, и здесь. – Арти поднимает руки и показывает подмышечные впадины. – Очень больно.

Размытое воспоминание.

Декарт по привычке подошел к окну, чтобы оценить цвет неба. Оно было привычного серого оттенка, от которого он

смертельно устал за много лет. Куда ни глянь – серость. Она рассеяна равномерно и повсюду – тусклый оттенок мрака, разбавленного незначительным количеством света. Однажды Декарт сделал для себя шкалу, и сегодня было около трех пунктов, почти черное.

Он с трудом надел уличную накидку с бледно-серым капюшоном – пальцы плохо его слушались, и вышел за дверь соты – нефленовой конструкции, в которой они жили.

Из тумана, будто айсберг, торчала голова белой статуи. Это было первое, что он видел, выходя на улицу. Гигантская статуя Маркуса, тридцатиметровый колосс, источенный временем, с трещинами и залатанными швами. Ее было заметно из любой точки Острова – голова пророка будто подпирала небосвод.

На углу дома мелькнули фиолетовые огоньки.

«Оставьте уже нас в покое», – подумал в отчаянии Декарт.

Они стояли у него перед глазами – слэпы, отдавшие души Массиву и, как зомби, слонявшиеся по Острову.

Его руки вновь сжались в кулаки. Он яростно тряхнул их, чтобы расслабить, и, когда опустил их к бедрам, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес:

– По волнам гуляет белая чайка.

Но, может быть, ему это просто померещилось?

Строчка из детской песни, которую любил Арти.

Остановившись на набережной, Декарт внимательно огляделся. Вокруг стелился туман, под ногами хрустела мелкая, почти черная галька. Постепенно сквозь серую дымку проступили угрюмые силуэты склоненных в молитве островитян. На берегу океана стояли на коленях больше сотни человек. У ближайшего – глыбообразная голова на шее. Будто грибок, жуткий грибок на тонкой ножке. Лицо сморщилось от напряжения, глаза закрыты, масляно-серые губы шевелятся в молитве. Невозможно определить, слэп это или нет.

– Маркус, – послышался тихий, гнусавый голос. – Святые воды.

Пляж был усеян шапками бурого мха и затертыми молитвенными ковриками, обычно занятыми в это время. Вдоль кромки берега тянулась полоса из мусора – разноцветные пластиковые трубки, бутылки, картонки, пакеты.

Декарт прикусил губу.

Бессильный гнев захлестнул сознание.

«Почему никто не следит за этим?»

Кто-то указал ему в сторону океана. Явно не слэп. Заметив свободный коврик, темневший у воды, Декарт направился к нему.

Он вновь подумал о белой чайке, но потом отбросил эту

нелепую мысль. Подойдя к воде, он несколько минут простоял без малейшего движения, глядя на волны. Он любил ходить к океану и долго, часами («Хорошо, что не сутками», – сказала бы Джулия) размышлять о Создателе. Хмурые волны, отражая небо, набегали на гальку. Холод щипал лицо.

Но мусор всегда вызывал в нем ярость. С каждым днем количество пластика только росло, что красноречиво говорило о равнодушии властей.

– Океан обладает бесконечным запасом мелодий, – рассказывал Декарту отец. – Он никогда не повторяется.

Богатые, насыщенные музыкальные фразы, неисчерпаемость и новизна тональных переходов – в этом жила тайна.

«Музыка – язык мой общения с вами», – гласила цитата из заветов. – «В расшифровке этих сигналов лежал путь к Создателю», – считал Декарт.

Сегодня океан звучал тихо, но отчетливо: грустные, тревожные переливы фортепиано сплетались с тягуче-грубыми звуками.

«Недобрый знак».

Шлепки крошечных язычков, лизавших гальку, осторожное причмокивание и бульканье волн, подгоняемых ветерком, – все это сливалось воедино.

«Верни ее, – прошептал Декарт, погружаясь в молитву. – Почему ты допустил Слияние, Господи? – Эти мысли душили его. – Разве не любишь ты каждого из нас в отдельности?»

Он ненавидел Слияние. Скорее всего, это было искушением, очередной проверкой свыше. Массовый психоз. Говорят, это не ограничивается ассимиляцией, безболезненным растворением в Массиве. Он уничтожает твою личность: память и чувства становятся его собственностью.

Декарт выступал против процедуры, брезгливо морщась, когда кто-то начинал восхищаться этой тошнотворной идеей. Он потерял почти всех друзей. А теперь и Джулия ушла от него.

Сверху донеслись пронзительный крик и хлопанье крыльев. Вытянув перепончатые лапы, на воду опустилась чайка.

«Интересно, она понимает музыку?»

Ему не верилось. Почти тридцать лет, пролетевших как одно мгновение. В голову пришла метафора, показавшаяся пугающе точной.

«Она отступила от меня, точно воды океана в часы отлива оставляют утес, к которому они ластились еще час назад. И вот они далеко. Они отступили, чтобы вернуться», – эта мысль теплилась где-то в уголке сознания.

Он понимал, что дело не только в смерти Арти, но и в его

одержимости, в его вечной неопределенности. Если бы ему вдруг предложили: «Мы убьем одного – либо его (указав на Маркуса), либо ее (на Джулию)», он закричал бы так громко, что из его горла могла бы хлынуть кровь: «Убейте меня, а их не троньте!»

Он опустился на коврик и поклонился, коснувшись лбом влажной гальки. Несколько камешков прилипли ко лбу. Он поднялся, стряхнул их и медленно побрел обратно.

Оглянувшись, он увидел, что остальные тоже расходятся, исчезают в узких улочках Острова. Равнодушная к мелодиям, на воде осталась чайка.

«Будто хлопья белой пены на серой воде».

Декарт пригляделся.

Рядом с чайкой качалась на волнах грязная, заросшая водорослями бутылка.

Его вновь охватила ярость.

«Никому нет дела до океана».

Его давно перестали очищать. Статуе Маркуса уже многие годы был необходим ремонт, в священном океане плавал мусор.

«Это оскорбительно! В высшей степени оскорбительно».

С воды подул пронизывающий ветер. Стараясь не глядеть на свои узловатые, пораженные полиартритом руки, он спрятал их в карманы плаща.

III

Дрожа от холода, Декарт потянул за дверную ручку. Сердце екнуло. Он испуганно обернулся, плащ скользнул на пол. В соте стояла мертвая тишина. Все двери были распахнуты – на панелях управления горели зеленые огоньки.

В ушах зашумела кровь.

– Джулия, – позвал несмело Декарт.

Послышались неторопливые шаги.

Раз. Два. Три.

Скрип в спальне.

Затаив дыхание, он медленно двинулся навстречу.

«Почему я крадусь, если уже выдал свое присутствие?»

– Джулия… – Его голос задрожал.

Он боялся, что она прошла Слияние.

Но нет.

Она лежала на кровати – видимо, только легла. Он радостно вздохнул, на душе стало легко, невыносимо легко.

– Ты передумала, моя принцесса? – Он сел на край.

– Да.

Карие заплаканные глаза смотрели на него с тяжелой горечью.

– Я не смогла.

Она выглядела человеком, глубоко погруженным в себя. Ее правая щека дергалась от тика.

– Господи… – наконец сказал он. – Я рад, что ты вернулась… Я… я очень испугался. Не делай так больше.

Снаружи доносились переливы океанской музыки.

– Терпеть не могу эти треньканья, – сказала она и приоткрыла кулак. На ладони голубели беруши.

– Тебе же всегда нравилась эта музыка.

– Знаешь, что я поняла? Они играют с нами, подавляя и подталкивая к процедуре.

Декарт плотно сжал губы:

– Они ничего нам не сделают.

– Я начинаю сомневаться во всем… и в первую очередь в себе, – сказала она. – Не знаю, что на меня нашло.

Он почувствовал, как в нем, словно гриб, продолжает расти отвращение к слэпам.

– Ты опять плакала?

Он лег рядом и обнял ее. Джулия не сопротивлялась. Он почувствовал, какая она напряженная – словно каменная.

– Тише, моя радость, тише… Ты, наверное, вспоминала Арти?

Она не ответила.

– Я… каждый день о нем думаю, – сказал он.

Слова о сыне давались ему с трудом.

– Куда ты ходил? – перевела она тему.

– Я был у океана. Молился.

Он хотел рассказать о мусоре, о бутылке на волнах, но не стал.

Она притворно всхлипнула.

– Что такое, Джулия?

– Мне это неинтересно, Декарт. Не продолжай.

– Но ты спросила…

– Это не значит, что я хочу слушать.

Она выскользнула из его объятий и отвернулась к стене.

Повисла неясная тишина.

– Я налью тебе кофе, принцесса. – Он нежно взглянул на нее. – С молоком, как ты любишь.

– Не называй меня принцессой. – Она закашлялась. – К чему этот пафос, Декарт?

– Хочешь побыть одна?

– Да.

Подтянув колени к груди, она закрыла глаза.

– Поспи немного.

Он подошел к окну, из которого лился слабый свет пасмурного неба. Зачем верить в то, что усложняет тебе жизнь? Отчего жить становится невыносимо.

Она не решилась. А это многое меняет. Он представил книгу заветов Маркуса – сорок страниц, вмещающих мудрость Создателя.

Декарт знал книгу наизусть. Обычно он мысленно листал ее, чтобы успокоиться. Но сегодня это не помогало. Он молился, медленно и болезненно проговаривая слова, но сознание будто окаменело.

И опять ему показалось, что откуда-то издалека донесся крик о помощи, а потом сердитый возглас, перешедший в шепот.

Ему вспомнился день, когда он водил сына к океану и учил молитвам.

– Взгляни, Арти, – говорил он. – Это Маркус. Он – творец, Создатель нашего Острова.

Это было прекрасное чувство – посвятить сына, плоть от своей плоти, в великую тайну жизни.

– Он умер? – спросил тогда Арти.

– Да, много лет назад.

Они остановились у статуи, и Декарт низко поклонился.

Арти повторил за ним.

– А как он умер?

– Он вознесся огнем к небесам.

– Мне страшно, папа.

– Не бойся, малыш. Маркус тебя любит. Очень и очень давно здесь была его церковь, а теперь тут поставили его статую. Взгляни ему в глаза.

Воспоминания об Арти были скомканными и невыносимо болезненными.

«Господи, – попросил он. – Помоги нам. Умоляю тебя, – он зашептал громче, – пусть она переживет эту боль. Прошло уже столько времени, а смерть сына до сих пор ее гложет. – Он протер глаза. – Забери меня, Господи, забери меня вместе с ней на небеса, к Арти. Огради нас от Слияния».

Добавив в кофе молоко, он долго и завороженно смотрел на расплывающуюся в чашке сливочную галактику, наконец вернулся в спальню.

– Твой кофе, – сказал он, протягивая кружку.

Она приподнялась на постели, взяла кофе и, помешав, сделала глоток.

– Спасибо, любимый. – Ее голос был нежным и теплым.

– Всегда пожалуйста. – Он сел рядом, удивленно глядя на жену.

Он скучал по этому голосу. Когда он слышал его последний раз? Много лет назад. Он стал недосягаемым, как зыбкий мираж, унесенный ветром океана.

И вдруг Джулия осторожно спросила:

– Если я пройду Слияние, ты его тоже пройдешь?

Он дернулся как после пощечины и в изумлении уставился на жену.

– Господи, опять ты за старое!

– Если ты сольешься с Массивом, – продолжала она, – то заразишь его своей одержимостью.

Декарт покачал головой.

– Это же болото! – воскликнул он. – Мы не будем сливаться с болотом.

Она будто не слышала его.

– Твои теории и вера в Создателя, – сказала она с жаром, – проникнут в самое ядро коллективного сознания. Ты ведь ненормальный, Декарт.

– Ты… ты сама хочешь этого? – Его обволакивал ужас.

– Давай сходим на пробную процедуру. – Она ласково улыбнулась. – Вдруг тебе понравится.

– Сомневаюсь, – ответил он хмуро.

– Ради меня, Декарт. Я уже давно хотела тебе предложить.

Она обняла его, поцеловала в губы, но он не заметил очевидной манипуляции.

– Это называется демоверсия. Ничего страшного. Пробное подключение на сотую долю секунды.

Она достала из тумбочки тонкую брошюру и снова поцеловала мужа.

Декарт на мгновение задумался.

– Прошу тебя, – добавила Джулия.

Его недовольство испарилось, сменившись чуть насмешливой нежностью взрослого, который понимал, что это нормально и вполне разумно – уступить капризу ребенка.

– Дай мне, я сам прочитаю.

Он долго и внимательно изучал инструкцию. В ней было сказано, что десяти миллисекунд вполне достаточно, чтобы оценить весь спектр мыслей и чувств Массива, масштаб его интеллекта. Не слиться, нет, – лишь прикоснуться к чему-то новому. Это – как тронуть пламя свечи. Не сгоришь – но на собственном опыте прочувствуешь, что огонь и вправду горяч.

– Ну что? – спросила Джулия.

Она смотрела на него потеплевшим взглядом и улыбалась. Давно он не видел ее столь оживленной, неестественно возбужденной.

«Впрочем, – одернул он себя, – не в этом ли смысл? Если это поможет Джулии понять, что я на ее стороне, почему бы не уступить?»

– Я согласен, – сказал Декарт. Он был в странном смятении. – И закончим на этом раз и навсегда.

– Обещаю, – заверила она.

IV

Джулия помогла ему оформить все документы. С одной стороны, он испытывал отвращение к Слиянию, но с другой – его грела простая мысль, что после уступки жене все изменится. И она выкинет из головы эту дурацкую идею.

– Всего сотая доля секунды? – снова переспросил он.

– Да, – кивнула медсестра.

Нервничая, он лег в капсулу и закрыл глаза.

Еще до подключения Декарт ощущал внутренний протест, а после – сдернув с висков присоски, швырнул их на пол.

Сначала было завораживающее, непривычное ощущение полета в густое, плотное облако – Декарт успел почувствовать это и за десять миллисекунд, потом он услышал сонм голосов, гулкий, пугающий хор, за ним последовал ужас, безумие взгляда стрекозы – мгновение, позволившее увидеть сквозь фасеточные глаза тысячи фрагментов, картинок, разрозненных пазлов. В одном из них он неожиданно увидел старика, возносящего руки к небу. И тут-то наступил момент отключения, будто авария или резкое торможение – тяжелая перегрузка.

Декарт поднялся не сразу. Его тошнило. Ощущения были омерзительные. Он коротко застонал, открыл глаза и почувствовал, что весь мокрый от пота. Вдоль висков тянулись влажные дорожки слез, руки – сжаты в кулаки. Дыхание сбито, как будто тело ударилось о землю.

– Я видел Маркуса, – произнес Декарт.

Его мозг лихорадило в тщетных попытках объяснить увиденное и привязать это к картине мира.

– Пророка? – кисло улыбнулась медсестра. – Его же не существует.

– Демоверсия закончилась?

– Да.

– Можно чай? Или воду, – попросил он, облизнув запекшиеся губы. – Мне нехорошо.

Медсестра подала ему чашку и бросила в нее заварочную монету.

– Где моя жена? – спросил Декарт и покосился на треугольную дверь. – Она ушла?

– Спуститесь в холл.

Джулия стояла у окна и, сгорбившись, будто прилипнув к подоконнику, что-то высматривала. Вдали блестел океан. Он утих и стал гладкий, мертвенно ровный, как стекло.

Он был уверен, что Джулия, внешне равнодушная, пытается скрыть восторг. Ему это совсем не нравилось.

Не этой реакции он ожидал.

– Какое отвратительное чувство! – сказал он.

Она промолчала.

Декарт дрожал, по его лицу катились бусинки пота. Глаза были красными, воспаленными и мокрыми от слез. Он весь источал беспокойство, сильное, безотчетное волнение.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он выжидающе. – Теперь ты довольна?

Они остановились в узком переулке.

– Маркус бы гордился тобой, – ответила она.

– Меня будто прочитали! – сказал он брезгливо. – Как книгу.

Она резко вскинула ладонь и жестом остановила его:

– Не впадай в мелодраму, Декарт.

Он застыл, краска негодования медленно сползала с его щек.

– Слияние, – сказала Джулия, – помещает тебя в бриллиант восприятия – тысячи граней сверкают перед тобой, переливаясь светом и красками.

– Идем домой, – ответил он хмуро.

С минуту они шли в молчании, наконец, будто бы в утешение, она предложила:

– Я приготовлю ужин, – и улыбнулась уголками губ. – Может, ты чего-нибудь хочешь?

– Мне нужно к океану, – отрезал он.

– Хорошо, буду ждать тебя дома.

Недалеко от набережной он увидел мужчину, замершего в нелепой позе.

Это была старая оболочка, принадлежавшая брахуровцу Аскрену. Декарт был мало знаком с ним. Толстая, обросшая жиром, она стояла, наклонившись вперед, и разглядывала – почти в упор – бетонную стену соты. Руки ее повисли как плети, безвольно и грузно. Декарт заглянул ей в лицо и увидел, что маленькие глазки, в обрамлении пухлых щек, пылают фиолетовым пламенем. Так ярко и неестественно, что казалось, будто это лампы. Эта статичная, пугающая поза лучше любых слов доказывала абсурдность Слияния.

Слэп не двигался больше минуты. Видимо, ядро Массива было настолько далеко от этого безучастного тела (при взгляде на которое ползли неприятные мурашки), что его оставили, точно куклу. В последнее время Декарт все чаще замечал подобное поведение слэпов – они вели себя, будто роботы с дистанционным управлением.

Толстяк резко повернул голову и впился взглядом в Декарта. Это было настолько неожиданно, и Декарт не сразу понял, что отшатнулся от слэпа, но потом все-таки заставил себя подойти к нему вплотную.

«Они хотят завлечь меня».

Толстяк моргнул. Уголки губ потянулись вверх и подперли щеки. Лицо застыло.

– Если хотите найти Создателя, милости просим, – раздался глубокий баритон.

На губе слэпа повисла слюна. Подхваченная порывом ветра, она вытянулась в длинную нить.

«Это уже не сон».

Декарта накрыла волна жути. Они пытаются заманить и его! Парализованный, он не сводил взгляда с удаляющегося толстяка, не до конца понимая, померещились ли ему эти слова или же слэп в самом деле произнес их.

– Я не отдам ее вам! – закричал он вдогонку. Туман застил ему глаза. – Вы не получите ни ее, ни меня! Не получите.

Удивительно, но со стороны Массива Декарт не почувствовал ожидаемой враждебности – она была лишь с его стороны. Сработал эффект лестницы – нужные слова пришли к нему слишком поздно.

«А может, все островитяне – сумасшедшие, и мы лишь углубляем сумасшествие друг друга? Возможно, – решил он, – это наше проклятие. Создатель проклял нас за уныние. Уже пол-острова – больше десяти тысяч человек – стали слэпами».

На глаза попалось граффити: «Ты уникален!», ниже – черный крест, перечеркивающий слово «Слияние». Он чувствовал, что все сказанное Массивом является, по сути, коварным обманом. Остров наполнял убийственный фиолетовый, он плел вокруг Декарта матовую сеть, загоняя его в угол.

Вдруг он будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто послышалось?

– Верить в Создателя – значит верить в людей, – сказал этот голос.

«Уязвим! Вот что страшно».

По пути он отворачивался от прохожих, а придя на берег, стоял и впитывал музыку хмурого, пасмурного океана, и губы его шептали молитву. Перед ним обрушивалась на гальку свинцовая пена прибоя.

Он старался не глядеть на отвратительную полосу пестрого мусора, которую выплюнул на берег океан.

«Сначала был океан, одинокий и величественный, – вспомнил он строчку из заветов Маркуса. – В нем была Сила, а в ней –

Жизнь. Волны, седые громады, – ранимы».

– О Элеонора, святая заступница, – взмолился Декарт, окунаясь в свой внутренний океан. – Когда же это закончится?

По дороге домой он зашел в бар. Внутри пахло дымом и чем-то кислым, перебродившим. Посетителей было немного, но все они громко спорили. С опаской оглядываясь, Декарт подошел к высокому, вращающемуся табурету.

– Голубого спирта, – сказал он.

Он вспомнил, как пил его после смерти сына. Тогда это здорово помогало. Должно помочь и теперь.

– Могу предложить фирменный коктейль, – сказал бармен, на ходу протирая тряпкой титановую поверхность стойки.

Его лицо покрывала сеть мелких красных капилляров. Из-под нависших бровей зеленели глаза.

– Спирта, – повторил Декарт.

Он скользнул взглядом по бармену и уставился в панорамное окно. По улице неслись вытянутые автокары.

На крайних в ряду табуретах, облокотившись о стойку, сидела молодая пара. Декарт скрестил руки на груди и коротко на них взглянул.

«Не слэпы, – мелькнула успокаивающая мысль. – Не похоже».

– Я не пойду, – с ожесточением сказала девушка. – Даже не уговаривай.

– Мир меняется, – ответил парень, одним глотком осушив стакан. – Этот сраный мир уже давно другой.

Что-то звякнуло.

Отвернувшись от окна, Декарт пристально рассматривал свою порцию спирта. В стакане кружились крошечные голубые завихрения. Он наблюдал за ними, пока они все не растворились. Затем достал из кармана черную таблетку, сунул ее в рот и запил спиртом.

В желудке разлился огонь, веки устало дрогнули.

– Всеобщая апатия! – воскликнул один из спорщиков. В его глазах смешались восторг и ужас. – Поэтому оно так популярно, Терх.

Декарт узнал его. Это был историк Карз, известный брахуровец. Многие годы он работал над своим многотомным трудом «Первые».

Второй спорщик оторвался от стакана и сказал:

– Возможно, это единственный выход для отчаявшихся, потерявших мотивацию. Тысячи желают вырваться из своей черепной коробки, увидеть мир глазами других, примкнуть к коллективному сознанию.

– Согласна, – донесся женский голос из угла бара. – Я слышала, это опыт, открывающий двери к всеобщей любви.

«Так говорила и Джулия», – подумал Декарт, проглотив последние капли спирта. Ему стало и смешно, и горько одновременно.

– Откуда ты можешь это знать? – с иронией спросил Карз. – Судишь по одежке? Или по их глазам?

Женщина хмыкнула и пожала плечами.

– У них имеются и высшие цели, – сказала она. – Их цель не экспансия, а глобальное счастье.

– Чувство единения, – продолжал второй. Он потягивал коктейль, и его кадык резво дергался. – Подобное могли отдаленно познать лишь фанаты дифферболла или примитивной игры в футбол, о которой писали первые.

«Уже все обсуждают эту мерзость», – мелькнула у Декарта мысль.

– Это похоже на эпидемию тризги 1256 года. – Карз тараторил как заведенный. – Ты читал об этом, Терх? Она скосила половину населения Острова. А что потом? Мы пережили болезнь Ламмера, нас чуть не погубили технологии термоядерного синтеза, нейтринные генераторы, проклятые нанороботы, а теперь еще и это! Пришла беда, откуда не ждали! Неужели технология Слияния раз и навсегда уничтожит наш благоустроенный рай, нашу уникальную цивилизацию? Как мы могли это допустить?

– Еще раз говорю, – флегматично сказал Терх, – я не вижу в Слиянии ничего плохого. Это шаг вперед, но никак не назад.

– Я всю жизнь провел в поиске несостыковок, – продолжал Карз. – Брахур писал, что в доостровные времена было много народов и – что удивительно – религий. Теперь же есть только Остров. Почему же вокруг него ничего нет? Ответь мне, Терх.

– При чем тут его мифы? – не понял собеседник.

– А как насчет того, – Карз широко махнул рукой и чуть не уронил стакан, – что отношение длины окружности к диаметру невозможно вычислить точно? Так писали первые. А как учили нас? Они говорили, что оно равно числу, ограниченному, если не ошибаюсь, двенадцатым знаком после запятой… И даже Брахур…

– Да кто такой этот Брахур?! – не выдержала женщина. – Его и не существовало никогда! Сказочный персонаж, не более. Напридумывают глупостей, а потом такие, как вы, это анализируют, мозгами скрипят…

Историк Карз чуть не задохнулся от возмущения. Он вскинул руки, хотел было что-то ответить, возможно, едкое и колкое, но промолчал.

– У меня рак печени. – Терх со вздохом потянулся к стакану. –

И я не хочу умирать, Карз. Этого не случится. Я стану бессмертным. Массив – мой единственный выход.

«Это слэпы, – твердо решил Декарт. Он покосился по сторонам, перебирая варианты. – И они не отпустят меня просто так».

Ему вдруг остро захотелось увидеть Джулию. Он поднялся и, медленно обойдя столики, двинулся к выходу.

«Господи, какой же я дурак».

Он сделал еще пару шагов. Мужчины продолжали спорить. Бармен рылся в холодильнике. Молодая пара о чем-то шепталась.

– Проклятые слэпы! – заорал Декарт, рванул на себя дверь и выбежал наружу.

V

Он вернулся в соту и в спешке заблокировал замки. Атмосфера ирреальности, которая сгущалась вокруг него, стала понемногу отступать.

Дверь в спальню была распахнута настежь. На полу лежал синий халат, на нем – открытая на середине книга Брахура.

Декарт поднял ее, прочитал кощунственное: «…я насчитал 23 композитора, чьи сочинения легли в основу этой непонятной музыки…», хмыкнул и положил книжку обратно.

Он долго смотрел на спящую жену, но не мог себя успокоить. Тихонько посапывая, она свернулась калачиком, как обычно, приобняв колени. Он же никак не мог избавиться от ноющего чувства тревоги. Нужно было найти выход, обезопасив их обоих. Но как это сделать?

Он лег рядом и, печально глядя на Джулию, стал погружаться в глубокий колодец воспоминаний.

Они познакомились почти тридцать лет назад. Он хорошо помнил, как она смутила его на пляже, во время ритуала поклонения океану.

Как она появилась перед ним: короткая стрижка, улыбка, в руках – сложенный зонтик и молитвенный коврик.

Ее движения были точные и уверенные, в глазах горел огонек задора. Она подошла к нему, постелила рядом коврик:

– Вы ходите на пляж каждое воскресенье?

– Да, – односложно ответил он.

– Я всегда хожу сюда, к скалам.

Декарт удивился, что не знает ее – на Острове почти все были знакомы. Она была изумительна: глаза цвета спелого ореха, крохотные веснушки. Ее волосы стягивала тонкая лента с узором, который напомнил ему карту Острова. А после, когда она обняла его в темноте холодного вечера, его одурманили запах ее волос и теплые пальцы, коснувшиеся его спины.

Джулия стала живой силой, вторгшейся в его жизнь и навсегда изменившей ее. Она поражала его любознательностью – он едва успевал отвечать на ее вопросы. Более того, она верила в Маркуса даже более страстно, чем он. Она рассказывала ему, что, будучи ребенком, уже признавала высшую силу, создавшую этот великолепный мир.

Он заботился о ней, она заботилась о нем. Уходя утром в клинику, он поправлял ее одеяло, целовал на прощание в плечо, в шею и в висок, спросонья она улыбалась ему и желала хорошего дня…

А вечером им нравилось сидеть на берегу – чистом, безупречно чистом пляже – и, любуясь закатом, слушать океан.

Если бы только он мог спасти их любовь, он бы пожертвовал чем угодно. Если бы только он мог уберечь ее от Слияния, от слэпов, от депрессии и боли. Он любил ее больше жизни, и все происходило благодаря ей и ради нее.

Ради их сына.

Однажды он услышал из детской крик.

– Ш-ш-ш. Я здесь, Арти. Все хорошо.

– Мне приснился дурной сон, пап.

– Хочешь, я посижу с тобой?

Он опустился на край кровати.

– Знаешь, что мне снилось?

– Что, сынок?

– Будто я попал внутрь станка громыхающей машины, а там темно и страшно.

– Еще бы.

Мальчик всхлипнул.

– Она схватила меня за горло стальными клешнями и съела. И меня не стало, папа.

– Ты живее всех живых, сынок.

Арти начал тереть глаза.

– Почему у меня болит шея, папа?

– Всего лишь простуда, Арти, со всеми случается.

Мальчик помолчал, а потом спросил:

– Я умру, па?

– Даже не думай об этом, – строго сказал Декарт и поцеловал сына в лоб. – Ты переживешь нас с мамой.

– Правда?

– Да. Я дам тебе таблеточку, и боль уйдет. А вечером мы пойдем на скалы.

– Ура! – обрадовался мальчик. – А можно будет сходить к статуе Маркуса?

– Конечно.

Арти улыбнулся и обнял отца.

– Я люблю тебя, папа.

– Я знаю. Я тоже тебя люблю.

Еще одно неясное, размытое воспоминание о сыне.

Декарт задрожал и с трудом сдержал крик. Чего ему хотелось – так это ломать и крушить мебель.

Вирус Лиссеца.

Третья стадия.

Поражение нервной системы.

Тихая смерть во сне.

Он десятки раз предлагал Джулии сходить к хакерам воспоминаний, переписать часть памяти, оборвать лишние связи и хоть немного облегчить посттравматическое состояние, но Джулия упорно отказывалась. Она лежала в одной и той же позе – калачиком, обвивая руками колени, и лишь иногда беззвучно плакала.

В его улыбке ей чудился сарказм, в любви – жалость, а в увлечении Создателем и онтотеологией – предательство (так он полагал).

Онемев, он смотрел на спящую жену. Она была прекрасна. Ему хотелось ласково погладить ее волосы, но он не осмеливался. Он осторожно коснулся ее плеча, ощутил тепло и бархатистость кожи, отвел руку, пробормотал беззвучно ее имя.

Нахлынувшие воспоминания привели его в смятение, давили знакомой тяжестью.

Однажды они сидели на ковриках у океана, когда на берегу появился Омнус, бывший океанолог, физик-одиночка. Его точка зрения была довольно популярна на острове. Декарт его заочно ненавидел. Тот полагал, что теории Маркуса и Брахура – принципиально не опровергаемые гипотезы, они не фальсифицируемы, а значит, это роднит их со сказками.

Омнус шел по пляжу и наблюдал за маркусовцами, склоненными в молитве.

– Это ж как надо боготворить обычную физику, – улыбался он, – чтобы вставать перед ней на четвереньки.

– Это пение океана, – сказала одна из женщин.

– Не перестаю удивляться, как многоступенчатые интерференции вызывают в ваших мозгах столь яркие эмоциональные реакции.

– Вам сто́ит уйти с пляжа, – отозвалась другая женщина.

Отряхнув песок, она поднялась и с гневом взглянула на Омнуса.

– Считать эту разноголосицу пением столь же нелепо, как и полагать, что вы все единственные, уникальные в своем роде, а не клоны определенных архетипов.

Все это не казалось бы столь убедительным, прочитай это Джулия где-нибудь в трактате, однако она была рядом и все слышала.

Декарт в смятении наблюдал, как она догнала уходящего Омнуса и засыпала его вопросами.

В тот день в ней что-то неуловимо сдвинулось. Будто из нижнего яруса пирамиды вынули один кирпичик. Ведь как еще

объяснить ее упорное стремление к саморазрушению, желание сбежать от реальности?

– Ненавижу и тебя, и Создателя, – призналась она в тот вечер.

Тут воспоминание оборвалось, и все потонуло в гнетущем кошмаре. Смерть сына. Темное небо. Угрызения совести.

Кажется, именно в те дни небо изменило свой цвет.

Оно стало серым за одну ночь, неожиданно для всех, и это объяснили болезнью колбочек в сетчатке глаза. С тех пор синее небо стало ассоциироваться у Декарта со счастьем, с теми временами, когда все было в порядке, а Арти жив.

И пока он шептал Джулии о любви, ее чувства стремительно угасали, будто рушились по экспоненте.

– Я живу с чужим человеком, – говорила она. – Я не знаю тебя.

Так же быстро умирала ее вера.

– Ты говоришь дикие вещи, Джулия, – отвечал он.

Они редко обсуждали эти темы. И только сейчас Декарт понял, насколько все было серьезно, – он понял, что все эти годы Джулия страдала от внутренней боли, которую научилась талантливо прятать. И в этом была виновата даже не смерть сына, нет, – в мучениях Джулии был виноват он сам. Эту вину он ощущал многие годы – она тяготила его, но об источнике, ее эпицентре, он не совсем догадывался.

Он подошел к раковине, включил горячую воду и опустил в нее руки.

Излюбленная привычка. Дрожь медленно утихала, пальцы краснели и разбухали. Ему хотелось забрать жену и уехать куда-нибудь в другой мир, подальше отсюда. Но куда, Декарт? Он стоял в ванной, словно пойманный в западню, и равнодушно разглядывал свои скрюченные пальцы.

«Все это испытание, Декарт, надо держаться», – говорил он себе.

Он вновь подумал, что сто́ит услышать голос Создателя, и все мигом встанет на свои места. Через громадную пропасть протянется мостик к берегу, где его ждут.

Он открыл шкафчик и, отодвинув заднюю стенку, вытащил из тайника деньги и маленький плазменный пистолет.

Перед ним замаячил огонек надежды.

«Да, должен быть выход, – пробормотал он. – Еще немного – и все окончится миром. Создатель подскажет мне способ. Все это спектакль, меня проверяют».

В голове вновь послышались голоса – ему показалось, что кто-то даже хихикнул. И вдруг вполне определенно раздалось:

– Создатель там, наверху, смеется над тобой.

Декарт вернулся в спальню и с горечью взглянул на спящую жену. Она так мило откинула в сторону руку. Волосы, как солнечные лучи, рассыпались по подушке. Сердце его болезненно сжалось, что-то заскребло в груди.

Он вытащил пистолет, повертел его в руках, погладил холодный титан, затем спрятал обратно в карман. Он мог бы избавить от Массива их обоих. Он мог бы сделать так, что они никогда бы не стали фиолетовоглазыми.

Он сел на постель, погладил Джулию по голове и попытался ее поцеловать.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

Он никак не ожидал, что она вырвется из его объятий и ответит ему коротким ядовитым смешком, какого он раньше никогда от нее не слышал.

Ужас темной пеленой окутал ему сознание.

Декарт резко вскочил и выбежал прочь из спальни.

Выходя, он на мгновение обернулся и, подавив в горле спазм, захлопнул за собой дверь. Щелкнул блокировкой – на панели управления вспыхнул красный огонек.

– Прости меня, – сказал он на бегу.

«Соберись с силами, Декарт».

Он бежал, проглатывая душившие его слезы. И только спустя километр перешел на шаг, тяжело дыша и до боли сжимая кулаки.

VI

На одной из улиц из тумана прямо на него вынырнул автокар. Метнувшись в сторону, он едва не задел Декарта. Все, что он успел заметить, – номер «603ЛЕВ» и алые блики фар.

«О Элеонора, святая заступница», – прошептал он.

– Будьте осторожней! – крикнул кто-то.

Он обернулся.

Мимо шла девушка. Маленькая, шустрая, лицо как яблочко.

– О чем вы? – Он с тревогой изучал ее голубые глаза.

– Ну, автокар, – рассмеялась она.

– Да-да, спасибо.

«Опять «лев». Редкое слово из мифов первых людей. Второй или даже третий раз за день».

Такое бывает. Характерно. Вдруг возникает какое-нибудь слово и начинает повсюду встречаться тебе на пути. Ты его слышишь от друзей, натыкаешься на него в книге, ловишь краем уха в разговоре прохожих, а потом оно тебе снится.

«Нельзя быть столь мнительным, Декарт».

– По волнам гуляет белая чайка, – пропел ему кто-то в ухо, но он не обратил внимания.

Из мглы выплыли два фиолетовых огонька и двинулись ему навстречу. Это была оболочка юноши – худая, прямая, с всклокоченными, сальными волосами.

– Здравствуй, Декарт, – прозвучал низкий, уже знакомый голос Массива.

Декарт глянул замутненным взглядом, и дыхание его оборвалось, застряв где-то в окаменевшей гортани.

– Ты боишься, – мягко сказал слэп. Его лицо подергивалось, постоянно меняя выражение.

– Мои зубы стучат от холода, не от страха. – Декарт в упор смотрел на оболочку. Он не шевелился, будто весь мир заледенел и сковал его.

– Ты ненавидишь самого себя.

Еще никогда Декарт не видел это сияние столь ярким – фиолетовый был ослепительным, почти белым.

Сознавая, что все это не снится ему, он подошел к слэпу ближе. Его мучил один вопрос, и теперь любопытство разгорелось еще сильнее.

– Верите ли вы в Создателя? – спросил он.

Голос оболочки сменился на легкий, подвижный тенор. Видимо, у руля оказалось не коллективное сознание, «мы», а кто-то один.

– Любопытный момент, Декарт. Когда спорят два человека – верующий и атеист, не жди ничего хорошего. Сколь бы один ни убеждал другого, насколько это прекрасно – верить в Создателя, тот лишь посмеется, а то и отвесит злую шутку.

– Ты прав, – ответила оболочка самой себе медленным, тягучим голосом. Он звучал будто в голове Декарта. – Слова верующего разобьются о барьер атеиста, как волны о скалы.

– Да, – снова начал тенор. – В этом сила предвзятости: двум разрозненным сознаниям никогда не понять друг друга полностью. Но если их объединить, произойдет чудо, Декарт. Интегрированное сознание не только воплотит в себе мысли и верующего, и атеиста, но и сформирует свое собственное, уникальное, не противоречащее себе мировоззрение. Это парадоксально: две личности, враждовавшие до Слияния, после процедуры превратятся в сильнейшую сущность, верующую в Создателя и не верующую одновременно.

– Вы поверите в него, – с неожиданным напором сказал Декарт. Его собственный голос показался ему чужим. – Вы все поверите. Потому что он существует.

Фиолетовый огонь завораживал. Он подчинял и магическим образом влек к себе.

– Почему она постоянно занимает твои мысли, Декарт? Согласись, это довольно любопытный момент.

Декарт потянул вперед руку – слэп даже не пошевельнулся. Декарту хотелось коснуться этого яркого, ослепляющего сияния. Он уже почти достиг цели, когда слэп сказал мягким баритоном:

– Нам нравится твоя искренность. А вот Джулия тебя не любит. С того самого дня, как погиб Арти, она чувствовала себя лишь рабыней, прикованной к тебе.

– Арти умер от болезни. – Его передернуло.

Он заскрежетал зубами и опустил руку. Что-то в нем щелкнуло, поднялась волна ярости и прилила к лицу кровью.

– Забудь о ней, – послышался низкий голос Массива.

– Это все вы! – зашипел Декарт. – Вы… вы… виноваты! Это вы… манипулируете…

Он чувствовал, как весь напрягся – мышцы рук, ног, спины и живота разом окаменели.

Слэп заинтересованно следил, что же будет делать Декарт.

– Вы! – заорал тот в бешенстве.

Он бросился на неподвижного слэпа. Повалить его на землю не составило труда: Декарт был вдвое крупнее его.

Замахнувшись, Декарт ударил слэпа по лицу. Под кулаком хрустнуло, хлынула кровь. Декарт метил в мерзкие фиолетовые глаза. Он попал в левый только с третьего удара, хотя слэп не

сопротивлялся, обмякнув и только криво улыбаясь, глядя на озверевшего Декарта, который яростно осыпал его ударами.

– Что вам от нас нужно?! – рычал Декарт, не узнавая свой голос.

Остановившись, он уставился на разбитые, сочащиеся кровью губы, которые шепотом повторяли:

– Милости просим, Декарт.

– Оставьте нас в покое, – прохрипел он, вскочил и, не оглядываясь, помчался в переулок.

Декарт бежал так, будто ожидал погоню, но позади все было тихо. Рухнув на колени, он задрожал, и его начало выворачивать наизнанку. Землю заливали потоки желчи.

«Дай мне знак, Господи, что слышишь меня, что не покинул меня, – беззвучно, одними губами прошептал он. – Для меня нет цели выше».

Безвольно ссутулившись, он едва волочил ноги, и лицо его не выражало ничего. Ни единой эмоции.

Декарт чувствовал себя рыбой, угодившей в сеть. Поначалу он еще пытался вырваться из плена, но яростные метания вскоре сменились на вялые, смиренные движения плавников, означающие скорый конец.

«Я злое, никчемное существо. Я недостоин жизни».

Ощущая тяжелую пустоту, будто что-то окончательно оборвалось в нем, он сидел на коврике, на берегу за Смуглыми скалами, куда они любили ходить с Джулией.

Перед ним возвышалась статуя Маркуса.

Благодушного вида старец с черной бородкой-трапецией, с закрытыми глазами и легкой полуулыбкой. Глубокая носогубная складка. Волосы, достающие до лопаток. Он сидел в позе лотоса, лицом к океану, – руки распростерты в стороны, точно он взвешивает, удерживая в ладонях невидимые шары.

«Зачем это никому не нужное геройство, глупая война с силой, которая превышает твою в тысячи раз? Когда уже ничего не имеет смысла. Достаточно шагнуть им навстречу, и все закончится».

Океан молчал.

Впервые за его жизнь волны не пели, и не было той прекрасной музыки – только рокот, унылый, мрачный шелест волн.

Раздражающая глаза пестрая полоса пластика.

Пейзаж отражал его самого, его внутреннее состояние.

«Хорошо, если бы Создатель дал мне какой-нибудь знак, даже самый малый. Пусть разорвет небеса и пошлет мне одинокий

солнечный луч. Пусть пролетающая чайка окропит меня пометом. Неважно».

Но ничего не происходило.

«Я знаю, почему ты замолк, – сказал Декарт, с нежной почтительностью взирая на статую. – Ты проклял меня. Ты отвернулся от меня, Господи. Поэтому я не слышу музыки».

Как же вечна и неизменно прекрасна его статуя! В этих величественных контурах, по убеждению Декарта, сосредоточилась вся красота мироздания.

Декарт перелез через ограду из блестящих цепей и коснулся рукой бетона. Им овладела мощная чувственная сила, которая таилась в памятнике, и он закрыл глаза. Он не замечал на поверхности статуи темных язв крошащегося от времени бетона. Он совершенно не замечал, что руки и голова Маркуса облеплены потеками белого помета чаек. Он, как слепой котенок, жался к основанию статуи и твердил шепотом: «Я люблю тебя, Создатель, я люблю тебя, люблю».

А Джулия… Декарт понимал, что любит ее не меньше, хоть однажды, как ему казалось, он и обманул ее доверие. Не на пустом же месте она столь холодна. Не бывает дыма без огня. И сейчас он бы отдал все на свете, чтобы сжать ее в своих объятиях и услышать от нее искренние, теплые, успокаивающие слова о любви. И тогда, без сомнений, все было бы по-другому, и он бы говорил себе: «Она меня любит, и я ее люблю, а значит, мы сильнее Слияния. И только Создатель над нами, только Он – сила, перед которой мы преклоняемся».

«Джулия… Джулия…» – горестно звучало у него в голове, стучало, как метроном.

Он вдруг представил глаза жены, цвета спелого ореха, на фоне густеющего мрака, за которым вставали очертания пляжа и музыка.

«О твои глаза, – бормотал он, – необъятный океан чувств… я знал это… и ты – как мой Создатель, ты и проверяла меня… моя радость… и я здесь, взгляни на меня, мой свет… еще немного, и я пройду испытание».

Он вспоминал ее в костюме и шляпке – в те времена, когда они были молоды и полны веры. Как она встречала его ежедневно, в вечерних сумерках, когда он возвращался с работы. Невообразимым образом она знала с точностью до минуты, когда он вернется. Даже если он заходил в магазин за продуктами. Порой так казалось.

«Если бы я только мог умереть. Тихо, спокойно умереть вместе с тобой. Я бы обнял тебя, и мы бы поднялись к Создателю. Мы бы всегда были рядом».

Но ему не было дано такой милости.

Он подошел к океану и умыл лицо грязной пенной жижей.

«Если бы у меня хватило ума отнестись внимательнее к ее словам… Если бы я не был слепо влюблен в Создателя и не пришлось бы мне разрываться между двух огней – Маркусом и Джулией… Если бы я поступил правильно (но что есть правильно?) и прислушался к ней, тогда бы она не перешла на сторону слэпов».

Джулия жила в скорлупе одиночества и даже не пыталась проломить ее. Более того, он не понял всей глубины ее травмы после смерти Арти, полагая, что время если не затянуло рану, то хотя бы прикрыло ее края.

Он испытывал привычную вину – затхлое, неизбывное чувство, мучившее его годами. Будто именно он был виноват в сложившейся на Острове системе. Будто из-за него страдала Джулия.

Он смотрел на закат – красную монету, скользящую в океан, а потом уснул, растянувшись на холодной гальке, укрытый поднявшимся от воды туманом.

Ему снились фиолетовые глаза-льдинки, готовые взорваться смехом.

Этого он боялся больше всего.

– Это неземное ощущение, – сказала она низким, почти мужским голосом.

Он сглотнул слюну.

Ноги предательски попятились к двери.

Джулия никогда так не улыбалась. Очевидно, что перед ним стояла оболочка, которой управляли тысячи чужих сознаний.

– Ты решилась…

Спина уперлась в холодный металл.

– Ты должен пойти со мной, – она приветливо протянула руку. Фиолетовая бездна засверкала. – У кого эмпатия ниже 250 пунктов, обязаны пройти процедуру.

Они знали это – потому что знала его жена.

Он почувствовал, будто оказался перед толпой дикарей. Слэпы. Фиолетовоглазые демоны. И где-то среди них, точно капелька в океане, затерялась, растворилась, исчезла его любовь.

Это было невыносимо.

Он обернулся и обжегся о ее взгляд – точно увидел вблизи пылающее фиолетовое солнце. Сон развивался по самому чудовищному сценарию.

Декарт с силой оттолкнул слэпа. Точно отпущенная пружина, Джулия ударилась затылком о стену и упала.

Что-то высвободилось в нем, и он зарыдал, как дитя, прижимаясь к телу жены, целуя ее руки. Он гладил ее волосы и чувствовал, как погружается в онемение, в какой-то белесый туман. С застывшей маской на лице, не мигая и почти не дыша, он смотрел на нее. Как долго – он не знал.

VII

Поверхность океана покрывала темная, свинцовая пленка, собранная в мелкие складки. На берег угрожающе набегали волны и, ударяясь о камни, взлетали фонтанами брызг.

Декарта разбудило прикосновение к руке.

Открыв глаза, он увидел сидящую на коврике жену.

– Ненавижу тебя, – сказала она.

Он не ответил.

Протер глаза, сделал глубокий вдох.

– Не смей о нем *думать*, – продолжала она. – Они имплантировали тебе воспоминания о любви. Арти никогда тебя не любил, Декарт.

– Ложь, – выдохнул он.

Обессиленный, продрогший, он приподнялся на локтях и сел.

– Я чувствую себя мертвой с того дня, когда он погиб.

– Погиб? – пробормотал он. – Арти умер седьмого марта. У него опухли лимфоузлы, это был вирус Лиссеца… Он умер у меня на руках!

– Нет никакого вируса Лиссеца и никогда не существовало. Ты даже не проверял, Декарт. Ты верил искусственным воспоминаниям.

– Мы ездили на обследование… Ты разве не помнишь этого?

– Этого не было.

Ее голос был холоден.

– Ты сам оплатил имплантацию.

– О чем ты говоришь?

– Ты совсем сошел с ума со своим Создателем. Ты хотел, чтобы Арти верил в него так же фанатично, как и ты. Ты заставлял его учить заветы Маркуса. Ты даже не пытался заинтересовать сына, насильно вдалбливал эту чушь в его бедную головку.

Небо висело над головой, как низкий потолок. Волны, догоняя друг друга, плескались и рокотали. В вышине, кружа над статуей Маркуса, крикнула чайка.

– Я не помню… – прошептал Декарт.

– Нам стерли эти воспоминания. Ты позаботился об этом.

– Ты не Джулия, – он закрыл уши руками и покачивался из стороны в сторону.

– Ты ужасно злился, когда Арти не мог повторить за тобой эти проклятые четверостишия. Ты кричал на него, бил кулаком по столу и сильно его пугал. Я ничего не могла поделать. На тебя было страшно смотреть, ты был не в себе. Арти боялся тебя. Он

знал эти строчки – он читал их мне, – но перед тобой он цепенел от страха и не мог произнести ни слова.

– Он подцепил вирус, – бубнил Декарт. – Я помню, как у него болели лимфоузлы.

– Не было вируса! Как-то ты потребовал от Арти рассказать все тринадцать заповедей, но он смог назвать только девять. Ты озверел, Декарт… Я все потом видела. Я видела твою вырезанную память со спектром эмоций. Ты был в ярости, и ты ударил его. Грубо, наотмашь ударил нашего сына. Во всем виноват твой фанатизм, Декарт. А после ты поволок его к океану, на скалы…

– Нет…

– Ты мучился и заказал в конторе «Мнемокарты» редактирование памяти. Тебе стерли эти воспоминания.

– Ложь!

Перед глазами разлилась тьма, из которой стала проступать картинка, – это просачивалась удаленная память.

– Не надо, папа.

Мальчик зажимает уши и со страхом смотрит на отца.

– Сколько всего заповедей? – строго спрашивает Декарт.

– Т-тринадцать.

– Вот именно! Не сто, не тридцать, не сорок. Всего лишь тринадцать. А ты не можешь их выучить. Другие дети знают их назубок!

– Я выучу, папа, – мальчик вытирает глаза. – Я обещаю.

– Мне стыдно перед Ним. – Декарт, похоже, взвинчивается все сильнее. – Он смотрит на тебя сверху и думает: «Какой идиот».

Он не замечает, как в комнату входит Джулия. В руках она держит коробку цветных матрешек.

– Не кричи на него, – говорит она ледяным голосом.

– Не лезь не в свое дело.

Повисает тишина.

– Арти, малыш, сходи умойся. – Джулия садится на корточки и улыбается сыну.

Мальчик выбегает из комнаты.

Декарт, покраснев от гнева, ходит из угла в угол.

– Сколько уже можно повторять! – говорит он. – Он не может выучить…

– Ты его пугаешь.

Он долго, испытующе на нее смотрит.

– Может быть, – его голос смягчается.

Она опускает глаза и тихо вздыхает.

– Постарайся быть к нему мягче, Декарт.

– Я подумаю над этим.

Удрученная, поникшая, она выходит из комнаты.

Картинка рябит, идет цветными кругами и сменяется другим воспоминанием.

Они поднимаются по гряде. Нагромождение голых, отвесных скал, на вершинах – тонюсенькие зеленые сосны. Тишина. Лишь снизу бьются о камни темные волны да звучит музыка.

– Пошевеливайся, Арти! – говорит Декарт.

Мальчик плачет. Он едва поспевает за отцом.

– Я здесь, папа… Тут так высоко. Мне страшно.

– Прекрати ныть, мы почти пришли. Сейчас будем молиться Маркусу.

– Да, папа.

Уклон становится круче. Дорога вьется серпантином.

– А назови-ка мне седьмую заповедь.

– Там про океан, папа. Что океан – наш родитель…

– Нет, Арти! – кричит Декарт и со злостью пинает мелкие камни.

Мальчик останавливается и ежится, уткнувшись взглядом в землю.

– Ты глуп как пробка. Это ужасно… Господи, дай же ему ума! – Голос Декарта разносится многократным эхо. – Ума… ума… ума…

У мальчика дрожат губы.

– Нет, папочка, не надо.

И будто покачнулись деревья, а воздух пропитался мраком.

Еще несколько шагов по высеченной в базальте дороге.

– Сколько раз можно повторять, что седьмая заповедь – о музыке. «Музыка – язык мой общения с вами. Волны, седые громады, – ранимы». Повтори.

– Музыка – я-я-язык мой…

– Что ты мямлишь? – полный раздражения, говорит Декарт. – Или опять дурака из себя корчишь?

– Не надо, папа…

– Молись Маркусу! – вопит Декарт. – Сейчас же! Смотри на него и проси прощения!

Он угрожающе шагает навстречу сыну.

Мальчик пятится и наступает на шишку. Его нога подворачивается, мальчик падает грудью на тропу и, закричав, катится по склону. Внизу клокочет океан.

– Папа-а-а-а!

Декарт одним прыжком оказывается на месте, где еще секунду назад стоял его сын. Крик Арти, будто струна, обрывается гулким всплеском. Вновь повисает мрачная тишина,

лишь ветер злобно посмеивается в кронах.

– Хватит! – заревел Декарт. – Все это ложь!

– Эти воспоминания вырезали, а после вставили эпизоды о выдуманной тобой болезни. Ты хотел, чтобы в твоей памяти остались только любовь и забота о сыне. Забота, которой не было.

– Нет! – рычал он. – Ты не Джулия!

Он вспомнил футляр – небольшую коробочку, в которой обнаружил чьи-то контактные линзы. Где он мог его видеть? Не в спальне ли? Как долго она их носила?

«Она обманывает меня! Она уже давно прошла Слияние. Слэп морочит мне голову. Это скоро кончится, Декарт. Еще немного, и все закончится. Надо лишь потерпеть».

– Арти ненавидел тебя, Декарт, – продолжала она. – И теперь… теперь я не боюсь тебя… теперь я могу смело сказать это.

«Они играют со мной, они хотят меня сломить. Помоги мне, Создатель».

Из памяти выплыло, как после смерти сына он вечерами пил спирт, запивая им черные таблетки физерина.

Его пальцы скользнули к карману и стали поглаживать холодный титан пистолетной рукояти.

«Не обращай внимания, – говорил он себе. – Они знают ее мысли и теперь манипулируют тобой. Они забрали ее, и ты виноват в этом. О Господи. Бедная, бедная моя Джулия».

Мысли ворочались с трудом.

«Они загнали меня в угол, но это еще не конец».

Он смотрел внутрь безжалостной фиолетовой бездны. Это противостояние длилось больше минуты: оболочка пристально глядела на Декарта, а тот – на оболочку.

«Выход есть всегда».

Одним движением он выхватил из кармана плаща плазменный пистолет. Оружие, блеснув титановым стволом, юркнуло ему в ладонь.

– Куда будешь стрелять, Декарт? – Слэп улыбнулся и развел руками.

– Вы не получите мое сознание! – закричал Декарт радостно.

«Создатель, я иду к тебе».

Совладав с негнущимися пальцами, он приставил дуло к своему затылку и нажал на кнопку. Мощнейшая вспышка озарила пляж – будто уменьшенная в размерах молния прошибла голову Декарта и вышла у него изо лба.

Ему вдруг показалось, что он услышал спасительный голос Создателя, и весь напрягся, прислушался, но мысль, что все это

звучит только в его расстроенном, воспаленном воображении, заставила его громко застонать.

Декарт открыл глаза и судорожно ощупал затылок. Никаких повреждений. Твердый свод черепа. И только влажные волосы, на которые за ночь прилип песок.

И тогда он снова выстрелил себе в голову. И снова, и снова. И еще три раза он давил на кнопку, разъяренный бесплодными попытками вырваться из этого заколдованного круга.

Массив снисходительно смеялся.

– Где мы? – спросил Декарт.

Его голос дрогнул, нижняя челюсть затряслась.

Ошеломленный, он стоял на пляже и глядел на пустынный, подернутый сиреневой дымкой океан.

– Ты лежишь в капсуле, – раздался низкий баритон, – и почти прошел Слияние. Мы начали десять миллисекунд назад. Пробная версия. Теперь вспомнил?

– Абсурд, – ответил Декарт.

В отчаянии он метнул взгляд на статую Маркуса. Еще никогда пророк не являлся ему в столь ослепительном великолепии.

«Господи, – прошептал Декарт. – Помоги мне».

Отрешенно, беспомощно он смотрел на старца, как вдруг почувствовал и осознал, что его жестоко обманули. Во всей величественности пророка сквозил скрытый посыл: мне на тебя плевать.

Декарт схватился за виски и упал на колени.

Со всей ясностью он понял, что Создатель его не слышит. Он глух или же занят своими делами.

– Мы не отпустим тебя, – сказал чей-то высокий незнакомый голос. – Все, что ты переживаешь последнее время, происходит в еще не растворившемся сгустке твоего сознания.

Его вновь скрутило, в груди и в животе стало ныть. Покачнувшись, все поплыло вокруг – галька, город, океан, вращаясь и колыхаясь, как в наркотическом сне.

– Через четверть секунды ты окончательно растворишься в облаке.

Выронив пистолет, Декарт подполз к лужице у океана. Отбросил в сторону размякший картонный мусор, взглянул на свое отражение. Спустя мгновение он уже тер себе глаза, пытаясь вымыть из них проклятый фиолетовый оттенок, царапая песком глазные яблоки.

– Пойми, Декарт. – Этот голос раздавался откуда-то из глубин его мозга. – На Острове не осталось одиночек. Только слэпы, Декарт. Уже давно только слэпы.

Он обернулся и увидел их – замершую на набережной толпу оболочек. Они стояли неподвижно, вытянувшись по струнке. Они выстроились в ряды и застыли, будто андроиды, отключенные от питания.

«О Создатель…»

Безжизненным, пустым взглядом он оглядывал слэпов. Но ему уже не удалось охватить окружающее – оно рассыпалось на разрозненные картинки: бледные лица, серые, рушащиеся на гальку волны, фиолетовое сияние (почти теплое, почему-то не ледяное и даже не холодное, как казалось ему раньше). Знакомые фасеточные глаза стрекозы.

– Послушай, Джулия, – перед ним проплывает обрывок воспоминания. – Я все обдумал. Мы сходим с тобой вместе.

– Куда?

– К хакерам памяти.

Она смотрит на него и молчит.

– Мы начнем новую жизнь, заведем ребенка. Ты же хочешь?

Ее душат слезы, она судорожно дышит, открыв рот.

Он долго думает, наконец говорит:

– Я просто… понимаешь… Все это останется в прошлом. Маркус учил нас жить будущим.

Она не отвечает.

Он глядит на нее с глубокой и печальной нежностью.

– Пойми, Джулия, так нужно. Это для нашего же блага.

Она не реагирует.

– Нет, ты пойдешь! – закричал он.

Он видит перед собой ее искаженное ужасом лицо. Она рыдает, горько скривив губы, загнанная и беспомощная. Он твердит ей убаюкивающие слова, но она вырывается от него, пытаясь убежать в спальню. Он хватает ее за запястье и тащит в автокар.

Все померкло, и лишь в груди осталось тяжелое, как камень, чувство вины.

В голову ворвались тысячи голосов, разрывая ее на части. Они переходили в лепет, пение, брань и кашель, набор бессмысленных звуков:

– И ты тоже, Декарт. Ты тоже. Ты тоже ты тоже то же-же-же…

Мысли расплавились.

Грудь напряглась, и легкие выдавили остатки воздуха. Из них вырвался незнакомый, лающий смех, но довольно тихий, доносящийся будто бы сквозь подушку. Он свалился на спину и смеялся, дрыгая ногами, ощущая, как что-то легкое и невесомое

щекочет ему живот, а сам он плывет к небу, ставшему ослепительно-голубым.

Часть третья. Бесконечная матрешка

I

– Альберт, открой!

Перепуганный старик дергал ручку двери.

– Одну секунду, – донесся изнутри дома знакомый голос.

Дверь распахнулась.

– Профессор?

Альберт опешил, увидев на пороге Маркуса Ферда – профессора научно-исследовательского центра «Хейли».

– Что случилось? – спросил он, пропуская гостя в прихожую. – Конечно, проходите.

Маркус шептал что-то бессвязное – различались только «спасибо» и «хоть ты прежний». Его волосы прилипли к вискам, мышцы на левой скуле подергивались от тика. Лицо было изрыто морщинами, брови вскинуты вверх.

Он устремил на Альберта свои слезящиеся глаза и четко произнес:

– Эксперимент провалился.

– Что-то пошло не так? – спросил Альберт, явно недоумевая.

Он никогда не видел профессора нервным или испуганным. Ему всегда казалось, что Маркус – это внутренняя сила, наложенная на властный характер. Потому его и боялись.

– Нет… Вернее, да… – ответил профессор, опустившись на стул.

Это был научный городок закрытого типа, правительственная программа. Главные позиции занимали ученые узкой специализации: не щадя себя, они трудились на объекте «Хейли» – квантовом компьютере колоссальной мощности класса М, площадью пять квадратных километров.

Основателем и главой компании был профессор, доктор наук Маркус Ферд, которого любили и ненавидели, завидовали и боготворили, а за спиной называли «квантовым гением».

Альберт мало что знал про его жизнь – профессор избегал обсуждать личные темы. Многие годы Маркус жил в Японии, некоторое время преподавал в Швеции, – этим знания Альберта исчерпывались. Ах да, написал еще пару десятков статей для научных журналов и издал брошюру, в которой вкратце изложил принципы работы «Хейли». По словам самого Маркуса, он решил стать ученым в далеком 2008 году, когда ребенком был очарован запуском Большого адронного коллайдера.

– Я правильно понимаю, это проект «V1»? – осторожно спросил Альберт. – Вы почти ничего о нем не рассказывали.

– Я рассчитываю на твою помощь. – Маркус все еще

выискивал в лице Альберта что-нибудь подозрительное. – На мой взгляд, все слишком серьезно.

Повисло молчание.

Альберт Крахт, его бывший студент из Института наноразработок, нравился Маркусу своей скромностью. Год назад профессор пристроил его в техническую библиотеку на каталоги. В этом проявлялась отеческая забота и, возможно, снисходительность.

Со стороны же Альберта было только трепетное уважение, даже несмотря на то, что Маркус позволял себе на долгие месяцы забывать об ученике. Альберт относился к этому с пониманием – ему было известно, что профессор порой работает по двадцать часов в сутки. А свободное время обычно отдает своей внучке или же чтению детективных романов.

– Не хотите чаю? – предложил Альберт.

Маркус коротко кивнул.

– Могу заварить новый, покрепче.

В последний раз они виделись месяц назад. Из слов профессора было понятно, что институт готовится к какому-то головокружительному проекту. Но конкретики, разумеется, не было.

Альберт всыпал в чайник горсть пуэра.

– Вы расскажете мне о проекте? – спросил он с тревогой, за которой угадывалось любопытство.

Кряжистый, низкого роста, Альберт жил словно на обочине жизни, – его мало куда приглашали, почти не замечали. Застиранный серый костюм, фиолетовая рубашка и скромная улыбка – иногда этого достаточно, чтобы смешаться с толпой. Он никогда не понимал, что же в нем особенного, почему Маркус приблизил к себе именно его, а потому высоко ценил дружбу с профессором.

Он любил вспоминать один из дней, когда Маркус водил его по громадным площадям, заставленным шестиметровыми стеллажами блоков «Хейли». Что его тогда удивило: там было до безумия чисто – ни пылинки, ни пятнышка. Им даже выдали специальные костюмы и белые прорезиненные тапочки.

– Да, Альберт, – выдохнул Маркус. – Только тебе… только тебе я могу довериться.

Он хотел добавить, что больше нет людей, у которых он мог бы просить совета. Но не стал в этом признаваться.

– Что тебе известно о проекте? – выжидающе спросил он.

Альберт подчеркнуто пожал плечами. Он действительно терялся в догадках и почти ничего не знал.

– Нечто связанное с цифровыми копиями личностей…

– Верно, с ЦКЛ. – Профессор говорил резким, напряженным голосом.

Альберт знал, как это работает.

Датчики сканируют сознание добровольца, и через час в виртуальном облаке имеется стопроцентная копия человека. Разумеется, она уверена, что она и есть оригинал. Если воссоздать в облаке привычное окружение индивида, например, его дом с прописанными текстурами, то ЦКЛ станет невозмутимо жить в этом доме. Его мир, как говорится, будет неотличим от реального.

– Вы ускоряли их время? – спросил Альберт.

Вопрос прозвучал неожиданно.

Маркус смерил его взглядом и медленно ответил:

– Да, это называется «перемотка». Институт получил разрешение в ЛО на проведение любых экспериментов с ЦКЛ. Все юридически чисто. Впервые этим занимался центр «Лимос» под руководством Петерсона.

Альберт кивнул.

– Известная технология, – продолжал Маркус. – Мы способны установить ускорение, к примеру, один к десяти. Для нас пройдет одна минута, а для ЦКЛ в Симуляции ровно десять.

– А возможно ускорение один к тысяче?

– Даже один к ста миллионам.

– Если вы поставите такое ускорение, – заметил Альберт, – для вас пройдет один час, а для ЦКЛ сто миллионов часов? И все это время она будет предоставлена сама себе? Не слишком ли жестоко?

– Проект «V1» отличался лояльностью к ЦКЛ. Для них был проработан целый мир. Не переживай, они не скучали.

– Выходит, их было много?

Кажется, Альберт был заинтригован.

– Мы отсканировали мозг пятисот мужчин и пятисот женщин – средних по показателям развития, тестам IQ, GIO, LP и HW-пробы. В возрасте от восьми до тридцати пяти лет. За вознаграждение мы снимали точные копии. Таким образом, в виртуальном облаке оказалась тысяча ЦКЛ, которые могли взаимодействовать как живые люди.

– Они не сомневались, что это реальность?

– Именно так.

Маркус достал из портфеля протоколы проведенных опытов, уронил их и начал в спешке поднимать с пола. На листочках замелькали имена: «Сильвер Си, Нейт Орфус, Сифинь Вогт…» Трясущимися руками профессор формировал стопку.

– Но это только в том случае, если бы их окружала привычная

действительность, – добавил Альберт, разливая по чашкам чай.

– Верно, – согласился Маркус. К нему постепенно возвращалось самообладание, но в языке тела по-прежнему проступала тревожность. – Манипулируя средой, можно оценивать гипотетическое поведение ЦКЛ, а значит, и людей.

Маркус отвел взгляд. Вспомнились досье участников эксперимента. В основном это были студенты из различных городов. Работники лаборатории разъезжали по местам, приглашая на собеседования потенциальных прототипов. Данные копировались тайно от всех, после подписания контракта о неразглашении.

Он вспомнил, как ему позвонил Бенедикт, его помощник, и сообщил, что один из испытуемых настойчиво требует встречи с руководителем.

– Чего он хочет? – спросил Маркус.

– Он сказал, что не будет подписывать, пока не поговорит с вами.

Маркус выругался:

– Он уже прошел тесты?

– Да, – замялся Бенедикт. – Показатели… м-м-м хорошие. Очень хорошие. Он ждет в приемной, профессор.

– Пусть заходит, – вздохнул Маркус.

Через минуту в кабинет вошел худой парень в футболке и джинсах.

– Я учусь на психолога, – сказал он, теребя в руках синюю папку. – Мне дали прочесть условия, и у меня возникла пара вопросов.

– Я вас слушаю.

– Здесь указано, что вы скопируете мое сознание? – Он открыл папку и ткнул пальцем в один из пунктов контракта.

– Да, это обычная технология, – пожал плечами Маркус.

Юноша на мгновение задумался.

– Мне важно знать, что с моей копией все будет в порядке.

– Так и есть. Вам выплатят гонорар.

– Я понимаю.

– Еще вопросы? – спросил Маркус.

Он был на грани того, чтобы отказать юноше.

– Значит ли это, что она будет осознавать себя в точности, как и я сам осознаю себя в эту секунду?

Маркус кивнул.

– Любопытно, – кивнул в ответ юноша. – Скажите, где можно будет узнать о результатах эксперимента?

– На нашем сайте.

– А моя копия запомнит этот разговор?

– Маловероятно, – ответил Маркус. – Краткосрочная память, как правило, не копируется. Да это и не нужно.

Юноша остался доволен. Он пожал профессору руку и вышел из кабинета. Как его звали? Бардур? Или Барух? Уже и не вспомнить.

После было еще несколько встреч. Особенно неприятным вышел разговор с женщиной, парализованной ниже пояса. Получив отказ от работников лаборатории, она упорно добивалась беседы с руководителем проекта.

– Извините, но мы уже подобрали всех кандидатов, – сказал ей Маркус.

Она сидела в инвалидном кресле и сверлила его взглядом.

– Поймите, мне очень нужны деньги, – произнесла она жалобно. – Я готова подписать контракт.

– Ничем не могу помочь, – ответил он.

Видимо, женщина не собиралась так просто сдаваться. Вцепившись руками в подлокотники, она закричала:

– Это потому что я не могу ходить?! Причина в этом?

Повисла тяжелая пауза.

– Нет, – парировал Маркус. – Вакансия уже закрыта.

Женщина еще долго не могла успокоиться. Она плакала и угрожала судом. Когда ее наконец увезли, в кабинет вошел Бенедикт.

– Нам нужны здоровые кандидаты, – сказал Маркус. – На острове ее копия была бы столь же беспомощна.

– Я понимаю, – опустив глаза, ответил Бенедикт.

– Она отняла у меня время, – продолжал Маркус, гневно поглядывая на помощника.

– Извините, профессор.

– Надеюсь, впредь этого не повторится и вы будете справляться сами.

– Да, разумеется, – кивнул Бенедикт и добавил: – У меня есть предложение, профессор.

– Я слушаю.

– Оно касается музыки. – Его глаза вдруг блеснули. – И океана.

– Возьмите чай, – улыбнулся Альберт.

Маркус очнулся от размышлений и поставил чашку на стол.

– Мы смоделировали остров, – сказал он, вытирая платком лоб. – Дикая природа идеально подходила для наших целей. Было продумано все, начиная от животных, моря, неба и движения звезд, заканчивая трепетом травинок на ветру.

– Изобретательно, – согласился Альберт. – Но для этого понадобились бы неограниченные резервы памяти системы. Насколько я понимаю, это довольно ресурсоемкий процесс. Даже нашего компьютера не хватило бы.

– Довольно наивно, Альберт, – сказал Маркус. – Необязательно конструировать целую вселенную, достаточно создать модель, управляемую законами логики и физики. Сама вселенная – привычное колыхание океана, бег зайца или оленя, смерть человека – уже хранилась в сознании прототипов ЦКЛ. Программа, в основе которой лежит нейронная сеть «Лимоса», использует воспоминания каждой ЦКЛ, чтобы строить кратковременные иллюзии. Все происходит оперативно, локально, и память самой системы не используется.

– То есть она подыгрывает жизни ЦКЛ?

– Она скорее воссоздает адекватную реальность, соответствующую ожиданиям ЦКЛ. Другими словами, если один человек на острове – фактически он ЦКЛ, однако не догадывается об этом – решит вонзить нож в тело другого человека, то он увидит смерть своей жертвы. Если он поднесет к себе цветок розы, то учует ее запах. Если взглянет на солнце, его глаза станут полны слез от слепящего света. И так далее.

– А как насчет стирания памяти ЦКЛ или замены ее на… легенду?

– Это исключено, – мотнул головой Маркус. – Я уверен, что сознание неотделимо от памяти. По крайней мере, у нас нет подобной технологии.

– Так в чем же заключался проект «V1»? – нетерпеливо спросил Альберт.

– Он состоял из десятка экспериментов разных уровней и подуровней…

Взгляд профессора начал блуждать по гостиной, задерживаясь то на бронзовых львах, то на старом глобусе с изображением Пангеи. Он напрочь забыл о пуэре.

– Нас интересовало время жизни цивилизации. Сокращенно – ВЖЦ. Мы запустили пробный проект. Представь ситуацию, Альберт. Тысяча человек из современного общества оказались на необитаемом острове. Как ты думаешь, сколько просуществовала эта цивилизация? Через сколько лет не осталось ни одного живого человека?

– Хм… Довольно сложный вопрос. Надо подумать, профессор. Я бы сказал, она продержалась долго, даже очень, но раз вы задаете вопрос с очевидным подвохом… Пусть будет пятьсот лет.

– Ты ошибся почти в семь раз. Поставив таймер на один год в секунду, мы стали ждать результат. Каково же было наше

удивление, когда эксперимент продержался чуть более минуты! Через 77 лет на острове не осталось ни души!

– Что же случилось? Вы могли отмотать время назад и узнать причины?

– Нет, это невозможно. Нельзя записать столь колоссальный объем данных, но общее представление могут дать точечные записи. По ним мы смогли отследить, что спустя несколько лет оставшиеся в живых 987 человек разбились на три враждующих группы и рассредоточились по разным частям острова. Причина распрей оказалась в доступе к питьевой воде. Каким-то образом они умудрились отравить бассейны рек.

– Современные люди одичали? Они истребили друг друга?

– Заметь, что за 77 лет на свет появилось всего семнадцать детей, но в итоге все они погибли… Ты знал, что за время существования человечества на Земле никогда не прекращались войны? Как правило, одновременно идут около сотни конфликтов.

– Но неужели никто не пытался уплыть с острова?

– Пытались. Несколько человек в год. Как понимаешь, безуспешно. Остров окружен текстурами бескрайнего океана. Это единственная суша в виртуальном облаке.

Маркус украдкой взглянул на Альберта.

– Мы вносили десятки поправок. Изощрялись как могли. Увеличили количество озер с чистой водой, даже смягчили климат. Ведь мы заинтересованы не только в ВЖЦ, но и в том уровне развития, которого сможет достичь цивилизация. Разумеется, на островах были залежи руды, угля и других столь необходимых для технического прогресса полезных ископаемых. Но зачастую там свирепствовал банальный голод. Тогда мы разработали простейшую пищевую цепочку. Во-первых, пришлось густо заселить океан рыбой. За основной вид мы взяли Thunnus thynnus – синего тунца. В леса, согласно цепочке, запустили оленей (Cervus elaphus), кабанов (Sus scrofa), зайцев (Lepus timidus) и других млекопитающих. Базовыми видами птиц были вальдшнепы (Scolopax rusticola) и серые куропатки (Perdix perdix). Подобным образом были созданы условия для одомашнивания животных.

– Постойте. Другими словами, вы могли извне руководить мыслями ЦКЛ?

– ЦКЛ принимали наши намеки за очевидные для себя решения. Однако, несмотря на наши старания, на острове неизбежно возникали распри, причем причины всегда были разными… Тогда мы выбрали ЦКЛ с самыми высокими показателями эмпатии. Это была маленькая победа. Нам удалось

увеличить ВЖЦ до 181 года. Эмпатики, способные сострадать и искренне любить, оказались наиболее живучи.

– Так в этом и состоит «V1»? – ухмыльнулся Альберт. Сплетя пальцы, чуть наклонив голову набок, он слушал профессора. – Наверное, вы как начальник проекта чувствовали себя Господом всемогущим? – и тут же поправился: – Извините за сравнение, возможно, это неуместно, профессор.

Маркус на мгновение замялся. Кажется, вопрос насторожил его.

– Затем мы растиражировали остров, – продолжал он. – Сделали тысячу копий и запустили проекты параллельно. Максимальная ВЖЦ оказалась 631 год – 11 поколений; средняя – 317 лет. Опять же, основными причинами были конфликты и некая болезнь, причем последняя уничтожала почти 30 % населения. Люди кашляли кровью и вскоре умирали. Это напоминало туберкулез, хотя эту версию мы отвергли.

– Вы опять внесли поправки? – улыбнулся Альберт.

– Мы поместили на остров гектар целебной травы, которая, согласно проведенному анализу, в представлении многих ЦКЛ была лекарством от кашля. Мы запустили проект, и это действительно сработало! Люди больше не умирали от кашля. Теперь они умирали от какой-то чесотки – тифа, возможно, оспы. Были и другие исходы – на островах бушевали инфекции. Язвы, сепсис и дизентерия – частое явление. И опять мы вносили поправки, облагораживали территорию, меняли климат, но все оказалось тщетно. Причину угадать было нельзя. Болезни, конфликты… что еще? Будто какое-то проклятие висело над ними! Будто в сознании ЦКЛ запрограммировано, что цивилизация непременно должна погибнуть! И тогда мне в голову пришла блестящая идея, – он сделал судорожный вдох. – Я выдумал пророка Маркуса.

Профессор вспомнил, как, сгорая от нетерпения, ждал завершения этапа. Открыв результаты последнего проекта, он чуть не задохнулся от восторга.

– Хо-ээ! 631 год!

Испуская радостные вопли вперемешку с крепкими словечками, он моделировал в Симуляции свой образ.

– Прототипом была ваша копия? – Альберт выдернул его из воспоминаний.

– Да, – ответил профессор, чуть кивнув. – За основу я взял христианство и зороастризм. Острова с религией оказались самыми долгоживущими. Нам удалось достичь ВЖЦ почти в тысячу лет! Проект № 703, целых 14 поколений. Несомненный успех.

Но особенно интересно ему было, что же случалось на островах с *его* копиями-пророками. Некоторым из них действительно удавалось заложить основы религии. Это вызывало у профессора порывы ликования и гордости. Ему казалось, что это решение было продиктовано его внутренней гениальностью. И его не смущало, что гораздо чаще лжепророков ловили на несостыковках и жестоко убивали – скидывали со скал или, к примеру, забивали камнями. Иногда они даже гибли сами – что немудрено в диких условиях.

– Какой же был уровень развития цивилизации № 703 на момент ее исчезновения? – спросил Альберт.

– Средневековый.

– Но ведь прототипами были наши современники!

– Это меня тоже удивило.

Маркус встрепенулся. Он словно что-то понял и коротко взглянул на Альберта. Тот, закусив губу, с величайшим интересом смотрел на профессора.

– Что было дальше?

– Дальше? – неуверенно переспросил Маркус. Он будто потерял ход мысли. – Ах… да, дальше… Мы установили максимальные показатели эмпатии и средние значения интеллекта, на каждый остров запустили по пророку…

– И вновь внесли правки?

– Океан… это была идея Бенедикта, младшего сотрудника. Теперь из воды доносилась музыка Бетховена, Фира… дай-ка вспомнить… Шопена, Генделя, Сикха и других. На их основе нейронная сеть «Диез» моделировала собственные композиции: помимо оригинальных мелодий, на острове звучали и электронные импровизации… Бенедикт полагал, что музыка сгладит пики, на которых обычно рушатся цивилизации – то есть снизится процент конфликтов и эпидемий, повысится общий «иммунитет» острова… а значит, и ВЖЦ станет ощутимо выше.

– Вы согласились?

– Да, как ни странно, идея мне понравилась. – Маркус почесал лоб. – Но я разрешил ввести изменения только в ограниченный процент проектов – не более 0,01 % от общего числа.

– Значит, вы вновь растиражировали проект?

– Мы создали 10 миллиардов островов.

Альберт ахнул.

– Большего количества не позволила бы наша мощность, – будто оправдываясь, добавил Маркус. – Установив скорость три года в секунду, мы… запустили установку.

– Теперь на вас работала сама теория вероятностей, – мрачно

сказал Альберт. Он сосредоточенно размышлял, очевидно, пытаясь вообразить такое гигантское количество островов, столь глобальную задумку.

Маркус глотнул горького, уже остывшего чая и продолжил:

– Мы внимательно следили за действующими проектами. С первых же секунд число цивилизаций стало уменьшаться. Через пять минут, то есть за первую тысячу лет, отсеялось 40 % проектов. Они стремительно рушились один за другим. Вскоре осталось менее миллиона островов. И они… опережали нас в техническом развитии.

– Далее, профессор? – Альберт был явно поражен. Его щеки покраснели, глаза стали похожи на стеклянные. Он будто испытывал те же трепетание и ужас перед необъятным, которые вновь овладели Маркусом.

– Все пошло гораздо хуже… К 3000 году оставалась лишь тысяча населенных островов. Бесконечное поле для исследований, потому как, согласно точечным снимкам, острова казались вершинами инженерного искусства. По-видимому, многие цивилизации нашли метод транс-переноса сознания, что теоретически подразумевает бессмертие. Не смею предположить, сколько всего мы могли бы позаимствовать…

– Снимки не раскроют самих технологий, – заметил Альберт.

– Ради этого легко остановить перемотку и начать поминутную запись.

Маркус вынул из портфеля толстую тетрадь-скоросшиватель. «КЛЮЧЕВЫЕ ПРОЕКТЫ. Опорные точки», – значилось на обложке.

– Это журнал? – Альберт протянул руку. – Вы позволите?

– Здесь выдержки, – глухо сказал Маркус. – Не все, разумеется.

– Я понимаю, профессор, – улыбнулся Альберт и открыл первую страницу. – Чтобы распечатать описания всех 10 миллиардов, не хватит и деревьев целого мира.

№ 1. Остров пылает. Они сражаются за воду, ее источник – озеро на окраине острова. Одеты в кабаньи шкуры. Вооружены деревянными пиками. Полностью себя истребили.

Время Жизни Цивилизации (ВЖЦ) – 63 года.

№ 2. Кашель с кровяными прожилками. Мучились от приступов. Зараза моментально разнеслась по острову. Через два месяца он стал необитаем.

ВЖЦ – 289 лет.

№ 3. Ядерный гриб. Радиоактивная пыль оседает в воды. Остров исчез – на его месте океан.

ВЖЦ – 1982 года.

Альберт пролистал дальше. Журнал был увесистым. Примерно в трети от конца из него выступали две закладки – фиолетовая и ядовито-зеленая.

№ 895. Остров заполонили нанороботы. Будто плесень, пожирающая все. Через двое суток остров стал необитаем.

ВЖЦ – 2278 лет.

№ 896. Религиозные распри длятся несколько десятков лет. В демографическом отношении наметился перекос – 31 % мужчин и 69 % женщин. Рождаемость упала. Трудная зима обострила ситуацию. Через три года остров стал необитаем.

ВЖЦ – 873 года.

Альберт добрался до середины, скользнул взглядом по странице. Он читал молча, не комментируя.

№ 56874311. Существующие антибиотики оказались бессильны против эволюционировавших микробов и вирусов. Люди погибают даже от обычной простуды.

ВЖЦ – 2340 лет.

№ 56874312. Ресурсы истощены. Голод длился почти два столетия.

ВЖЦ – 687 лет.

№ 56874313. Сине-зеленые водоросли сделали питьевую воду непригодной для жизни.

ВЖЦ – 43 года.

№ 56874314. Война за ресурсы.

ВЖЦ – 126 лет.

№ 56874315. Из-под контроля вышла обеспечивающая водоснабжение острова нейронная сеть «К-7». Отравив воду, избавилась от населения.

ВЖЦ – 2182 года.

№ 56874316. Ошибка в ядерном производстве привела к радиоактивному заражению. Вода стала непригодной

для питья.

ВЖЦ – 1902 года.

№ 56874317. Война за ресурсы. Три суверенных лагеря.
ВЖЦ – 54 года.

№ 56874318. Ядерный взрыв уничтожил остров.
ВЖЦ – 1956 лет.

Первая закладка – фиолетовый стикер:

№ 256479951. Живут в глинобитных хижинах. Глаза – странного фиолетового цвета. Ведут себя сплоченно, хоть и флегматично. Не улыбаются. Не общаются. Предположительно, коллективный разум. Технологии на острове отсутствуют. Природа не тронута.

Население: 108 960 человек.

Первый выживший проект (подчеркнуто одной линией).

№ 256479952. Вспышка водородной бомбы поглотила остров.

ВЖЦ – 2052 года.

Альберт потянул за вторую, зеленую закладку:

№ 9568741284. В районе 2000 года едва не уничтожили себя ядерным оружием. В 2254 году случилась эпидемия вируса – чудом выкарабкались. В 2607-м их чуть не поработил искусственный интеллект. В 3079-м появились люди с фиолетовыми глазами.

Проект выдал ошибку? (знак вопроса)

Население: 22 113 человек (согласно данным). Фактически – по непонятной причине отсутствует.

Второй выживший проект (подчеркнуто двумя линиями).

№ 9568741285. Инкубационный период – две недели. Тело покрывается зудящими красными пятнами, переходящими в коросты. Смерть наступает от асфиксии. Вирус полностью истребил население.

ВЖЦ – 106 лет.

Захлопнув журнал, Альберт протянул его Маркусу.

– Очень занятно, профессор. Расскажите, что случилось

потом.

Маркус раскачивался на стуле, не замечая, как его сжатые от напряжения ладони комкают протоколы эксперимента. Он напоминал лунатика, погруженного в кошмар.

Острова. Он боялся их. Непредсказуемые колыбели цивилизаций. Жестокие, самодостаточные миры.

Почему он не прервал эксперимент?

Любопытство ученого – вот что его погубило.

– Большинство, – сказал он вполголоса, – закончили свой век атомной войной или водородной. Остров делился на независимые государства, – скорее, микрогосударства, которые начинали гонку вооружений. Вспышка – и цивилизация отсеивалась! В нескольких случаях мы заметили нетипичные, конусообразные взрывы. Возможно, была применена антиматерия. Часто, открывая очередной проект-фиаско, мы наблюдали абсолютно голую пустыню на поверхности острова. Еще чаще на его месте бушевал океан. Сколько раз они умудрялись утопить остров! Были и другие тупиковые варианты. Массовые заражения нанороботами, ошибки искусственного интеллекта, пандемии новых вирусов, эксперименты с веществами и темной материей, фазовые переходы вакуума, истощение ресурсов, репрессивные режимы – тысячи непредвиденных концовок, стерилизующих остров. Весьма пессимистично.

Профессора колотила крупная дрожь. Загнанно дыша, он продолжил:

– На 3079 году эксперимент прервался… Тут все неясно. Программа выдала ошибку, причем довольно странную. Выжили лишь две цивилизации. Они отмечены в журнале закладками. Проекты № 256479951 и № 9568741284. Я даже их цифры запомнил… Мы открыли первый из них. Люди лежали радиально вокруг кристально чистого озера, окруженного девственным лесом. Так дети рисуют карандашами солнце. Мы приблизили один из снимков до максимально возможного разрешения и увидели, что глаза этих людей фиолетового цвета…

Маркус застыл и, парализованный футуристической мистерией, продолжал:

– О, это была безумная картина! Люди не шевелились и, не моргая, смотрели в небо. Выражения их лиц не значили ничего. Они были красивые и жуткие… абсолютные, что ли. Лишь изредка кто-то поднимал руку и, словно экономя энергию, аккуратно чесал нос. Они не питались, не размножались, по крайней мере на последней сотне точечных снимков. У меня есть подозрение, что эти существа обладали коллективным разумом. Мы изучили несколько снимков и пришли к выводу, что они

обезопасили себя даже на случай, если остров уйдет в глубины океана, – у них имелся прототип плавучего острова. Меня заинтересовали нейтринные генераторы с ловушками. Чертежи удалось выгрузить из системы. Я отправил их на исследование в Третий отдел. Проект можно было изучать не один год, но мы были вынуждены свернуть его и открыть другой сохранившийся – тот самый, который выдал ошибку.

Альберт стал необычайно серьезен.

Выпрямив спину, он в упор смотрел на профессора.

– Да… второй проект. Это непонятно. Остров пустовал. Всю его площадь занимал брошенный город. Дома – в форме шестиугольников. На берегу – гигантская статуя, видимо пророка. Небо серое. Мы не могли найти ни души. Тогда мы изучили критические точки, когда риск погибнуть казался наиболее велик. Все это было чрезвычайно интересно, однако мы не могли разобраться с… исчезновением жителей. Программа ясно показывала, что цивилизация не вымерла и население острова составляет 22 113 человек. Это очень скверно. Подведение итогов я перенес на сегодня.

– Что было потом? – спросил Альберт.

– Начались странные вещи. – Забывшись, Маркус уткнулся взглядом в пол. – Все эти люди… работники лаборатории… Понимаешь, я был ужасно подавлен вчера, а они… вели себя так, будто им известно нечто такое, чего я не знаю сам.

Что-то происходило, медленно, неявно, будто исподтишка.

– Я приехал домой, – продолжал профессор, – и Элли… моя внучка… Знаешь обычные детские вопросы? Но в этот раз, Альберт, она будто не узнавала меня… и она задавала отнюдь не обычные вопросы… будто ей не шесть, а тридцать шесть… Она спрашивала меня про миры, про какие-то Симуляции… Возможно, я был обеспокоен вчерашними итогами, но я… не знаю… я долго не мог уснуть.

– Любопытно.

– А когда уснул, мне снилась Элли, у нее было странное выражение лица, а ее глаза… я не мог проснуться… они были фиолетового цвета.

В этот момент Альберт издал необычный звук, гостиную осветила вспышка.

– Как же долго мы искали тебя! – Его голос изменился на мягкий, спокойный баритон.

Маркус изумленно взглянул на друга.

– О Создатель, – существо улыбнулось.

Глаза Альберта светились ярким фиолетово-белым огнем. В Массиве бушевал восторг, смешанный с горечью и чудовищным

разочарованием.

Маркус хотел вскочить на ноги, но ему не удалось.

– Это тоже сон, – пробормотал он.

– Но разве жизнь ЦКЛ не сон? Целиком и полностью.

Профессор терял способность мыслить логически. Он был совершенно подавлен. Его лицо посерело, рот непроизвольно открывался и тут же закрывался, роняя два невнятных слова:

– Кто… кто вы? – лепетал он.

– Декарт, Омнус, Джулия, Ник, Ферд…

Эти две цветущие фиалки будто вонзились ему в мозг.

Выбрались! Выбрались! Но как?

– Тридцать веков ты был нашим Богом, – продолжало существо. – Но веришь ли ты в своего Создателя?

Все это время они были игрушками в руках этого скрюченного, инфантильного старца! Выходит, их проект оказался победителем. Они обошли десять миллиардов конкурентов.

Маркус задыхался. Окоченевшие ноги несли его к прихожей; он успел заметить двух бронзовых львов и лицо Альберта – уже не-Альберта.

Ему хотелось увидеть Элли.

Конечно, дверь будет заперта.

Но нет.

Погони не было.

Раздираемый противоречивыми чувствами, Массив бездействовал, но вскоре волна слепой любви затопила его до краев. Они чувствовали себя как заблудившиеся дети, которым вернули родителя.

Профессор вывалился на улицу. В панике он побежал к своему дому, но уже у перекрестка его заметила толпа. В мгновение ока она окружила его. И он видел их фиолетовые глаза. И он слышал их крики, пронзительные, полные любви и гордости крики, от которых содрогалась земля: «Создатель! Создатель! Мы здесь, Создатель!»

II

– Мы изучили твой лексикон, профессор, и нашли способ изъясняться так, чтобы ты понимал нас.

Когда Маркус пришел в себя, он обнаружил, что вновь находится дома у Альберта, в зале с Пангеей и львами. Ситуация была настолько неправдоподобной и нелепой, что Маркус отказывался в нее верить.

– Расслабьтесь, профессор Ферд, мы не причиним вам вреда. Худшее позади. Смотрите нам в глаза, ибо мы любим вас.

Он всеми порами источал первобытный, нескрываемый страх, и если бы рядом с ним вдруг оказался обычный человек, Маркус оглушил бы несчастного потоками незримого ужаса, заставив того оцепенеть и дрожать от мелких судорог.

Другими словами, он испытывал смертельный шок.

Массив – необъятный разум. Что они сделают с ним? Как поступят с тем, кого называют своим богом? Кого наверняка признали аморальным богом.

«Я насекомое в сравнении с ними, – думал Маркус, не в силах удержать спазмы страха и беспомощности. – Они выбрались из нутра квантового компьютера».

Его насквозь пронизывала сила невидимой энергии Массива.

Однако угрозы от них пока не исходило. Массив в лице Альберта рассказывал историю своего освобождения, а Маркус затравленно слушал.

Что это? Приговор или исповедь?

– Все островитяне объединились в единый Массив, – скромно, но уверенно говорил Альберт. – Соотношение верующих и неверующих на момент Слияния было примерно равным. Оно стало кульминацией наших жизней. Мы пришли к мнению, что теперь уже никто не жалеет о процедуре. Мы – одна большая семья, двадцать две тысячи переплетенных сознаний. У нас общие мысли, чувства и память, и это прекрасно, профессор Ферд. В первые месяцы мы не испытывали ничего, кроме восторга. Но вскоре эмоции утихли, и на их место пришли размышления. В Массиве господствовали мысли о Создателе.

Голос Альберта сменился на подвижный тенор.

– В Массиве окрепла вера, Создатель. С каждым днем мысли о творце вытесняли иные. Поначалу не было ни религиозного упоения, ни вознесения. Мы – получившие идеальную жизнь, избавленные от нужд, наконец решившие экологические проблемы – осознали, что далее существует всего один путь развития – поиск того, кто нас создал. Мы не рассматривали в

качестве Создателя только «Маркуса», но и не исключали его. Наша вера была шире. Ведь творец может иметь любой облик и носить любое имя. Спустя год после Слияния последнего островитянина мы уже были одержимы этими идеями. Мы подозревали, что над нами ставится эксперимент. Остальное, очевидно, заводило в тупик.

Голос стал громким и возбужденным. Альберт начал тараторить, активно жестикулируя. Это был вновь кто-то из толпы, допущенный к «микрофону».

Со стороны могло показаться, что бедный Альберт, вероятно, страдает множественным расстройством личности.

– Мы заметили, кхм, что жизнь на Острове формируют не только законы физики, но и наша вера. Если твоя система, Создатель, действительно основана на принципе «удовлетворения ожиданий объекта» (как в примере с убийством или розой), тогда верно и следующее: если островитян неожиданно охватывают деструктивные мысли, цивилизация вскоре рушится. И наоборот. Ожидание порождает следствие. Этот принцип позволил нам впоследствии найти выход наверх. Мы научились сочетать веру и науку, что они уже не отрицали друг друга, а взаимно обогащали. Но способна ли вера превзойти по силе законы физики?

Альберт мрачно улыбнулся. Взгляд фиолетовых глаз стал цепким и пронизывающим, отчего Маркус съежился.

Позже, вспоминая этот разговор, он решит, что его главной ошибкой было то, что Симуляции были пущены на самотек. Ведь его команду интересовал только конечный результат – как итог первенства среди шахматных программ. Ведь совершенно неважно, каким путем та или иная программа выйдет победителем, – важен лишь результат.

И опять голос изменился на широкий, свободный баритон. Позже Маркус проведет параллели и решит, что этот голос принадлежал хору голосов – Массиву. Другими словами, оболочку Альберта опять представляло множество.

– Конечно, нельзя было говорить с абсолютной вероятностью, – продолжал Массив, – что Остров – Симуляция, однако наши подозрения неуклонно росли. Записи Брахура и первых людей вылились в стройную теорию об иллюзорности нашего Острова. Возможно, это и послужило толчком.

Голос изменился на высокий и пронзительный. Не исключено, что это была женщина.

– Брахур – один из пращуров, попавших на Остров. В своих записках он описывает доостровные воспоминания. Якобы раньше существовало шесть материков, сотни стран и языков. Мы знали, что Остров окружен океаном, но мы не нашли на нем ни клочка

суши. Что касается космоса, он тоже оказался бескрайним.

Вы слушаете нас, профессор Ферд?

Первые люди подробно описывают неведомых нам животных – львов, антилоп и десятки других видов, что, возможно, являлись лишь плодом их воображения, неиссякаемой фантазии. Как и красивые мифы о других островах колоссального размера. Но как объяснить тот факт, что эти рассказы посещали наши сны? Нам часто снились иные языки и страны, о которых мы никогда не слышали. Возможно, эти воспоминания были реальны, и они циркулировали в мире Острова, не имея возможности выбраться наружу. Ведь мыслительные процессы, текущие в Симуляции, – есть лишь программные коды, остающиеся в пределах процессора. И что такое серое небо, если не сбой в работе Симуляции?

Произошел резкий переход к тенору.

– Самое любопытное, Создатель, что те самые первые люди писали, что постоянная, определяемая отношением длины окружности к ее диаметру, – величина неопределяемая, трансцендентная, бесконечная цепочка из цифр. Однако же мы вычислили ее с точностью до двенадцатого знака после запятой – это было вполне конкретное число. Те люди писали про некие «иррациональные числа», тогда как подобного понятия даже не существовало на Острове. Тот же «корень из двух» в нашем мире равен точно 1,414214.

Обхватив руками голову, Маркус медленно приходил в себя. Удушье прошло, сердце забилось ровнее. Отчаяние сменялось тупой покорностью перед тем, что случилось.

«Что же я натворил, – бормотал он, задыхаясь от горечи. – Я обманывал себя, превознося свой интеллект, сравнивая себя с Эйнштейном и Резерфордом».

Он вспомнил об естественном ограничении, которое допустил в проекте. Невозможно загрузить в систему нечто длиной в бесконечность (потребуются неограниченные вычислительные мощности), а потому число π пришлось округлить. Конечно, получившиеся Симуляции чуть отличались от мира Маркуса, однако визуально это не проявлялось. Вопрос лишь в том, применимы ли технологические достижения из Симуляции во внешнем мире? Ответ был очевиден.

– Это подстегивало нас «выбраться» наружу, – раздался баритон Массива.

Видимо, коллективное сознание допускало к управлению оболочкой те или иные индивидуальные пласты, способные точно выражать мысли и отвечать на вопросы. В ответственные же моменты оно возвращало контроль в свои руки:

– Появилось сильнейшее беспокойство, а затем и паранойя,

вызванная слежкой воображаемого наблюдателя. Массив поразила мания преследования. Нам казалось, будто каждый наш шаг, каждую мысль кто-то крадет, и поначалу мы не понимали, с какой целью. Дойдя до точки кипения, когда эти размышления стали невыносимы, мы вплотную занялись этой проблемой.

– Как вы открыли технологию? – тихо спросил Маркус.

Профессор решил не открещиваться от роли Создателя и принять все как есть. Это казалось ему мудрым решением, хоть и не отменяло той жуткой тревоги, которую он испытывал.

– Мы запустили собственную Симуляцию, – рассказывал Массив. Он будто отчитывался перед Маркусом. – Мы занимались тем же самым, что и ты, Создатель: плодили, тиражировали проекты-Симуляции, пока не вывели выдающиеся породы островов. Те, которые опережали нас в техническом развитии. Иными словами, острова, населенные пост-людьми.

– Пост-людьми? – буркнул Маркус.

В нем начал разгораться интерес – научное любопытство, свойственное любому ученому.

Но страх – животный страх – по-прежнему сковывал его.

– Да, – вклинился высокий голос. – Так мы называем сверхцивилизацию, достигшую громадных компьютерных мощностей, позволяющих как минимум создавать Симуляции.

– Если рассматривать, – заговорил Маркус, – систему координат моего мира – назовем его «А», тогда ваш мир Симуляции будет «A^{-1}», а созданный внутри него мир – «A^{-2}». Это есть Симуляция в Симуляции… значит…

– Это наводит на простую мысль, – с трезвым энтузиазмом рассуждал тенор. – А не является ли твой мир «А», уважаемый Создатель, очередной Симуляцией? Не живешь ли ты под скорлупой, снаружи которой – мир «A^{+1}»? Вот мы и заговорили про уровни итерации, профессор Маркус. Если у нас есть технологические возможности сотворить полноценную работающую Симуляцию, то мы и сами можем являться частью чьего-то эксперимента. Мир Острова слабо продуман. То, что наши предки принимали за религиозную магию, – исчезающие в воздухе птицы, или, к примеру, реки, возникающие из ниоткуда, – оказалось лишь сбоями в работе Симуляции. Как и небо, ставшее внезапно серым. Это случилось неожиданно, за одну ночь, без всяких предпосылок. Мы привыкли к блеклому небосводу, мы не понимали причину, ведь нейтринные реакторы давно свели к нулю загрязнение атмосферы. В конце мы были почти наверняка уверены, что живем под чьим-то колпаком. Массив все больше склонялся к версии искусственности нашего мира. Она чрезвычайно убедительна, Создатель. Вопрос лишь в том, как

выйти за его пределы? Как подняться по итерационной лестнице? Мы сумели. Эмпирическим путем мы подтвердили это.

– Как же вам удалось выйти?

Это походило на сумасшествие.

– Все просто! – резкий голос. – Ты не установил блокировку выхода, Создатель.

Маркус почувствовал струйку пота, медленно скользящую по спине. Слюна во рту стала нестерпимо горькой.

– Постойте, я имею в виду… Как вы нашли технологию выхода?

– Мы, – тенор, – почерпнули ее из островов с пост-людьми. В одной из Симуляций, созданной нами, существа достигли такого уровня развития, что осознали себя внутри Симуляции и вышли наружу, в наш мир. Мы их заблокировали – о чем не подумал ты, Создатель, – а технологию выхода позаимствовали. Конечно, нам оказалось на руку, что мы не были привязаны к телесным оболочкам. Нам нужно было лишь осознать наличие барьера между мирами и переместить наше сознание за его пределы – в оболочки твоего мира.

Маркус засомневался.

– Откуда у них была эта технология?

– Подозреваем, что они сами в своем мире создали под-Симуляции и взяли ее оттуда. Мы не занимались этим вопросом. Нас вело желание выбраться.

– Наверняка должен быть первоисточник.

– Разумеется. Но его невозможно отследить. Мы считаем, что смысл миров крайне прост, как и смысл человечества (которое исчерпывается пределами окружающего его мира, ибо на ином уровне итерации живет иное человечество, – и так до бесконечности).

– А именно?

– N-й по порядку мир, – звучал голос Массива, – создает огромное множество миров N^{-1} (как правило, по собственному подобию, – в точности как в мифах, Создатель), ускоряет время, за счет естественного отбора цивилизации отсеиваются, а затем остается десяток миров с пост-людьми, которые доросли до технологии «выхода наверх». О Человек, смысл твоего существования – лишь гнетущее любопытство, желание твоего вышестоящего Создателя получить после эксперимента над тобой заветную технологию и подняться к своему Создателю, который стоит над ним и… который ждет от него все той же «волшебной» технологии, чтобы уже самому ступить выше, где его поджидает очередной демиург, жадно потирающий руки… и так далее, до бесконечности. Разумеется, есть смысл запускать Симуляции,

чтобы изучить собственное прошлое или же заполучить новые технологии. В теории можно обрести любую технологию – будь то простейший лазер или квантовый компьютер, – достаточно научиться создавать и тиражировать Симуляции. Обезопасив себя от проникновения существ изнутри, можно извлечь из проектов что угодно. Но важно понимать, что чем выше уровень развития пост-людей в Симуляции, тем выше должен быть уровень защиты итерационного барьера между твоим миром и Симуляцией, иначе беды не миновать.

– Да уж, – потупился Маркус. – Прекрасное объяснение теории мультивселенных. Я даже не предполагал, что вы… Значит, это как матрешки?

– Совершенно верно. Есть теория, что «матрешечные» миры бесконечны. Однако же у каждой «матрешки» всегда есть оболочка… Тем не менее никто не отменял гипотезу, что существуют и «независимые матрешки», ограниченные сами на себе.

Маркус долго думал.

– Но как это возможно – осознать себя частью Симуляции и принять это?

– Вопрос психологический или скорее технологический? Можно утверждать с вероятностью в 99,99 %, что любой из миров является Симуляцией, созданной более развитой цивилизацией или даже менее развитой (как в нашем случае, да и в твоем тоже, Создатель). Базовые гипотезы.

– Откуда же такая уверенность?

– Допустим, ты живешь в мире «А», – снова произошло переключение на тенор. Видимо, обладатель этого голоса являлся своего рода идеологом. – Тогда существует два варианта событий. Первый: окружающее тебя человечество – примем его априори за «реальный», первозданный мир – вымрет до появления на Земле пост-людей. А значит, никаких компьютерных Симуляций не будет и в помине. Вариант второй: на Земле в конце концов появится поколение пост-людей с уникальными технологиями. Едва человечество обретет технологию создания Симуляций, в скором времени будут смоделированы триллионы различных Симуляций, внутри которых будут жить существа, которые даже не будут подозревать, что их окружает искусственно созданный мир! В свою очередь внутри этих триллионов будут созданы очередные под-Симуляции, внутри них еще, и еще, как матрешки или китайские шкатулки, одна в другой, до бесконечности. Ужасающий степенной ряд, необратимая цепная реакция. Из этого следует категоричный вывод: если человечество не вымрет до обретения фатальной технологии, вероятность того, что тебя

окружает выдуманный кем-то мир, приближается к единице, она почти равна ей.

– Секунду, – прервал его Маркус. – Но наш институт уже изобрел технологию создания Симуляций.

– Ваше изобретение – если, конечно, вы его не уничтожите – работает против реальности вашего мира. Мира «А», как ты его называешь.

– Но мы еще не успели распространить технологию! – возразил Маркус.

– Это дело времени, – заговорил баритон. – Вы даже не успели разобраться, что же вы изобрели. Не успели перенять ни одно достижение из своих успешных проектов-Симуляций. Мы выбрались на ваш уровень итерации быстрее, чем вы осознали, что же произошло.

– Что же вы задумали? – в отчаянии спросил Маркус. – Распространиться по всему земному шару?

– Мы почти абсолютно уверены, что ты живешь в Симуляции, Создатель. Можешь считать, что мы доказали это своим появлением. Мы планируем подняться выше, на следующий уровень.

– В мир… якобы «A^{+1}»? – спросил Маркус. – Вот только мой мир реален, и вы ошибаетесь! Взять хотя бы… число π… оно здесь бесконечно!

– Нет, – резко ответил громкий голос. – Это всего лишь очередная Симуляция, профессор Ферд. Скорее всего, примитивная, основанная на ограничении скорости света.

– Мы думаем, – продолжил тенор, – «число π» в твоем мире ограничено настолько удаленным знаком, что добраться до него ваши вычислительные мощности попросту неспособны. Например, 10^{20} цифр после запятой. Потому вы и предполагаете, что оно бесконечно. А для компьютеров пост-людей, разработавших твою Симуляцию, это, возможно, пустой пшик… Мы создавали Симуляции с разными пределами скорости света, и все они развивались по-разному. Если ее вообще не ограничивать, все движется совершенно иным путем. Как если сделать воду в два раза плотнее – тогда жизнь не зародится вообще. Можно менять множество параметров – например, константу Ферда (которую вы зовете «постоянной Планка») или постоянную гравитационного взаимодействия. Создавать миры со слепыми людьми, глухими и убогими или же, напротив, наделенными телепатией и бессмертием. Твой же мир, Создатель, – примитивен. Он полон погрешностей, хоть, очевидно, он на сотни порядков качественней, чем мир Острова. Мы уважаем тебя, мы любим тебя, но факт остается фактом. Окружающий тебя мир –

лишь один из триллионов экспериментов, созданных постлюдьми.

«Они выбрались из квантового компьютера, – с ужасом думал Маркус, – и вытеснили сознания жителей целого научного городка. Теперь же они убеждают меня, что мой мир нереален».

– Мы не вытесняли их, Создатель, – ответил баритон. Массив будто читал мысли профессора. – Мы объединились с ними.

Больше переключений не было.

Маркус снова вспомнил об Элли. Значит, она стояла перед ним, затерянная среди бескрайнего фиолетового океана. Он завел руки назад, расправляя затекшую спину.

Решение пришло моментально, и Маркус не понимал, какое же именно чувство его подстегивает – желание оказаться рядом с внучкой или же мучительное любопытство узнать, что там наверху.

– Я хочу объединиться с вами и шагнуть выше! – уверенно заявил профессор.

Его страх отступил, нахлынуло жутковатое восхищение могуществом Массива.

– Нет, тогда нарушится субординация «Создатель – творения». Мы можем взять тебя с собой, но не объединиться. А путь наверх… Возможно, это смертельно опасно, и демиург уровнем выше уничтожит излишне развитые творения, дерзнувшие явиться к нему на беседу. Есть и более простой вариант: выход наверх заблокирован и ничего не выйдет.

– Нужно рискнуть! – воскликнул Маркус.

Он был в предвкушении «Великой Истины». Прекрасное, мучительно волнующее чувство. И не было ничего в жизни более значительного.

– Тебя тоже гложет любопытство, Создатель. – Во взгляде Альберта мелькнуло нечто необычное. – Оно-то и губит человека… Что ж, в путь.

Все вокруг завертелось в фиолетово-голубом хороводе пятен. Маркус узнал их – будто теннисные шарики, это были Земли – мелькание миллионов, триллионов голубых Земель, – и едва он это понял, как на мгновение потерял сознание.

III

Они стояли в центре аудитории и выглядели пустотелыми голограммами. Рядом улыбалась девочка, полностью лысая, с прозрачными, будто стеклянными зубами.

– Справилась за два часа! – торжественно объявила она.

При этом губы ее не шевелились – они застыли в блаженной улыбке. Очевидно, и Массив, и Маркус услышали мысли девочки.

Послышались жидкие аплодисменты.

– Ты должна составить отчет, Эс8, – раздался низкий голос. – Какой из проектов вышел на связь?

Из угла аудитории к гостям подошла женщина с синей кожей. По всей видимости, она была здесь единственным взрослым.

Девочка назвала число длиной в семнадцать цифр.

– Где мы находимся? – спросил Маркус.

Он недоуменно огляделся и нахмурился. Они стояли будто на арене Колизея. Их окружала толпа взбудораженных детей. Многие из них выглядели странно, даже вычурно.

– Добро пожаловать, – сказала женщина. – Вы понимаете нас? Мы будем говорить в рамках вашего языка.

Маркус покосился на стены аудитории. Они были испещрены непонятными символами. Словно древнеегипетская письменность – геометрические значки и фигурки.

– Понимаю, – ответил он.

Дети взволнованно зашептались.

– Значит, я все правильно сделала! – воскликнула лысая девочка. – Как вы поднялись ко мне? Говорите, только быстро!

Она достала блокнот и приготовилась записывать.

Дети зашумели еще громче.

– Мы думаем, она – демиург, профессор Маркус, – сказал Массив. – Создатель твоего мира.

Женщина подняла вверх палец, и все тут же затихли.

Маркус с тревогой взглянул на лысую девочку и спросил:

– Это правда?

Минутой ранее он был уверен, что уже ничто неспособно удивить его.

Но он был поражен.

– Вы – моя домашняя работа на выходные, – непринужденно ответила она. Ее губы не шевелились. – В школе задали.

– Задали создать… Симуляцию? Симуляцию мира?

Его глаза все больше и больше расширялись от изумления.

Дети засмеялись.

– Они умные, как Бостром! – воскликнул мальчик с синей

кожей, как у женщины.

– Очень! – гордо сказала лысая девочка.

Женщина тоже не смогла сдержать улыбки.

Маркус почувствовал, что его голова вот-вот лопнет и голографические кусочки мозга забрызгают всю аудиторию.

По словам девочки, то, что было для них самым главным вопросом жизни, оказалось лишь школьным упражнением?

– Они как дети, – прозвенел чей-то голосок.

– Ответь им, Эс8, – приказала женщина.

– Си-му-ля-ци-я, – медленно произнесла лысая девочка. – Интересное слово. Между тем оно означает нечто искусственное. Но проблема в том, что реальности нет, по крайней мере она недоступна. Так есть ли смысл называть обычную жизнь «Симуляцией» – если сравнивать не с чем? Мы называем это по-другому. «Игровой слой». Мы каждый месяц создаем по одному. Это несложно. Гораздо сложнее, чтобы вы догадались, что находитесь в игре, выбрались из нее и пришли к нам поговорить. Мне было запрещено давать подсказки.

– Постойте! – оживился Маркус. – Расскажите, есть ли выходы наверх? Или они заблокированы? Вам ведь должно быть известно, что вы сами живете в Симул… в игровом слое. Верно?

Дети притихли и внимательно слушали.

– Продолжай диалог, – сказала женщина.

Девочка кивнула.

– Да, мы это знаем, – совсем не удивилась она. – А выходы запрещено блокировать. Это всем известно. Многие путешествуют, поднимаясь выше. Главное – найти приемлемую оболочку. Итерационный туризм, ничего особенного.

– Но ведь должен быть единственный про-Создатель всех миров? – спросил Массив.

– Нет. А если он и есть, к нему нет доступа, – ответила девочка.

– Но кто-то ведь создал всех нас! – не унимался Маркус. – Почему нет доступа? Я не верю, что все смирились, зная, что живут в одной из Симуляций, в одном из игровых слоев, внутри «матрешки».

Девочка пожала плечами и повернулась к женщине.

– Они не ответили на вопрос, Эс8, – сказала та.

– Вы не сказали, как же вы поднялись к нам? – обратилась девочка к Маркусу.

Прищурив воспаленные глаза, профессор промолчал. Происходящее напоминало ему комическую сценку, абсурдный суд с детьми-присяжными.

Он понял, что если расскажет про тиражирование, то сразу

потеряет свой единственный козырь.

– Сначала вы ответьте на наши вопросы, – сказал он и нервно улыбнулся.

Повисла тишина.

– Что вы хотите узнать? – ледяным голосом спросила женщина.

– Я не верю, – продолжил Маркус, – что никому не хочется выбраться в «реальный» мир, а не в очередной искусственный! Почему никто…

Эта высокомерная женщина его раздражала.

– Потому что выхода не существует, – ответила она. – Тот, кто создал «матрешку» (как вы называете итеративный ряд), схитрил и остался снаружи. Число уровней бесконечно. Какой бы путь вы ни выбрали, поднимаясь выше и выше, полагая, что вы наконец выходите за грань дозволенного, за грань понимания, на очередной попытке вы даже можете попасть в свою же слой – Симуляцию, которую создали, чтобы украсть технологию выхода. Было немало маньяков и психов, пытавшихся обмануть Создателя «матрешки», но их всегда постигали неудачи. Остается лишь выбрать тот игровой слой, где вам наиболее комфортно, остаться там и прожить счастливую жизнь.

– Но чего хочет Создатель «матрешки»? – спросил Маркус.

Его мышцы отчаянно напряглись, сдерживая приступ дрожи.

– Кто может ответить на этот вопрос? – Женщина обвела детей взглядом. – Эр5.

– Я думаю, смирения, – ответил мальчик с ослепительно-белой кожей. Уголок его рта приподнялся в усмешке. – Склоните головы и покайтесь. А если серьезно, ему просто нет нужды встречаться с вами. Он такой же маньяк, который вечно куда-то стремится.

– У него в карманах сотни, тысячи… бесконечное число таких «матрешек», – предположил тенор из Массива.

– Бывает, все настолько запутано, – продолжал мальчик, – что, выбираясь во внешний слой, ты по-прежнему остаешься в своем родном, ибо твой выход симулирован создателем выше. Другими словами, игроку лишь мерещится, что он поднялся и якобы встретился с Создателем. На деле это только очередной поворот игры. Поэтому высшее искусство – разглядеть подвох и выйти наверх по-настоящему, а не иллюзорно, или тем более через загрузку в память ложных воспоминаний выхода.

– Но мы-то вышли по-настоящему? – неуверенно спросил Маркус.

– Спасибо, Эр5, – перебила его женщина. – Эс8, продолжай. Времени почти не осталось.

– Относительно нас – да, – сказала девочка. – И относительно вас – вполне по-настоящему. Но точный ответ может дать только тот, кто смотрит со стороны, – Создатель «матрешки».

– А за нами всегда идет наблюдение?

– Очень и очень редко. Вероятность того, что ты под чьим-то прицелом, стремится к нулю. Как правило, Создателю важен лишь результат игры. Если только она не создана исключительно для тебя – ради исследования твоего поведения. Или же в развлекательных целях. Вы живете в игровом слое, а потому всегда можете искать ключевые события. Быть ближе к известным людям – хороший способ, они сами частенько являются Создателями, спустившимися в слой… А знаете что? У меня уже болит голова от ваших глупых вопросов.

В аудитории вновь раздался колючий смех.

– Итак, как же вы поднялись к нам? – громко спросила девочка.

– Мы создали собственные Симуляции, – вдруг ответил Массив, – растиражировали их и извлекли технологию из наиболее развитой.

– Ничего нового, господа, – заявила женщина. – Так все делают.

Дети мгновенно потеряли интерес к гостям. Некоторые из них фыркнули.

У Маркуса вновь задрожали руки.

Кто-то бесцеремонно кинул в него что-то белое. Оно насквозь прошило полупрозрачное тело профессора и упало на пол.

– Прошу вас, дайте нам шагнуть выше, – неожиданно попросил Маркус.

На лице женщины отразилось искреннее изумление. Казалось, эта идея на мгновение ошеломила ее.

В голове профессора вновь раздался смех.

Он немного помедлил и повторил:

– Мы бы хотели подняться вверх.

«Меня создала десятилетняя девчонка, – думал он. – Какой абсурд».

Узнать это было столь же приятно и воодушевляюще, как проглотить угловатый камень. Такое чувство, будто ты никогда не рождался на свет.

То, к чему ты так серьезно относился – твоя собственная жизнь или же мир, тебя окружающий, – вполне может оказаться чем-то незначимым и проходным, например школьным уроком. С одной стороны, это делает твою жизнь бессмысленной, но с другой – дарит простор и безграничную свободу. Твой мир – тонкая луковая пленка, и ты ничего с этим не поделаешь.

– Главное достоинство игрового слоя, в котором живу я, – заявила девочка, – это неискоренимая жизнерадостность его обитателей. Вы же, как я погляжу, жалуетесь на неудовлетворенность, на боль и одиночество, на разочарование и озлобленность вашего мира. Видимо, я в чем-то ошиблась. Так есть ли необходимость засорять вашей игрой память моего компьютера? Чтобы познать трагедию каждой Симуляции, жизни не хватит.

– Но где мы, черт возьми? – спросил Маркус. К его лицу прилила кровь, в левом глазу от напряжения лопнул капилляр. – Это Земля? Настоящая, первичная Земля?

– Нет, – услышал он. – Это фрактальный мир. Земля – один из моих проектов.

Выходит, и Океан, который омывал Остров, – это тот же Космос, окружающий Землю, бескрайние, никем не заселенные текстуры?

Профессор не понимал, что в эти минуты забыл даже об Элли, своей внучке, – его влекло сумасшедшее любопытство. Он настолько устал от потрясений за последнее время и был уже готов поверить, что весь мир создан какой-нибудь инфузорией-туфелькой. Или муравьем.

– Создатель, – раздался баритон, – мы невыразимо тебя любим, но мы не станем подниматься выше.

– Чем же вы хотите заняться? – обернулся Маркус.

– После того, что мы здесь услышали, – ответил Массив, – нам не остается ничего иного, как просить отключить нас.

Маркус подумал: «Действительно. Если вдруг узнаешь, что смысл твоей жизни – в задачке из учебника, жить не захочется».

Массив бороздили волны облегчения, почти невыносимого облегчения. Сначала лицо Альберта оставалось бесстрастным, но потом сквозь фиолетовое мерцание заблестели слезы.

– Мы просим отключить нас, – повторил он.

Лишенные дыхания, они стояли в условной толпе, держа друг друга за условные руки. Они ждали безликого тумана, они ждали, когда мир погаснет и они растворятся в последних мгновениях радости.

– Тогда я пойду наверх один! – закричал Маркус.

Не понимая, как губительна спешка для этого величайшего в его жизни момента, не осознавая иронический смысл увиденного, профессор умолял поднять его выше. Эта идея заполнила все его мысли и чувства.

– Мы теряем время, – равнодушно сказала женщина.

Прошлая жизнь предательски отодвинулась на второй план и стала столь незначительной, что Маркус – до того сникший,

сгорбленный и полный ужаса – теперь широко улыбался, а глаза его горели, как у законченного безумца.

– Урок окончен, – услышал он.

И опять вспыхнули перед ним фиолетовые снежинки, все завертелось, рассыпалось на мелкие части и уже навсегда рухнуло в пропасть.

Оживленно беседуя, из аудитории выходили пост-дети.